

«Свидетелей не Осталось»

**Пытки, Неработающий Habeas Corpus и Демонтаж
Независимой Адвокатуры в Узбекистане**

Copyright © 2011 Human Rights Watch

Все права защищены.

Отпечатано в США.

ISBN: 1-56432-845-7

Дизайн обложки: Рафаэль Хименес.

Деятельность Хьюман Райтс Вотч посвящена защите прав человека во всем мире. Вместе с жертвами и активистами мы боремся против дискриминации и за политическую свободу, стремимся к защите людей от последствий войны и к обеспечению правосудия для нарушителей. Мы расследуем и предаем гласности нарушения прав человека и работаем в интересах обеспечения ответственности. Мы требуем от правительств и власть имущих прекращения нарушений и соблюдения международных норм о правах человека. Мы мобилизуем общественность и международное сообщество на поддержку дела обеспечения прав человека для всех.

Хьюман Райтс Вотч является международной организацией, сотрудники которой работают более чем в 40 странах, с офисами в Амстердаме, Бейруте, Берлине, Брюсселе, Чикаго, Женеве, Гоме, Йоханнесбурге, Лондоне, Лос-Анджелесе, Москве, Найроби, Нью-Йорке, Париже, Сан-Франциско, Токио, Торонто, Тунисе, Вашингтоне и Цюрихе.

Веб-сайт: www.hrw.org

ДЕКАБРЬ 2011 Г.

ISBN: 1-56432-845-7

«Свидетелей не осталось»

Пытки, неработающий habeas corpus и демонтаж независимой адвокатуры в Узбекистане

Карта Узбекистана.....	1
Краткое содержание.....	2
Рекомендации	10
Правительству Узбекистана	10
Европейскому союзу и странам-членам	13
США	15
ООН	17
Методология	18
I. Общие Сведения	21
«Систематические Пытки» и Призывы Ввести Habeas Corpus	22
Документирование Пыток в Закрытой Стране.....	23
Слабеющее Давление со Стороны Международного Сообщества	26
Евросоюз: санкции и целевые показатели в области прав человека.....	27
Германия: Нет – Санкциям, Да – Термезу	28
«Позитивные Шаги» и «Диалог».....	30
США: Ограничение Помощи для «Страны, Вызывающей Особую Озабоченность»	32
Афганистан и Конец Санкций Конгресса	33
II. Неработающий Habeas Corpus	37
Законодательство о Введении Habeas Corpus.....	39
Ключевое Международное Право Человека	40
Узость Законодательной Нормы в Узбекистане	42
Безальтернативность Задержания	46
Досудебное Задержание: Скорее Правило, чем Исключение	49
Удовлетворение Большинства Ходатайств о Заключение под Стражу.....	50
Срок Задержания	52
Использование Административных Дел для Обхода Слушаний Habeas Corpus.....	55

Нарушение Права на Беспристрастный Суд	56
Проведение Слушаний в Закрытом Режиме	59
Участие Адвоката	60
Как Адвокату не Дали Возможность Представлять Интересы Клиента	62
Хабеас без Корпуса	64
Право на Обжалование	66
III. Продолжающаяся Практика Пыток	68
Физические и Психологические Пытки в Период Досудебного Задержания	70
Избиение	71
Пытки Абдуманноба А.	74
Причинение Удушья	75
Электрошок	76
Изнасилование и Другое Сексуальное Насилие	77
Изнасилование сестер Соатовых	79
Доступ к Адвокату и Право на Выбор Защитника	81
«Разрешение» на Свидание с Подзащитным	82
Изолированное Содержание	85
«Правило Миранды»	86
Отсутствие Реагирования Суда на Пытки	88
Пустые Слушания Habeas Corpus	90
Суд	90
Пытки Обитходжи О.	92
IV. Демонтаж Независимой Адвокатуры в Узбекистане	94
Вопросы Независимости Адвокатов в Международном Праве и Внутреннем Законодательстве Узбекистана	95
От Ассоциации Адвокатов к «Министерству Адвокатуры»	96
Официальная Монополия Палаты Адвокатов	98
Черные Списки для Адвокатов	101
Лишение адвокатского статуса Рухиддина Комилова	102
Лишение адвокатского статуса Рустама Туляганова	104
Лишившиеся Адвокатского Статуса	106
Дисциплинарные Процедуры	109
Сдерживающее Воздействие	111
Об авторах	114
Приложение	116

Карта Узбекистана

Краткое содержание

На протяжении столетий Узбекистан был известен как крупный торговый и культурный узел на Шелковом пути из Китая в Западную Европу. В последнее время, однако, эта страна стала преимущественно ассоциироваться с таким неприглядным явлением, как пытки.

Пожалуй, самым леденящим кровь свидетельством эпидемии пыток, охватившей отделы милиции в Узбекистане, служат обнародованные местными правозащитниками в 2002 г. фотографии Музафара Авазова, осужденного за религию и умершего в колонии, где его погружали в кипяток. Видевшие тело сообщали о наличии обширной проникающей травмы затылка и многочисленных синяков на лбу и сбоку на шее, а также об отсутствии ногтей на пальцах рук.

В 2003 г. в докладе профильного спецдокладчика ООН пытки в системе уголовной юстиции Узбекистана были признаны «систематическими» и «широко распространенными». Отмечалось, что они нередко имели место в первый период после задержания, во время допроса, когда задержанный не имеет доступа к адвокату и находится вне досягаемости судебного надзора. Появление этого доклада вывело вопиющую ситуацию с правами человека и всепроникающий характер пыток в местах досудебного задержания и уголовно-исполнительных учреждениях в Узбекистане в фокус международного внимания, подтолкнув США, Евросоюз и другие ведущие институты, такие как Европейский банк реконструкции и развития, к введению конкретных целевых показателей в области прав человека, с соблюдением которых правительством Узбекистана было увязано развитие двусторонних отношений и расширение инвестиций в госсектор.

Кризисная ситуация с правами человека в Узбекистане еще больше усугубилась 13 мая 2005 г., когда правительственными войсками были убиты сотни преимущественно безоружных демонстрантов в Андижане, на востоке страны. Упорный отказ Ташкента пойти на независимое расследование применения избыточной силы и развязанные после андижанских событий широкие репрессии против гражданского общества

вызвали публичное осуждение со стороны Евросоюза и, позднее, США и введение ими адресных санкций.

1 января 2008 г., после многолетних требований улучшения ситуации с правами человека и проведения реформ со стороны международного сообщества, правительство Узбекистана вернулось к одной из главных рекомендаций спецдокладчика по пыткам – введению habeas corpus, или судебного рассмотрения досудебного задержания. В январе 2009 г. были также расширены, по крайней мере законодательно, процессуальные права задержанных, включая право на доступ к адвокату и обязанность милиции соблюдать «правило Миранды» в отношении задержанных подозреваемых.

Такие шаги должны были открыть новый, более позитивный, период в истории Узбекистана, однако этого не произошло. Несмотря на внешние улучшения и заявления правительства о приверженности борьбе с пытками, за четыре года с момента введения в Узбекистане habeas corpus ситуация изменилась удручающе мало.

Почти через десять лет после того, как профильный спецдокладчик признал «систематический» и «широко распространенный» характер пыток в Узбекистане, и почти через семь лет после андижанской бойни вопиющая практика властей в области прав человека и положение независимых гражданских активистов в Узбекистане продолжают ухудшаться. Правительство использует введение habeas corpus и другие реформы как пиар-инструмент, всячески превознося новое законодательство как свидетельство поступательной «либерализации» уголовного судопроизводства. Однако нет никаких фактов, которые указывали бы на приверженность правительства реализации принятых законов или искоренению пыток на практике.

В действительности по ряду важных направлений ситуация ухудшилась. Правительство предпринимает шаги по демонтажу независимой адвокатуры и закрыло страну для независимого мониторинга и правозащитной деятельности. Нарастают аресты и преследования политических активистов и правозащитников, продолжают поступать правдоподобные сообщения о случаях произвольного задержания и пыток задержанных, включая несколько подозрительных случаев смерти в местах содержания под стражей. Репрессии против независимых мусульман продолжают с неослабевающей силой, в то время как правительство упорно отказывается разрешать

местным и международным НПО, в том числе и Хьюман Райтс Вотч, осуществлять деятельность без вмешательства со стороны властей. Об ощущении нарастающего кризиса недавно говорила уважаемая в Ташкенте адвокат, которая специализируется на уголовных делах. пытки в период досудебного задержания остаются широко распространенными и, может быть, даже нарастают, отмечала она, единственное отличие сегодняшней ситуации заключается в том, что не осталось никого, кто мог бы быть свидетелем продолжающихся нарушений.

Одновременно официальные лица Узбекистана совершенствуются в умении парировать призывы к улучшению ситуации, приводя в качестве свидетельства «прогресса» принятие разного рода «национальных планов действий» и создание «правозащитных» должностей в государственных ведомствах. Делегации Узбекистана регулярно отчитываются в ООН о проведении ничего не значащих законодательных реформ, которые не реализуются на практике. На фоне этих застарелых и серьезных нарушений недавнее оперативное и наступательное реагирование США и Евросоюза на кровавые репрессии в авторитарных государствах Ближнего Востока и Северной Африки резко контрастирует с отсутствием четкой стратегии в области прав человека на узбекском направлении.

Этот доклад основан на материалах более 100 интервью с пострадавшими от пыток, их родственниками, адвокатами, правозащитниками, учеными и официальными лицами в Узбекистане в 2009 – 2011 гг. и рассматривает три группы проблем: неработающий habeas corpus, сохранение устойчивой практики пыток в местах досудебного задержания и демонтаж независимой адвокатуры.

В докладе рассматривается влияние habeas corpus на пытки в период досудебного задержания и соответствие этого института международно-правовым обязательствам Узбекистана; анализируется практическая реализация дополнительных процессуальных прав, имеющих важнейшее значение для предупреждения пыток, таких как доступ к адвокату. Также документируется использование различных видов пыток и недозволенного обращения при досудебном задержании за период после введения habeas corpus и принятия других реформ (избиение резиновыми дубинками и пластиковыми бутылками с водой, электрошок, подвешивание за запястья и лодыжки, изнасилование и сексуальное унижение, причинение удушья пластиковым пакетом и противогазом, угрозы причинения физического вреда близким). Наконец, в докладе

документировано подавление правительством только формирующейся узбекской адвокатуры, особенно тех адвокатов, специализирующихся на уголовных делах, которые отваживаются заявлять о пытках и браться за политически чувствительные дела.

Хьюман Райтс Вотч установлено, что по прошествии четырех лет после его введения habeas corpus во многом остается только на бумаге. Habeas corpus (лат. – «ты должен иметь тело») – это предписание или юридическое действие, которое гарантирует доставление задержанного в суд для установления законности (как процессуальной корректности, так и необходимости) его дальнейшего задержания после ареста. Это одно из центральных международных прав, призванное не допускать произвольного задержания, и в международном праве и правовых системах всего мира оно считается важнейшей гарантией защиты от пыток. Однако в Узбекистане произвольное задержание является скорее нормой, чем исключением. На практике habeas corpus мало что дает задержанным в Узбекистане для защиты от пыток и недозволенного обращения.

Суды в большинстве случаев удовлетворяют ходатайство прокуратуры о заключении под стражу, нередко дословно утверждая предлагаемые формулировки без независимого рассмотрения. Действующая норма закона является настолько узкой, что входит в противоречие с фундаментальной целью habeas corpus – обеспечить рассмотрение судом законности задержания. Законодательство также не оставляет суду права по своему усмотрению применять другие – более мягкие альтернативы задержанию, такие как залог или домашний арест.

В Узбекистане предельный срок задержания до слушаний habeas corpus составляет 72 часа, что превышает допустимый срок по нормам о правах человека. С целью еще больше оттянуть момент доставления задержанного в суд применяются также различные приемы, включая надуманные административные дела. На решающих этапах следствия не обеспечиваются такие права, как доступ к адвокату и право на выбор защитника, в том числе во время допроса и на самих слушаниях habeas corpus, которые проходят в закрытом режиме.

Практикующие адвокаты говорят, что слушания habeas corpus носят поверхностный характер и лишены важнейших процессуальных гарантий, таких как отвод судьи при

последующем рассмотрении того же уголовного дела по существу. В то время как буквально habeas corpus означает «ты должен иметь тело», в Узбекистане слушания иногда проходят в отсутствие самого задержанного, особенно если речь идет о политически мотивированных делах, что выхолащивает главный смысл этой процедуры.

Столь же иллюзорными, как и habeas corpus, оказались поправки в УПК, вступившие в силу в январе 2009 г. и внешне призванные расширить права задержанных, на которых было распространено действие «правила Миранды» - обязательное разъяснение задержанному, что он вправе хранить молчание, что данные им показания могут быть использованы против него в суде и что у него есть право на собственного или назначенного адвоката. Поправки гарантировали задержанному право на звонок адвокату или близкому родственнику сразу после ареста; однозначно подтвердили право задержанного на свидания с адвокатом с момента задержания; упразднили действовавший ранее порядок, в соответствии с которым свидание с задержанным предоставлялось адвокату по письменному разрешению прокурора.

Пытки – вторая группа проблем, которой посвящен доклад, также остаются широко распространенными. Как показано в докладе, сотрудники милиции и органов безопасности продолжают использовать пытки для принуждения задержанного к даче изобличающих показаний на себя самого или на других лиц, рассматривая их как эффективное средство добиться признания и обеспечить хорошие показатели. Пытки применяются в отношении как предполагаемых противников власти, так и задержанных по «общеуголовным» преступлениям. Как и в случае с habeas corpus, полученные под пыткой признания нередко являются единственным основанием для обвинительного приговора. Судьи до сих пор не расследуют заявления о пытках, не исключают полученные с их помощью доказательства и не привлекают виновных к ответственности.

Некоторые адвокаты, пострадавшие и активисты отмечают, что ситуация с пытками, возможно, ухудшается в условиях нарастающей закрытости страны после андижанских событий 2005 г. и отсутствия какого-либо независимого мониторинга на местах. После Андижана правительство всеми силами пытается искоренить любую независимую правозащитную деятельность, отправляя за решетку и притесняя активистов, которые пытаются документировать пытки, иногда подвергая пыткам и их самих. Ташкент упорно отказывается допускать в страну спецдокладчика ООН по пыткам и другие специализированные механизмы по правам человека, несмотря на неоднократные

запросы приглашения с их стороны, и не разрешает деятельность международных правозащитных организаций или независимых СМИ.

Важным показателем отсутствия у правительства Узбекистана приверженности реализации habeas corpus или борьбе с пытками служит кампания по распространению государственного контроля на адвокатуру – третий круг вопросов этого доклада. В январе 2009 г. закон о реформировании адвокатуры упразднил прежние независимые адвокатские объединения и подчинил правительству созданную им на смену Палату адвокатов. Всем адвокатам пришлось заново получать лицензию, и теперь они обязаны раз в три года пересдавать квалификационный экзамен.

Новый закон, противоречащий как Конституции Узбекистана, так и международным стандартам независимости адвокатов, привел к подчинению адвокатуры правительству. Как свидетельствуют интервью с практикующими адвокатами и теми, кто лишился лицензии, среди последних оказалось несколько адвокатов, которые систематически занимались политически чувствительными делами или заявляли о пытках, а сама реформа оказала сдерживающее воздействие на тех, кто остался в профессии.

В этот же период правительства, традиционно считавшиеся борцами за права человека в Узбекистане (США, Евросоюз и его ключевые члены) ослабили публичную критику Ташкента за ухудшающуюся ситуацию с правами человека, включая продолжающуюся и широко распространенную практику пыток. Движимые краткосрочной заинтересованностью в стратегической важности Узбекистана для обеспечения войны в Афганистане, США и Евросоюз не отреагировали на углубление кризиса с правами человека в этой стране и продолжающиеся гонения на независимое гражданское общество.

Несмотря на то что их главные требования в области прав человека так никогда и не были выполнены, Вашингтон, Брюссель и другие ключевые субъекты во многом отошли от жесткой позиции, занятой вскоре после андижанских событий 2005 г. Они с готовностью восприняли введение habeas corpus и другие так называемые реформы как признаки «прогресса», ограничив обсуждение конкретных вопросов прав человека рамками закрытых переговоров и «диалогов» вдали от публики и тем более от рядовых граждан Узбекистана, которые сталкиваются с суровостью власти.

Однако эта политика «безоглядного сотрудничества» рассчитана на короткую перспективу и способствует только дальнейшему усугублению кризиса с правами человека в Узбекистане. На деле такая незаслуженно высокая оценка пустых реформ в сочетании со все большим акцентом на непубличную дипломатию способствует развитию эпидемии пыток в стране и еще больше осложняет и без того непростое положение узбекских правозащитников и адвокатов, посылая Ташкенту недвусмысленный сигнал о том, что жестокость в отношении собственного народа и подавление гражданского общества останутся без последствий.

Хьюман Райтс Вотч призывает правительство Узбекистана всерьез заняться проблемой всепроникающих пыток на основе предлагаемых в этом докладе конкретных рекомендаций. Последние включают обеспечение реализации habeas corpus в соответствии с международными стандартами, обеспечение реализации процессуальных прав, таких как доступ к адвокату, а также обеспечение независимости адвокатуры.

Принимая во внимание многолетнее игнорирование правительством Узбекистана призывов к реальным реформам, США, Евросоюз, ключевые члены ЕС и другие заинтересованные стороны должны послать президенту Исламу Каримову ясный и последовательный сигнал о том, что от него ждут конкретных и измеримых доказательств того, что его правительство реализует habeas corpus в надлежащем виде, в соответствии с международными стандартами, обеспечивает процессуальные права в период досудебного задержания и независимость адвокатов, а также принимает меры по другим серьезным нарушениям прав человека.

Вашингтон, Брюссель и другие ключевые субъекты должны публично признать систематическое ущемление в Узбекистане прав человека и неотложную необходимость фундаментального изменения своей политики. В рамках этого нового курса они должны установить четкие временные рамки и обеспечивать конкретные политические последствия в случае дальнейшего отсутствия реагирования на основные нарушения прав человека, неоднократно обозначавшиеся ООН, США, Евросоюзом и другими органами.

Без фундаментального изменения политического подхода и в отсутствие последовательного и публичного международного давления в интересах прекращения

пытков ситуация в Узбекистане будет неизбежно ухудшаться, а трагические истории Музафара Авазова и других бесчисленных жертв пыток будут обречены на повторение.

Рекомендации

Правительству Узбекистана

- Обеспечить соблюдение Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.
- Ратифицировать Факультативный протокол к Конвенции против пыток, обязывающий Узбекистан предоставлять доступ в страну Подкомитету по предупреждению пыток и создать независимый национальный механизм предупреждения пыток.
- В полном объеме выполнить рекомендации спецдокладчика ООН по пыткам от февраля 2003 г. по итогам его посещения Узбекистана в 2002 г., обеспечить реализацию habeas corpus в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах, а также принять меры по обеспечению независимости адвокатуры.

В частности, мы настоятельно призываем правительство принять следующие меры:

В области соблюдения права habeas corpus

- Изменить УПК таким образом, чтобы из него ясно следовала обязанность судей в ходе слушаний habeas corpus убеждаться в наличии разумных подозрений для задержания и доказательств необходимости дальнейшего задержания с вынесением решения об освобождении в случае, если законность дальнейшего задержания не будет установлена. Любые постоянные распоряжения должны работать на усиление ответственности судей по оценке законности задержания на слушаниях habeas corpus.
- Изменить УПК таким образом, чтобы обязать судей на слушаниях habeas corpus возбуждать расследование в случае представления prima facie доказательств пыток и недозволенного обращения в период досудебного задержания.
- Изменить УПК таким образом, чтобы предоставить судьям на слушаниях habeas corpus право по собственному усмотрению применять более мягкие альтернативы задержанию, включая гарантии надлежащего поведения, которые позволили бы освободить обвиняемого до суда.

- В соответствии с международными стандартами сократить с 72 до, как минимум, 48 часов максимальный срок задержания по уголовному или административному делу до доставления на слушания habeas corpus.
- Открыть слушания habeas corpus для внешних участников, таких как родственники, представители правозащитных организаций, журналисты, сотрудники дипкорпуса и международных организаций.
- Обеспечить каждому задержанному право на адвоката по выбору на слушаниях habeas corpus и разрешить адвокату предварительную встречу с подзащитным и ознакомление с доказательствами.
- Не допускать рассмотрение уголовного дела тем же судьей, который проводил слушание habeas corpus. Например, проведение таких слушаний можно было бы поручить отдельной группе судей.
- Изменить УПК таким образом, чтобы снять с адвокатов бремя истребования материалов, которыми обосновывается необходимость дальнейшего задержания, обеспечив их немедленную доступность для защитника.

В области предупреждения пыток и обеспечения процессуальных прав

- Обеспечить исполнение норм УПК о предоставлении задержанному полного и беспрепятственного доступа к адвокату по выбору на всех этапах следствия и суда.
- Обеспечить информирование всех задержанных об их правах. Это можно было бы сделать в виде печатной информации, которая выдавалась бы каждому задержанному или вызванному для дачи объяснений, а также размещалась бы на видном месте во всех камерах и помещениях для допроса.
- Довести до сведения милиции, органов госбезопасности, следователей, прокуроров, судей и всех должностных лиц, что пытки не будут прощаться и повлекут суровые меры дисциплинарного и уголовного характера.
- Разъяснить милиции необходимость неукоснительного соблюдения процессуальных норм при задержании лиц.
- Не использовать Кодекс об административной ответственности как основу для задержания какого-либо лица на срок свыше 48 часов без доставления к судье.
- Обеспечить впредь недопустимость использования полученных под пыткой признаний в качестве доказательств в суде.
- Ратифицировать Факультативный протокол к Конвенции против пыток и гарантировать, чтобы орган, такой как Уполномоченный по правам человека

(Омбудсмен), мог выступать в качестве национального механизма предупреждения, как того требует Протокол.

- Обеспечить всем лицам на практике право обращаться с заявлениями о пытках в независимую инстанцию, которая бы их оперативно и тщательно расследовала. Необходимо также исключить возможность запугивания и мести в связи с таким обращением. Наделить Омбудсмана полномочиями и разрешить ему выступать независимым органом по приему и эффективному расследованию заявлений о пытках.
- Обеспечить уголовное преследование тех сотрудников правоохранительных органов, в отношении которых имеются заявления о пытках или недозволенном обращении с задержанными, и применение к ним надлежащих санкций, если такие факты подтвердятся.
- Обеспечить расследование заявлений о пытках, которые делаются в суде, и детальное занесение их в любой протокол судебного заседания и в любое решение суда.
- Обеспечить правозащитным организациям беспрепятственный доступ в суды и места задержания, а также направить приглашения на посещение страны спецдокладчику ООН по пыткам и всем тематическим механизмам ООН, которые такое приглашение запрашивали.
- Разрешить регистрацию для местных правозащитных групп и перерегистрацию для иностранных НПО, включая выдачу виз их сотрудникам, и регулярно консультироваться с гражданскими группами по вопросам соблюдения и реализации Конвенции ООН против пыток.

В области обеспечения независимости адвокатуры

- Обеспечить полную независимость и самоуправляемость Палаты адвокатов, с тем чтобы адвокаты могли адекватно представлять интересы своих клиентов и адвокатуры.
- Лишить Министерство юстиции права назначать и отстранять председателя Палаты адвокатов и ввести свободные выборы на этот пост.
- Ввести свободные выборы председателей региональных подразделений Палаты адвокатов и оградить их деятельность от вмешательства извне.

- Изъять из закона об адвокатуре норму, не допускающую существование каких-либо иных профессиональных адвокатских объединений с функциями, аналогичными Палате адвокатов.
- Изменить состав дисциплинарных комиссий в структуре Палаты адвокатов, с тем чтобы исключить участие в их работе представителей правительства или сохранение последними значительного влияния на дисциплинарные процедуры в отношении адвокатов.
- Исключить учет каких-либо политических или иных произвольных факторов при лицензировании адвокатов или принятии к ним дисциплинарных мер.
- В случае отказа в выдаче или лишения адвокатской лицензии сообщать детальные основания такого решения и обеспечить возможность его пересмотра независимой апелляционной инстанцией.
- Восстановить лицензии тем адвокатам, которые были лишены их вследствие правозащитной деятельности.

Европейскому союзу и странам-членам

Учитывая систематическое несоблюдение Узбекистаном целевых показателей в области прав человека, сформулированных министрами иностранных дел ЕС и неоднократно подтверждавшихся Советом министров иностранных дел ЕС (последний раз – в октябре 2010 г.), Совет должен обеспечить уверенное сохранение вопроса о ситуации с правами человека в Узбекистане в своей повестке и регулярную оценку реагирования Евросоюза на продолжающиеся нарушения и сохраняющуюся безнаказанность.

В частности, Совету министров иностранных дел ЕС следует:

- Определить пути придания реального содержания его обещанию поставить «глубину и качество» отношений в прямую «зависимость от узбекских реформ и прогресса».
- Еврокомиссар по внешней политике и министры иностранных дел ЕС должны определить сроки соблюдения установленных целевых показателей правительством Узбекистана и предусмотреть конкретные политические последствия в случае их нарушения, такие как введение адресных ограничений в отношении государственных организаций и отдельных лиц, ответственных за грубые нарушения прав человека в Узбекистане. Такие ограничения должны

включать запрет на въезд и замораживание активов для лиц, ответственных за пытки и недозволенное обращение, за безнаказанность этих нарушений, за лишение свободы правозащитников, журналистов и представителей политической оппозиции и за репрессии и притеснения независимого гражданского общества.

Другие возможные конкретные меры со стороны Евросоюза:

- Учитывая длительное и систематическое отсутствие сотрудничества с органами ООН по правам человека со стороны правительства Узбекистана, в том числе невыполнение рекомендаций договорных органов и специализированных механизмов и отказ, несмотря на неоднократные запросы последних, направлять им приглашения на посещение страны, а также учитывая сохранение в Узбекистане практики серьезных и массовых нарушений прав человека, поддержать создание Советом ООН по правам человека международного мониторингового механизма по Узбекистану, такого как спецдокладчик по ситуации с правами человека в этой стране.
- Добиваться от правительства Узбекистана разрешения регистрации местных и перерегистрации иностранных НПО, включая выдачу виз и аккредитацию их сотрудников.
- Комиссия ЕС должна исключить Узбекистан из общеевропейской системы преференций, предусматривающей освобождения от пошлин на импорт из этой страны.
- Сотрудники недавно открытого в Ташкенте представительства ЕС и дипмиссий отдельных стран-членов должны внимательно отслеживать ситуацию с пытками и реагировать на нее, в том числе посредством регулярного мониторинга судебных процессов, ведения учета заявлений о пытках, обсуждения с властями конкретных случаев пыток и отслеживания их реакции, периодических запросов на посещение мест задержания.
- Обеспечивать участие местных независимых гражданских активистов и экспертов-правоведов в мероприятиях в рамках Европейской инициативы по верховенству права в Узбекистане, в том числе посредством обеспечения возможности их реального участия в мониторинге и реализации habeas corpus или процессуальных прав лиц, задержанных до суда. Обнародовать содержание и итоги поддерживаемых ЕС инициатив в этой области и периодически проводить публичную оценку их эффективности.

- При любой возможности поднимать вопросы пыток, habeas corpus и независимости адвокатов, в том числе, но не ограничиваясь, в рамках диалога по правам человека между ЕС и Узбекистаном, с обнародованием конкретных вопросов, которые поднимались в рамках этого диалога, и конкретных шагов, которые ожидаются от правительства Узбекистана для снятия соответствующих озабоченностей Евросоюза и отдельных стран-членов.
- Высокопоставленные официальные лица на уровне стран-членов должны использовать двусторонние встречи высокого уровня для выражения озабоченности ситуацией с правами человека, определить сроки выполнения правительством Узбекистана целевых показателей, установленных Советом министров иностранных дел ЕС, и предусмотреть конкретные политические последствия в случае их нарушения, такие как введение адресных ограничений в отношении государственных органов и отдельных лиц, ответственных за грубые нарушения прав человека в Узбекистане.

США

Учитывая упорный отказ Узбекистана обеспечить «существенное и последовательное улучшение» ситуации с правами человека, как предусмотрено Законом о консолидированных ассигнованиях, или всерьез заниматься проблемой пыток и недозволенного обращения и другими грубыми нарушениями, которые документированы в ежегодных докладах Госдепартамента о ситуации с правами человека в зарубежных странах и Комиссией по свободе религии в зарубежных странах, правительство США должно безотлагательно повысить приоритетность ситуации с правами человека в Узбекистане в своей двусторонней повестке. Следует:

- Определить ожидаемые сроки принятия правительством Узбекистана конкретных мер по улучшению ситуации с правами человека.
- Обозначить конкретные политические последствия в случае непринятия таких мер. Они должны включать введение адресных ограничений, таких как замораживание активов и запрет на въезд (частично уже существуют) в отношении государственных организаций и отдельных лиц, ответственных за грубые нарушения прав человека в Узбекистане, в том числе за пытки и недозволенное обращение, за лишение свободы правозащитников, журналистов и представителей политической оппозиции и за репрессии и притеснения независимого гражданского общества.

Другие возможные конкретные меры со стороны США:

- Заморозить помощь по линии безопасности, включая прямую военную помощь, до тех пор пока правительством Узбекистана не будут предприняты содержательные шаги по борьбе с пытками и устранению других нарушений прав человека, как, например, было рекомендовано выше.
- Учитывая длительное и систематическое отсутствие сотрудничества с органами ООН по правам человека со стороны правительства Узбекистана, в том числе невыполнение рекомендаций договорных органов и специализированных механизмов и отказ, несмотря на неоднократные запросы последних, направлять им приглашения на посещение страны, а также учитывая сохранение в Узбекистане практики серьезных и массовых нарушений прав человека, поддержать создание Советом ООН по правам человека международного мониторингового механизма по Узбекистану, такого как спецдокладчик по ситуации с правами человека в этой стране.
- Добиваться от правительства Узбекистана разрешения регистрации местных и перерегистрации иностранных НПО, включая выдачу виз и аккредитацию их сотрудников.
- Сотрудники посольства США должны внимательно отслеживать ситуацию с пытками и реагировать на нее, в том числе посредством регулярного мониторинга судебных процессов, ведения учета заявлений о пытках, обсуждения с властями конкретных случаев пыток и отслеживания их реакции, периодических запросов на посещение мест задержания.
- При любой возможности поднимать вопросы пыток, habeas corpus и независимости адвокатов, в том числе, но не ограничиваясь, в рамках ежегодных двусторонних консультаций США-Узбекистан, с обнародованием конкретных вопросов, которые поднимались в рамках этих консультаций, и конкретных шагов, которые ожидаются от правительства Узбекистана для снятия соответствующих озабоченностей американской стороны.
- Снять действующий мораторий на применение существующих санкций, включая стоп-лист для высокопоставленных чиновников, как они определены Госдепартаментом при отнесении Узбекистана к «странам, вызывающим особую озабоченность» в связи с систематическими нарушениями свободы религии, в том числе в связи с пытками.
- Раскрыть информацию о военных контактах США с узбекскими компаниями и государственными организациями и регулярно проверять любые бюджетные

расходы, которые идут на выплату или предоставление средств компаниям или правительству Узбекистана, с тем чтобы Конгресс США и гражданское общество в Узбекистане могли быть уверены в том, что такие средства используются по назначению и не растрачиваются на нецелевое использование и коррупцию. Результаты аудита должны быть общедоступными.

ООН

- Учитывая длительное и систематическое отсутствие сотрудничества с органами ООН по правам человека со стороны правительства Узбекистана, в том числе невыполнение рекомендаций договорных органов и специализированных механизмов и отказ, несмотря на неоднократные запросы последних, направлять им приглашения на посещение страны, а также учитывая сохранение в Узбекистане практики серьезных и массовых нарушений прав человека, Совет ООН по правам человека должен создать международный мониторинговый механизм по Узбекистану, такой как спецдокладчик по ситуации с правами человека в этой стране.
- Профильные тематические механизмы ООН, в том числе спецдокладчики по пыткам и по вопросу о независимости судей и адвокатов, должны возобновить запросы приглашений на посещение Узбекистана и использовать каждую возможность, чтобы выражать озабоченность и запрашивать информацию у правительства этой страны посредством пресс-релизов, обращений и переписки относительно ситуации в Узбекистане применительно к их мандатам.
- Профильные договорные органы ООН должны поднимать вопросы пыток, habeas corpus и независимости адвокатов в рамках периодического рассмотрения ситуации в Узбекистане, развивая правомерное акцентирование этих вопросов Комитетом по правам человека и Комитетом против пыток в их заключительных замечаниях по итогам рассмотрения Узбекистана, соответственно, в 2007 и 2010 гг.
- Государства – члены ООН должны в полной мере задействовать потенциал механизма универсального периодического обзора, чтобы ставить вопросы о пытках, habeas corpus и независимости адвокатов с учетом рекомендаций профильных органов ООН и настоящего доклада и настоятельно призывать правительство Узбекистана к осуществлению шагов по устранению обозначенных проблем.

Методология

Хьюман Райтс Вотч в течение многих лет исследовала проблему пыток и недозволенного обращения и работу системы уголовной юстиции в Узбекистане. Этот доклад основан на более чем 100 углубленных интервью, проводившихся Хьюман Райтс Вотч в Узбекистане в октябре – декабре 2010 г., в ходе нескольких исследовательских выездов в 2009 г. и за пределами Узбекистана в 2011 г. Последующие интервью и дистанционные исследования также проводились вплоть до конца ноября 2011 г.

Нами были проинтервьюированы жертвы и свидетели пыток и недозволенного обращения, их родственники, адвокаты, эксперты-правоведы, включая бывшего члена Верховного суда Узбекистана, местные правозащитники, а также представители ташкентского дипкорпуса и сотрудники международных организаций. Мы также провели встречи с шестью официальными лицами Узбекистана.

Хьюман Райтс Вотч выходила на жертв и свидетелей нарушений с помощью узбекских адвокатов и правозащитников, а также по сообщениям СМИ. В некоторых случаях адвокаты предоставляли нам контактную информацию своих коллег. Интервью проводились на русском и английском языке сотрудниками, которые свободно владеют обоими языками. Некоторые интервью проводились на узбекском, во время таких интервью наш переводчик (узбекский язык для него - родной) переводил на английский и русский.

В то время как одни собеседники названы в докладе настоящими именами, в других случаях имена не разглашаются по соображениям безопасности или по просьбе собеседника. В таких случаях собеседнику присваивается псевдоним, состоящий из имени, выбранного случайной выборкой, и первой буквы фамилии, совпадающей с первой буквой выбранного имени, например Алишер А. Такие псевдонимы никак не связаны с другими докладами Хьюман Райтс Вотч по Узбекистану.

В докладе также использованы доклады правительства Узбекистана договорным органам ООН, а также материалы наших встреч в МИДе и аппарате Уполномоченного

по правам человека в ноябре – декабре 2010 г., когда в Ташкенте еще работал представитель Хьюман Райтс Вотч. Несмотря на наши неоднократные запросы, представители контролируемого правительством Национального центра по правам человека и должностные лица Министерства юстиции не сочли возможным встретиться для обсуждения работы Хьюман Райтс Вотч в Узбекистане.

В ноябре 2011 г. мы направили письма министру внутренних дел, генеральному прокурору, министру юстиции, министру иностранных дел, уполномоченному по правам человека и руководителю Национального центра по правам человека с предложением изложить позицию относительно документированных в этом докладе выводов, а также представить нам соответствующую информацию, включая данные о числе ходатайств habeas corpus о досудебном заключении под стражу, расследований заявлений о пытках и о числе адвокатов, лишившихся лицензии в результате реформирования адвокатуры в 2009 г. На момент подготовки доклада в печать Хьюман Райтс Вотч не получила ответа на свое письмо от 10 ноября 2011 г. ни от одного из вышеперечисленных государственных ведомств Узбекистана. Наше письмо правительству приводится в приложении к докладу.

Хьюман Райтс Вотч сталкивалась с серьезными препятствиями при проведении исследований для этого доклада и при общем мониторинге ситуации с правами человека в Узбекистане. Слежка со стороны властей затрудняла наши передвижения, в ряде случаев нам приходилось прерывать интервью или встречи, чтобы не подвергать опасности наших собеседников. После андижанских событий 13 мая 2005 г. и тотальных репрессий против гражданского общества, развязанных после них властями Узбекистана, местные и иностранные правозащитники, в том числе Хьюман Райтс Вотч, сталкиваются со все более враждебным окружением, которое серьезно ограничивает возможности работы в Узбекистане.

В июне 2011 г., после многолетней обструкции нашей деятельности в Узбекистане, Верховный суд удовлетворил ходатайство Министерства юстиции об «аннулировании» регистрации ташкентского представительства Хьюман Райтс Вотч, созданного в 1996 г. Этому предшествовал отказ в рабочей аккредитации для его директора в декабре 2010 г. В качестве мотива отказа власти указали на то, что со стороны Хьюман Райтс Вотч сложилась «устойчивая практика» «игнорирования национального законодательства Узбекистана», а также на отсутствие у ее сотрудников «опыта сотрудничества с

Узбекистаном» и «работы в регионе в целом». При этом не уточнялось, какие именно законы нарушались нами. Последний отказ был выдержан в том же духе, что и полученный предыдущим директором в июле 2008 г., в котором указывалось на «непонимание узбекской культуры или традиций».

С июля 2008 г., когда власти первый раз отказали в аккредитации предыдущему нашему представителю и впоследствии запретили ему въезд в страну, Хьюман Райтс Вотч была лишена возможности поддерживать непрерывное присутствие в Узбекистане. Правительство препятствовало работе нашего ташкентского офиса с 2004 г., отказывая в визах и/или аккредитации практически каждому штатному сотруднику, в отношении одного сотрудника имели место угрозы уголовного преследования.

В июле 2009 г. власти депортировали нашего консультанта сразу по ее прибытии в Ташкент, а в декабре того же года наш сотрудник подвергся нападению в Карши, которое, как представляется, было инспирировано властями.

Хьюман Райтс Вотч не намерена отказываться от расследования нарушений прав человека в Узбекистане. Нас особенно тревожат последствия, которые принудительное закрытие нашего представительства будет иметь для находящегося в непростых и все более изолированных условиях сообщества правозащитников, независимых журналистов и адвокатов, которые по-прежнему сталкиваются с неослабевающими притеснениями, запугиванием, угрозами или того хуже всего лишь из-за своей правозащитной деятельности.

I. Общие Сведения

Неработающий habeas corpus, продолжающиеся и после его введения пытки в местах досудебного задержания и демонтаж независимой адвокатуры – все это проявления многолетнего кризиса с правами человека в Узбекистане, усугубляющегося на протяжении 20 лет независимости после распада СССР.

С 1992 г. правительство Узбекистана, возглавляемое президентом Исламом Каримовым, начало нападать, отправлять за решетку и изгонять из страны своих политических оппонентов. В течение больше двух десятилетий авторитарного правления Каримова оно остается одним из самых репрессивных в мире.

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. правительство развязало тотальную кампанию по лишению свободы тысяч мусульман по неоправданно широким и некорректно сформулированным обвинениям в «религиозном экстремизме».¹ Следующим крупным поворотным пунктом стали события 13 мая 2005 г., когда в Андижане правительственными войсками были убиты сотни преимущественно безоружных демонстрантов. Власти развязали ожесточенные репрессии против местных гражданских групп, в ходе которых были отправлены за решетку десятки правозащитников и других лиц, которые пытались рассказывать правду о бойне и требовать ответственности.²

Репрессии против гражданского общества продолжаются до сих пор: за решеткой все еще находятся по меньшей мере 11 правозащитников и целый ряд журналистов и представителей политической оппозиции. Тысячи человек отбывают длительные сроки по делам о религиозном экстремизме.³

¹ Подробнее см.: *Хьюман Райтс Вотч*. Создавая образ врага. Религиозные преследования в Узбекистане. Март 2004 г., <http://www.hrw.org/ru/reports/2004/03/29-1>.

² Подробнее см.: *Хьюман Райтс Вотч*. Сохранить все в тайне. Репрессии в Андижане продолжаются. Май 2008 г., <http://www.hrw.org/ru/reports/2008/05/11>; *Хьюман Райтс Вотч*. Заметая следы. Ташкент переписывает историю андижанских событий. Сентябрь 2005 г., <http://www.hrw.org/ru/reports/2010/05/11-0>; Natalia Antelava, “Uzbek exiles mark Andijan deaths,” BBC News, May 13, 2007, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/6650907.stm>.

³ United States Commission on International Religious Freedom, *USCIRF Annual Report 2011 – Countries of Particular Concern*, May 2011, <http://www.uscirf.gov/images/book%20with%20cover%20for%20web.pdf>.

«Систематические пытки» и Призывы Ввести Habeas Corpus

В конце 1990-х – начале 2000-х гг. широко распространенные пытки задержанных по уголовным делам стали «визитной карточкой» государственных репрессий против независимого ислама.⁴ Массовая кампания властей по лишению свободы тысяч якобы «религиозных экстремистов» стала встречать противодействие со стороны все более активного гражданского общества. В результате стали появляться леденящие кровь фотографии умерших за решеткой со следами пыток, такие как снимки тела Музафара Авазова – религиозного заключенного, которого, как можно предполагать, окунали в кипяток.⁵

Как участник Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.), Узбекистан обязан представлять в Комитет против пыток периодические доклады о соблюдении конвенции.⁶ В июне 2002 г. Комитет выразил озабоченность в отношении «особенно многочисленных, непрекращающихся и систематических утверждений о весьма жестоких актах пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видах обращения или наказания, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов».⁷ Он сформулировал 15 рекомендаций, включая, среди прочего, обеспечение оперативного, беспристрастного и полного расследования заявлений о пытках; обеспечение на практике полного соблюдения принципа недопустимости полученных под пытками доказательств; обеспечение задержанным доступа адвокату, врачу и членам семьи с момента их фактического задержания.⁸

Через несколько месяцев правительство предприняло важный шаг, пригласив в страну спецдокладчика ООН по пыткам.⁹ Казалось, что его посещение Узбекистана в ноябре 2002 г. послужит толчком для фундаментальных реформ по искоренению пыток в

⁴ Human Rights Watch, *“And it Was Hell All over Again:” Torture in Uzbekistan*, vol. 12, no. 12(D), December 2000, <http://www.hrw.org/reports/2000/12/01/and-it-was-hell-all-over-again-torture-uzbekistan>.

⁵ Подробнее см.: Human Rights Watch, *Uzbekistan: Two Brutal Deaths in Custody*, August 9, 2002, <http://www.hrw.org/news/2002/08/09/uzbekistan-two-brutal-deaths-custody>; Amnesty International, *Amnesty International Report 2003 - Uzbekistan*, May 28, 2003, <http://www.unhcr.org/refworld/docid/3edb47e3o.html>.

⁶ Узбекистан присоединился к этой конвенции 28 сентября 1995 г.

⁷ Комитет против пыток. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции. Узбекистан. 6 июня 2002 г., CAT/C/CR/28/7.

⁸ Там же.

⁹ На тот момент спецдокладчиком был Тео ван Бовен, с 1 декабря 2004 г. по ноябрь 2010 г. – Манфред Новак, в настоящее время – Хуан Мендес.

Узбекистане. В опубликованном в феврале 2003 г. итоговом докладе спецдокладчик назвал пытки в Узбекистане «систематическими» и сформулировал 22 рекомендации.¹⁰ Как и Комитет против пыток, он призвал власти публично и на самом высоком уровне осудить пытки и обеспечить доступ к адвокату. В части предупреждения пыток в местах досудебного задержания была особо выделена важность включения в законодательства права на habeas corpus.¹¹

Документирование Пыток в Закрытой Стране

После выхода доклада правительство Узбекистана так и не признало «систематический» характер пыток в системе уголовной юстиции. Как показано ниже, введенная в стране версия habeas corpus и другие реформы уголовного процесса не привели к сколько-нибудь реальному изменению ситуации.

Вместо этого на протяжении всех последующих лет мы наблюдали со стороны правительства Узбекистана ставшее уже привычным принятие – нередко накануне рассмотрения ситуации тем или иным договорным органом ООН – внешне прогрессивных мер, которые впоследствии не реализуются на практике, а иногда и сводятся на нет дальнейшими подзаконными актами.¹²

В ООН и в двустороннем формате с другими государствами правительство Узбекистана использует habeas corpus и другие реформы как инструмент пиара, нередко пуская его в ход, чтобы парировать критику и уйти от содержательного ответа на конкретные вопросы. Так, в ходе общих дебатов в Совете ООН по правам человека 11 марта 2011 г.

¹⁰ Комиссия ООН по правам человека. Доклад специального докладчика по вопросу о пытках Тео ван Бовена, представленный в соответствии с резолюцией 2002/38 Комиссии. Добавление. Миссия в Узбекистан. 3 февраля 2003 г., E/CN.4/2003/68/Add.2.

¹¹ Там же.

¹² Одним из наиболее ярких примеров могут служить усилия правительства по ограничению независимости адвокатуры всего через год после введения habeas corpus, когда независимые адвокатские объединения были ликвидированы, а пришедшая им на смену Палата адвокатов – подчинена Министерству юстиции. Другим примером является создание в силовых ведомствах, включая Минюст и МВД, различных должностей по правам человека и «ресурсных центров». Так, в МВД создано Управление защиты прав человека и юридического обеспечения, а на его базе – Ресурсный центр по правам человека. Со стороны этого управления пока не просматривается каких-либо независимых полномочий или желания в части обуздания продолжающейся практики пыток и недозволенного обращения, которая по-прежнему широко распространена среди рядовых сотрудников милиции. См.: «Эффективность сотрудничества». Информация МВД РУз от 17 октября 2011 г., <http://www.mvd.uz/ru/content/info/596>. Правительство проводит различные конференции, круглые столы и тренинги, иногда с участием международных экспертов. Аналогичная ситуация наблюдается и с ратификацией Узбекистаном Второго факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах. Несмотря на его ратификацию в 2008 г., частота случаев исчезновения и пыток политических диссидентов и нарушений гражданских и политических прав остается высокой.

представитель Узбекистана, комментируя неправительственный доклад о пытках, заявил, что «законодательное закрепление habeas corpus и отмена смертной казни в Узбекистане дополнительно свидетельствовали о приверженности Узбекистана выполнению рекомендаций, полученных в рамках универсального периодического обзора».¹³

Одновременно после андижанских событий в Узбекистане невероятно осложнились документирование и оценка общей ситуации с пытками, поскольку власти систематически подавляют независимое гражданское общество, отправляя за решетку многих активистов. Некоторые осужденные правозащитники, документировавшие пытки, такие как Гаибулло Джалилов и Акзам Тургунов, и сами подверглись такому обращению.¹⁴

Обвиняемые в терроризме в связи с андижанскими событиями 13 мая 2005 г. на слушании в Верховном суде Узбекистана 20 сентября 2005 г. В отношении фигурантов «андижанских» дел правозащитниками были документированы пытки и недозволенное обращение в местах досудебного задержания. Фото: © 2005, Agence France Presse.

¹³ Office of the High Commissioner for Human Rights, “Human Rights Council continues general debate on the promotion and protection of all human rights”, March 11, 2011, <http://www.ohchr.org/EN/NewsEvents/Pages/DisplayNews.aspx?NewsID=10840&LangID=E>.

¹⁴ Human Rights Watch, *Uzbekistan’s Imprisoned Human Rights Defenders*, May 12, 2011, http://www.hrw.org/news/2011/05/12/uzbekistans-imprisoned-human-rights-defenders_

Независимые группы, все еще не оставляющие попыток освещать ситуацию с пытками, такие как Общество прав человека Узбекистана или Правозащитный альянс, по-прежнему не могут получить регистрацию, что делает их уязвимыми для притеснений, включая домашний арест и другие формы инспирируемого властями насилия и запугивания. Единственная действующая независимая правозащитная организация с официальной регистрацией – это «Эзгулик», но и она находится под прессингом диффамационных дел. В 2010 г. в ее офис проникли неизвестные, которые похитили конфиденциальную базу со свидетельствами пострадавших от нарушений. Не исключено, что к этому инциденту были причастны власти.¹⁵

Немногим лучше положение и у международных правозащитных организаций или СМИ, которые, работая в Узбекистане, регулярно пытались предавать гласности факты пыток или помогать развитию местной адвокатуры и СМИ. Начиная с 2004 г., и активизировав эти усилия после андижанских событий, правительство выдало из страны целый ряд организаций, таких как Институт «Открытое общество», Би-би-си, Deutsche Welle, Радио Свобода, Интерньюс, Фридом хауз, Counterpart International, Американская ассоциация адвокатов. Ни одна из организаций, которым пришлось свернуть свою деятельность, так и не вернулась в Узбекистан.

В июне 2011 г. правительство закрыло просуществовавший 15 лет ташкентский офис Хьюман Райтс Вотч.¹⁶ Значительная часть его работы традиционно была связана с документированием заявлений о пытках и незаконном обращении в местах лишения свободы и изоляторах МВД и СИБ, а также с подготовкой рекомендаций по исправлению ситуации для правительства Узбекистана и других субъектов. Ташкент также по-прежнему отказывается допускать в страну спецдокладчика ООН по пыткам и еще девять экспертов ООН, запросивших посещение.

Такая закрытость страны серьезно осложняет количественную оценку реального масштаба пыток в сегодняшнем Узбекистане, позволяя властям все в большей степени контролировать информацию. Однако, как показано в этом докладе, многочисленные и заслуживающие доверия заявления о пытках и незаконном обращении

¹⁵ Хьюман Райтс Вотч. Узбекистан: кража данных из офиса правозащитной организации. 24 мая 2010 г., <http://www.hrw.org/ru/news/2010/05/24-o>.

¹⁶ Sophia Kishkovsky, "Rights Watch Group Forced to Shut Its Uzbek Office," *New York Times*, March 15, 2011, <http://www.nytimes.com/2011/03/16/world/asia/16iht-uzbek16.html>.

продолжают поступать.¹⁷ Они указывают на то, что риску пыток подвергается любой человек, задержанный по подозрению как в совершении «общеуголовного» преступления (например, убийство или грабеж), так и в причастности к группам, которые правительство огульно причисляет к «экстремистским».

Слабеющее Давление со Стороны Международного Сообщества

В последние годы государства, традиционно считавшиеся борцами за права человека в Узбекистане (США, Евросоюз и его ключевые члены – Германия, Франция и Великобритания) ослабили публичную критику Ташкента за ухудшающуюся ситуацию с правами человека и во многом отошли от жесткой позиции, которую они демонстрировали сразу после расстрела правительственными войсками сотен преимущественно безоружных демонстрантов в мае 2005 г.

Столкнувшись с невозмутимостью президента Ислама Каримова, который категорически отвергал все призывы к независимому международному расследованию андижанских событий или к улучшению ситуации с правами человека, США и Евросоюз вместо применения реальных политических рычагов пошли на смягчение собственных ключевых требований, выдвигавшихся в связи с андижанскими событиями и проблемой пыток. Вместо того чтобы увязать развитие экономических и военных отношений с выполнением Узбекистаном ключевых целевых показателей в области прав человека, Вашингтон, Брюссель, Берлин и другие ведущие субъекты сделали ставку на «тихую дипломатию» и так называемое «конструктивное сотрудничество» с Ташкентом.

Это изменение политического курса происходило в течение нескольких лет. Заметнее всего терпимость Запада в отношении Узбекистана обозначилась в 2011 г. на фоне проявленной администрацией Обамы и европейскими лидерами во время «арабской весны» решительности в вопросе о необходимости поддержки свободы народов, боровшихся с репрессивными политическими системами и засидевшимися во власти авторитарными правителями.

¹⁷ По данным руководителя ташкентской Инициативной группы независимых правозащитников Сурата Икрамова, только в 2010 г. в местах задержания умерли 39 человек, вероятнее всего – вследствие пыток. См.: Umida Niyazova, *Uzbek Prison Brutality Continues Unchecked*, Institute for War and Peace Reporting, January 17, 2011, <http://iwpr.net/report-news/uzbek-prison-brutality-continues-unchecked>; Pavol Stracansky, *Muslims Face Horrific Torture in Jails*, Inter Press Service, January 11, 2011, <http://ipsnews.net/news.asp?idnews=54082>.

Сторонники «конструктивного сотрудничества» ссылаются на то, что публичная критика неэффективна и только отталкивает партнера. Но, как показано в этом докладе, за последние несколько лет ситуация по целому ряду направлений – от пыток до подавления независимого гражданского общества - только ухудшилась, а конструктивное сотрудничество все это время больше напоминало сдачу позиций. Это привело к дальнейшей изоляции и без того находящимся в трудном положении узбекских правозащитников, независимых адвокатов и жертв нарушений.

Евросоюз: санкции и целевые показатели в области прав человека

Евросоюз ввел санкции в отношении Узбекистана в октябре 2005 г. в связи с отказом Ташкента пойти на международное расследование андижанских событий и последовавшими репрессиями против гражданского общества.¹⁸ Изначально санкционный режим включал стоп-лист для 12 должностных лиц Узбекистана, которых в ЕС считали «прямо ответственными за неизбирательное применение избыточной силы в Андижане», эмбарго на поставки оружия и частичное приостановление рамочного Соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС. Это стало первым случаем, когда Евросоюз частично приостановил СПС с какой-либо страной по правозащитным основаниям.

В ноябре 2006 г. было восстановлено действие Соглашения о партнерстве и сотрудничестве, а в мае 2007 г. стоп-лист был сокращен на четыре фамилии. В октябре того же года, формально продлив санкционный режим еще на год, Евросоюз на полгода приостановил действие стоп-листа, представив это жестом доброй воли, призванным побудить Ташкент к проведению необходимых реформ. В апреле 2008 г. приостановление действия стоп-листа было продлено еще на полгода, а в октябре он был вообще отменен, в результате чего от санкций осталось только эмбарго на поставки оружия. Ключевые европейские требования в области улучшения ситуации с правами человека, включая ответственность за андижанскую бойню, освобождение политзаключенных и обеспечение условий для свободной работы местных и международных НПО, так и не были выполнены.

¹⁸ “Council Common Position of 14 November 2005 concerning restrictive measures against Uzbekistan,” 2005/792/CFSP, Official Journal L 299/72, December 16, 2005, <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2005:299:0072:0079:EN:PDF>; “General Affairs and External Relations,” Council of the European Union, C/05/242, October 3, 2005, <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=PRES/05/242&format=HTML&aged=0&language=EN&guiLanguage=en>.

Европейские санкции были во многом символическими, но и они оказывали весомую моральную поддержку жертвам нарушений прав человека.¹⁹ Однако почти сразу после их принятия несколько членов Евросоюза, в первую очередь Германия, открыто взяли курс на подрыв санкционного режима и стали посылать противоречивые сигналы, только ослаблявшие любой эффект, который санкции все же оказывали. Вместо того чтобы послать Ташкенту ясный сигнал о том, что развитие отношений с ЕС будет зависеть от улучшения ситуации с правами человека и ответственности за серьезные нарушения, немецкие дипломаты фактически подрывали санкционный режим, открыто говоря о том, что санкции и целевые показатели в области прав человека, с которыми была увязана их отмена, - это неэффективные политические инструменты, которые только раздражают узбекскую сторону.

Германия: Нет – Санкциям, Да – Термезу

Самым показательным примером непоследовательности европейской позиции служит история с приездом в Германию бывшего министра внутренних дел Узбекистана Зокира Алматова, который был одним из главных архитекторов реагирования властей Узбекистана на андижанские события. Несмотря на то что он возглавлял европейский стоп-лист, Германия выдала ему визу по гуманитарным основаниям – для лечения в одной из ганноверских клиник. Это было сделано буквально за несколько дней до официального обнародования стоп-листа. Отсутствие со стороны Берлина одновременного публичного заявления о полной поддержке санкций серьезно подорвало их эффективность и стало откровенным нарушением духа стоп-листа. В конце 2005 г. несколько человек, подвергавшихся пыткам в Узбекистане в связи с андижанскими событиями, обратились к властям Германии с требованием возбудить в отношении Алматова и других высокопоставленных узбекских руководителей расследование о совершении преступлений против человечества. В декабре 2005 г. федеральный прокурор отказал в проведении такого расследования на том основании, что к тому моменту Алматов уже не было в Германии. Тот вернулся в Узбекистан и вскоре был снят с поста министра внутренних дел.²⁰

¹⁹ Ian MacWilliam, "Uzbek opposition lauds sanctions," BBC, October 4, 2005, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/asia-pacific/4308340.stm>

²⁰ Human Rights Watch, *Germany and Accountability for Crimes Against Humanity in Uzbekistan: Questions and Answers, December 2005*, <http://www.hrw.org/english/docs/2005/12/15/uzbeki12294.htm>.

Определяющим фактором позиции Берлина в отношении прав человека в Узбекистане и его попыток минимизировать европейские санкции и давление на Ташкент является заинтересованность в использовании авиабазы в Термезе на юге Узбекистана для обеспечения операций в Афганистане. Пожалуй, наиболее существенным проявлением отсутствия у Германии политической воли добиваться выполнения Узбекистаном сформулированных Евросоюзом целевых показателей в области прав человека стали многомиллионные выплаты Ташкенту за использование авиабазы в Термезе как раз в тот период, когда действовали европейские санкции.

По информации источников в Бундестаге, в 2005 – 2009 гг. Германия заплатила Узбекистану за использование авиабазы в общей сложности 67,9 млн. евро. Платежи нарастали ежегодно, пока действовал санкционный режим, и снизились в 2008 г., когда санкции были почти полностью отменены. В 2010 г. Берлин заплатил в общей сложности 25,9 млн. евро, и, видимо, намерен платить и дальше, пока будет пользоваться базой в Термезе.²¹ По данным Министерства обороны Германии, операционные расходы на содержание базы в Термезе с февраля 2002 г. по конец 2010 г. составили, оценочно, 88 млн. евро.²²

Официальные лица Германии критиковали и фактически подрывали европейские санкции и целевые показатели в области прав человека, с которыми была увязана возможность их отмены, называя их неэффективными и вызывающими лишь ненужное раздражение у правительства Узбекистана. Однако в Берлине ни разу публично не озвучивали, рассматривала ли Германия альтернативы Термезу, и если да, то почему выбор делается в пользу поддержки правительства, которое продолжает совершать грубые нарушения прав человека.²³

²¹ Хьюман Райтс Вотч. Германия: использовать визит Норова как повод поставить вопрос о правах человека. 20 мая 2011 г., <http://www.hrw.org/ru/news/2011/05/20>. 13 апреля 2010 г. Германия подписала с Узбекистаном соглашение, предусматривающее ежегодную выплату 15,96 млн. евро за транзит войск и материально-технического обеспечения через его территорию. Первый платеж был отправлен Министерству финансов Узбекистана в январе 2011 г.

²² Письмо парламентского статс-секретаря Минобороны Томаса Коссендея депутату Бундестага Виоле фон Крамон от 15 апреля 2011 г. Письмо сначала было опубликовано на сайте Бундестага, однако затем Минобороны попросило снять его, сославшись на конфиденциальность информации. Deidre Tynan, "Uzbekistan: Tashkent Tries to Stuff Termez Genie Back in the Bottle," Eurasianet.org, August 4, 2011. Статистика из этого письма в конце ноября 2011 г. еще была доступна на: AG Freidenforschung, <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Bundeswehr/BT1705638-Auszug.pdf>.

²³ Некоторые депутаты Бундестага все активнее выражают свое несогласие с тихой дипломатией в отношении прав человека в Узбекистане. 19 мая 2011 г. четверо депутатов во главе с Виолой фон Крамон призвали канцлера Ангелу Меркель поставить перед узбекской стороной вопрос об осужденных правозащитниках, напомнив, что «правительство Узбекистана много лет нарушает права собственных граждан», и заявив, что «отношения правительства Германии с правительством Узбекистана должны включать непрерывный и откровенный диалог относительно продолжающихся

«Позитивные Шаги» и «Диалог»

27 октября 2009 г. министры иностранных дел ЕС отменили последний элемент санкционного режима – эмбарго на поставки оружия. Фактически капитулировав перед невозмутимостью Ташкента, Евросоюз попытался оправдать отмену санкций ссылками на «позитивные шаги» со стороны правительства Узбекистана.²⁴ Отмечались, в частности, «усилия по улучшению условий в местах содержания под стражей, введение habeas corpus, ратификация конвенций, ..., продолжение судебной реформы», «активное участие» Узбекистана в Европейской инициативе по верховенству права, а также «укрепление диалога по правам человека между ЕС и Узбекистаном».²⁵

Оценка каждого из направлений, названных Евросоюзом «позитивными шагами», выходит за рамки этого доклада, однако к октябрю 2009 г. было ясно, что ни habeas corpus, ни другие судебные реформы не приводят к существенному улучшению ситуации. Напротив, на момент снятия санкций репрессии в Узбекистане продолжались с неослабевающей силой.

Дильмурод Саидов - правозащитник и независимый журналист, предававший гласности факты коррупции во власти, в настоящее время отбывает тюремный срок. Его адвокат Рухиддин Комилов говорит, что в 2009 г. его не допустили на слушания о заключении Саидова под стражу. Фото: © 2009, Uznews.

Так, в сентябре 2009 г. независимый журналист Дильмурод Саидов был осужден на двенадцать с половиной лет. Продолжали поступать правдоподобные сообщения о пытках и недозволенном обращении в местах задержания, включая случаи смерти при вызывающих подозрение обстоятельствах. Правительство объявило обязательную переаттестацию адвокатов, которая, как представляется, использовалась для лишения лицензии тех, кто защищал лиц, преследовавшихся по

нарушений прав человека со стороны последнего». Текст письма см. на: <http://www.freedom-now.org/wp-content/uploads/2011/05/Letter-to-Chancellor-Angela-Merkel-Eng-5.19.11.pdf>

²⁴ Conclusions of the EU General Affairs and External Relations Council, 2971st Council Meeting, October 27, 2009, http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressData/en/gena/110805.pdf

²⁵ *ib.*

политическим мотивам. Европейский суд по правам человека продолжал в своих решениях исходить из того, что передача задержанных лиц Узбекистану чревата нарушением запрета на передачу любых лиц в условия, где существует риск пыток, закрепленного в статье 3 Европейской конвенции о правах человека и в Европейской хартии основных прав.²⁶

По прошествии больше двух лет после снятия санкций сближение между Евросоюзом и Узбекистаном так и не принесло реальных улучшений в ситуации с правами человека. Фактически, вся политика в этой области свелась к риторическим заявлениям о приверженности продвижению прав человека в отношениях с Узбекистаном и к так называемым «диалогам по правам человека», которые Евросоюз периодически проводит с каждым из центральноазиатских государств. Эти ежегодные консультации проводятся в закрытом режиме и на относительно невысоком уровне. По их итогам не делаются никакие публичные заявления и не берутся конкретные обязательства. Насколько можно судить, на общей повестке двусторонних отношений они никак не сказываются.²⁷

Более того, ссылки на диалог по правам человека нередко используются узбекской стороной, чтобы уходить от обсуждения соответствующих вопросов в рамках других – более значимых форматов, таких как двусторонние переговоры высокого уровня, что лишь еще больше ослабляет европейскую позицию.²⁸ Местные правозащитники, вынужденные работать во все более враждебном окружении, сообщают, что диалоги с Евросоюзом по правам человека ни в коей мере не меняют для них реальную ситуацию в Узбекистане. Напротив, по словам активистов, отсутствие публичных обязательств и закрытость диалога не позволяют им ориентироваться в том, каких именно улучшений Евросоюз добивается от их правительства.²⁹

²⁶ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г.; Хартия Европейского союза об основных правах, 2000/С 3641/01.

²⁷ Veronika Szente Goldston, “Destructive Engagement,” Transitions Online, January 26, 2011, <http://www.hrw.org/news/2011/01/26/destructive-engagement>.

²⁸ Как рассказывал нам французский дипломат (имя не разглашается), когда на двусторонних переговорах в Париже в конце 2010 г. перед узбекской стороной были поставлены вопросы прав человека, последовал ответ, что «лучше оставить эти вопросы» для диалога по правам человека между ЕС и Узбекистаном в следующем году. Интервью Хьюман Райтс Вотч (по телефону) 6 декабря 2010 г.

²⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Сухробджоном Исмоиловым (Экспертная рабочая группа) и Василей Иноятовой («Эзгулик»). Варшава, 29 и 30 сентября 2011 г.

США: Ограничение Помощи для «Страны, Вызывающей Особую Озабоченность»
Госдепартамент США документирует вопиющую ситуацию в Узбекистане в своих ежегодных докладах о ситуации с правами человека по странам мира на протяжении всего периода независимости. С 2004 г. Конгресс прямо ограничил помощь Узбекистану, включая военную, в связи с отсутствием «содержательного и последовательного прогресса». ³⁰ Дополнительные ограничения были введены Конгрессом после андижанских событий, когда законодатели, к тому же, содействовали организации воздушной эвакуации и обустройства в США андижанских беженцев, ушедших через границу в соседний Кыргызстан. ³¹

Узбекские правозащитники испытывали подъем оптимизма в связи с посещением страны через две недели после андижанских событий сенаторами Джоном Маккейном, Линдси Грэхэмом и Джоном Сунуну. ³² Никто из официальных узбекских чиновников встречаться с ними не стал. ³³ Призывая к «исчерпывающему расследованию», Маккейн заявил на пресс-конференции в американском посольстве в Ташкенте:

Мы находим недавние события шокирующими, но не неожиданными для страны, которая не допускает осуществления прав человека и демократии... США должны растолковать этому правительству, что отношения бывают очень сложными, если вообще возможными, когда то или иное правительство продолжает репрессии против собственного народа. И история подтверждает, что продолжение подавления прав человека приводит к трагедиям вроде той, которая только что произошла. ³⁴

³⁰ FY2004 Consolidated Appropriations Act 2004 (H.R. 2673), sec. 568(a), <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/BILLS-108hr2673enr/pdf/BILLS-108hr2673enr.pdf>

³¹ В 2006 г. Сенат ввел увязку с согласием Ташкента на международное расследование андижанских событий мая 2005 г. На 2008 ф. г. Сенат добавил положение о том, что в случае появления у госсекретаря заслуживающих доверия доказательств возможной причастности узбекских должностных лиц к «преднамеренному убийству гражданских лиц в Андижоне ... или к другим грубым нарушениям прав человека» (P.L. 110-161) этим лицам должен быть запрещен въезд в США.

³² Интервью Хьюман Райтс Вотч с андижанским правозащитником Саиджахоном Зайнабитдиновым. Ташкент, 21 декабря 2010 г.

³³ Bruce Pannier, "Uzbekistan: Officials Refuse To Meet With U.S. Senate Delegation," Radio Free Europe/Radio Liberty, May 30, 2005, <http://www.rferl.org/content/article/1059052.html>

³⁴ Embassy of the United States of America in Tashkent, "Senators McCain, Sununu and Graham Visit Uzbekistan, (05/29/2005)," May 29, 2005, <http://uzbekistan.usembassy.gov/pr-052905.html>

Вторя ему, Сунуну заявил:

Этот уровень политических и экономических репрессий невыносим. Он будет только провоцировать недовольство и волнения среди граждан Узбекистана, мешать достижению ими реальной экономической независимости и процветания и не позволит Соединенным Штатам и Узбекистану достигнуть сколько-нибудь нормальных или значительных отношений.³⁵

В дополнение к этим ограничениям Госдепартамент с 2006 г. относит Узбекистан к странам, вызывающим особую озабоченность, на основании заключений американской Комиссии по свободе религии в зарубежных странах о том, что в Узбекистане систематически нарушается свобода религии. В ежегодных докладах этой комиссии неоднократно документировалась устойчивая практика пыток в отношении тысяч обвиняемых и осужденных по делам о «религиозном экстремизме» как в местах досудебного содержания под стражей, так и в местах отбывания наказания.³⁶

Афганистан и Конец Санкций Конгресса

Несмотря на эту позицию американских законодателей, по мере активизации боевых действий в Афганистане отношения США с Узбекистаном все в большей степени стали определяться интересами Пентагона, который использует транзит через Узбекистан как часть северного маршрута снабжения войск.

Рассматривая Узбекистан как важнейший участок северного транзитного коридора и альтернативу ненадежным коммуникациям через Пакистан, США с 2009 г. осуществляют через его территорию поставки невоенных грузов для своего контингента в Афганистане. Стремясь реанимировать военное сотрудничество с Ташкентом в контексте афганского транзита, американские официальные лица стали отходить от публичной критики президента Ислама Каримова за нарушения прав человека в пользу, подобно Евросоюзу и ряду его членов, непубличной дипломатии.

³⁵ *Ib.*

³⁶ USCIRF Annual Report 2011 – Countries of Particular Concern, May 2011, <http://www.uscirf.gov/images/book%20with%20cover%20for%20web.pdf>, pp. 181-195.

Десятки обнародованных Wikileaks дипломатических депеш свидетельствуют о том, что где-то с конца 2007 г. американское посольство в Ташкенте последовательно рекомендовало администрации избегать слишком резкой критики в адрес Узбекистана за продолжающиеся пытки и «посадки» диссидентов и использовать пряник вместо кнута для развития двусторонних отношений.³⁷ Так, в одной из депеш, датированной 15 октября 2009 г., предлагается, чтобы Госдепартамент позволил узбекскому МИДу определить повестку ежегодных двусторонних переговоров самого высокого уровня – так называемых ежегодных двусторонних консультаций, с тем чтобы в ней не слишком рельефно фигурировали наиболее острые проблемы прав человека (детский труд, свобода религии, положение НПО), которые могли бы вызвать раздражение узбекской стороны:

[Министр иностранных дел Узбекистана Владимир] Норов предложил, чтобы [зам. госсекретаря США по Южной и Центральной Азии Роберт] Блейк не поднимал вопросы детского труда, свободы религии или положения НПО в Узбекистане в беседе с президентом Каримовым... Главное здесь – инкорпорировать эти вопросы в повестку без прямого упоминания их, что, как мы считаем, достижимо и будет отвечать американским интересам...³⁸

В депеше отмечалось, что вопросы прав человека поднимались на переговорах Блейка с узбекскими официальными лицами, но обсуждение проходило за закрытыми дверями. Формулировки депеши от 14 августа 2009 г. указывают на то, что американское посольство пыталось найти менее острые и более скромные области для прогресса с правами человека, вместо того чтобы открыто поднимать самые насущные – и потенциально неудобные – вопросы, такие как свобода религии, пытки и регистрация НПО:

³⁷ Wikileaks, "Uzbekistan: Officials Cite Areas for Human Rights Cooperation: Government Open to "Constructive Dialogue" on Human Rights," October 24, 2008, <http://wikileaks.org/cable/2008/10/08TASHKENT1225.html#>; Wikileaks, "Uzbekistan: The Way Forward on Human Rights," April 6, 2009, <http://wikileaks.org/cable/2009/04/09TASHKENT451.html#>; Wikileaks, "Uzbekistan and Human Rights: The Lessons of Sanjar Umarov's Release," November 30, 2009, <http://wikileaks.org/cable/2009/11/09TASHKENT1599.html#>.

³⁸ Wikileaks, "Managing Uzbek Redlines in Bilateral Consultations," October 15, 2009, <http://wikileaks.org/cable/2009/10/09TASHKENT1535.html#>.

Наша задача состоит в том, чтобы поддерживать прогресс по этим вопросам, которого было бы достаточно, чтобы смягчить периодически возникающее с ряда сторон давление, чтобы мы заняли более жесткую линию в отношении Узбекистана.³⁹

Материалы Wikileaks также свидетельствуют об использовании президентом Каримовым его участия в северном транзитном коридоре для парирования американского давления в правах человека. Так, когда Госдепартамент в 2009 г. присудил премию «За женское мужество» отсидевшей срок узбекской правозащитнице Мутабар Таджибаевой, Каримов «впал в ярость» и дал понять на встрече с послом США, что может пересмотреть свое сотрудничество в снабжении американских войск в Афганистане.⁴⁰

К концу 2011 г. северный транзитный коридор стал, как представляется, доминирующим приоритетом американской политики в Узбекистане. Особую тревогу вызывали попытки администрации Барака Обамы обойти, несмотря на явное нежелание Ташкента обеспечивать улучшение ситуации, многолетние законодательные ограничения на оказание Ташкенту военной помощи.⁴¹

Как и в случае с Евросоюзом, тихая дипломатия Вашингтона не обеспечила значимого изменения ситуации с правами человека в Узбекистане. При этом у находящихся в трудном положении правозащитников и обычных граждан создается ощущение, что приезжающие в Ташкент американские официальные лица теперь ведут другие разговоры: вместо того чтобы во весь голос заявлять об андижанской бойне, пытках или отсутствии элементарных гражданских и политических свобод, они предпочитают общаться с единственным собеседником – президентом Исламом Каримовым.

³⁹ Wikileaks, "Uzbekistan: Scen setter for the Visit of General Petraeus," August 14, 2009, <http://www.wikileaks.org/cable/2009/08/09TASHKENT1447.html>

⁴⁰ Catherine Fitzpatrick, "Tashkent Gets WikiLeaked: Gulnara is "Most Hated Person in the Country," *Eurasianet.org* December 13, 2010, <http://www.eurasianet.org/node/62557>

⁴¹ Joshua Kucera, "Uzbekistan: Military Aid to Tashkent Would Help Protect NDN – State Department," *Eurasianet.org*, September 28, 2011, <http://www.eurasianet.org/node/64237>; Justin Elliott, "Obama Cozies Up to Central Asian Dictator," *Salon.com*, September 17, 2011, http://politics.salon.com/2011/09/17/uzbekistan_afghanistan/; Nurhan Kocaoglu, "Uzbek Military Aid Raises Human Rights Concerns," *Washington Times*, October 6, 2011, <http://www.washingtontimes.com/news/2011/oct/6/uzbek-military-aid-raises-human-rights-concerns/>

Дисбаланс между реальной политикой и правами человека был особенно очевиден в ходе ташкентского визита госсекретаря Хиллари Клинтон в октябре 2011 г., включавшего встречу с Исламом Каримовым. В отличие от других столиц, которые госсекретарь посещала в ходе своего турне по Центральной Азии, в Узбекистане она ничего публично не сказала о правах человека. Высокопоставленный американский чиновник, вышедший к сопровождавшим Хиллари Клинтон журналистам сразу после окончания ее переговоров с президентом Каримовым обозначил степень разворота американской политики, которая теперь вместо требований конкретных улучшений довольствуется пустыми обещаниями реформ:

Вопрос: По правам человека вообще, было что-то, о чем говорилось здесь в Узбекистане? Конкретно –

Ответ: Да. Я думал, думаю, я уже рассказывал об этом.

Вопрос: Я знаю, но как [Каримов] отреагировал на это? Когда об этом заходит речь, он, что, просто отмахивается?

Ответ: Нет, нет, ни в коем случае.

Вопрос: Вы только что сказали, что он хочет оставить наследство своим детям и внукам.

Ответ: Точно. Он ни в коем случае не оправдывался.

Вопрос: И Вы этому верите?

Ответ: Да! Я точно ему верю.⁴²

⁴² United States Department of State. Transcript of News Conference, Tashkent, Uzbekistan, October 22, 2011, <http://www.state.gov/r/pa/prs/ps/2011/10/175988.htm>.

II. Неработающий Habeas Corpus

Когда мы выступали за введение *habeas corpus*, мы не ожидали, что все сведется к замене прокурора на суд. Идея была, чтобы человек был защищен от произвольного задержания, но передача санкции судам ничего не изменила.

- Ташкентский адвокат (имя не разглашается). Ташкент, 24 ноября 2010 г.

Президент все время говорит о центральной роли прав человека в нашем обществе. Но *habeas corpus* работает на систему – на государство и на обвинение, а не обвиняемого.

- Зиедулло З., отец пострадавшего от пыток. Ташкент, 19 декабря 2010 г.

Мы привыкли на каждом шагу говорить, что введение *habeas corpus* было большим шагом вперед для Узбекистана, но так ли это? Здешняя процедура полностью противоречит духу и букве Международного пакта о гражданских и политических правах.

- Западный дипломат (имя не разглашается). Ташкент, 24 ноября 2010 г.

Habeas corpus (*лат.* – «ты должен иметь тело») – это предписание или юридическое действие, посредством которого суд обязан установить законность задержания человека. В правовых системах всего мира это считается важнейшей гарантией защиты от произвольного задержания. Такой контроль со стороны суда должен включать установление как процессуальной корректности задержания, так и его необходимости с точки зрения закона.

Правительство Узбекистана постоянно ссылается на введение с января 2008 г. *habeas corpus* и на отмену с этого же времени смертной казни как на свидетельство своей приверженности улучшению ситуации с правами человека и борьбе с пытками.

Так, в своем выступлении перед депутатами парламента в ноябре 2010 г. президент Ислам Каримов высоко отзывался о введении *habeas corpus*, назвав это признаком «последовательной либерализации» уголовного судопроизводства и «важным

фактором защиты конституционных прав и свобод человека, его неприкосновенности». ⁴³

Однако очень многие адвокаты, эксперты-правоведы, задержанные и их родственники, а также международные наблюдатели в Узбекистане говорят, что по прошествии почти четырех лет после введения habeas corpus этот механизм во многом остается пустой формальностью и едва ли серьезно повлиял на ситуацию с обеспечением прав задержанных или с пытками в местах досудебного задержания.

В Узбекистане, несмотря на требование о том, что подозреваемые и обвиняемые не должны автоматически заключаться под стражу до суда, задержание является скорее нормой, чем исключением. Суды удовлетворяют такие ходатайства практически во всех случаях, нередко в своих решениях дословно повторяя прокурорские формулировки.

Фундаментальный принцип habeas corpus заключается в обеспечении судебного контроля за *законностью* задержания, что предполагает проверку как процессуальной корректности, так и необходимости дальнейшего лишения свободы. Однако законодательство и правоприменительная практика Узбекистана в этой области не обеспечивают реализации этого принципа. Соответствующие положения в Уголовно-процессуальном кодексе фактически сводятся к разрешению узкого вопроса - оставить под стражей или выпустить, что почти гарантирует удовлетворение ходатайства о заключении под стражу. При этом закон не дает суду права по собственной инициативе назначить более мягкую альтернативу задержанию, такую как залог или домашний арест.

В Узбекистане предельный срок задержания до слушаний habeas corpus составляет 72 часа, что превышает допустимый срок по нормам о правах человека. С целью оттянуть момент доставления задержанного в суд применяются также различные приемы, включая надуманные административные дела. Обычной практикой является отказ

⁴³ «Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране». Доклад президента И.Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан 12 ноября 2010 г., http://www.press-service.uz/#ru/news/show/dokladi/koncepciya_dalneyeshego_uglubleniya_demo/.

задержанному в доступе к адвокату на всех этапах следствия, включая допрос и сами слушания habeas corpus, которые проводятся в закрытом для публики режиме.

Слушания habeas corpus носят поверхностный характер и лишены важнейших процессуальных гарантий, таких как отвод судьи при последующем рассмотрении уголовного дела. Судьи, ответственные за исполнение habeas corpus, не обладают независимостью и во многом остаются послушными прокурору, который еще с советских времен сохраняет главенствующее положение в уголовном процессе. В некоторых случаях, особенно в делах с политической окраской, судья даже может выносить решение о досудебном задержании заочно, не оставляя подозреваемому времени на обжалование, когда его впоследствии арестуют. Как заметил один из адвокатов, в такой ситуации получается «хабеас корпус без корпуса», то есть без «тела».⁴⁴

В данном разделе показано, насколько сильно введенное в Узбекистане право habeas corpus формально и на практике не соответствует международным стандартам и как серьезные пробелы в законе способствуют сохранению пыток и недозволенного обращения.

Законодательство о Введении Habeas Corpus

Habeas corpus был введен в Узбекистане не отдельным законом, а поправками в Конституцию и Уголовно-процессуальный кодекс. В соответствии с ними полномочия по санкционированию досудебного содержания под стражей были переданы от прокуратуры судам. Основным принцип habeas corpus теперь закреплен в части второй статьи 18 УПК, которая гласит: «Никто не может быть подвергнут аресту или содержанию под стражей иначе как на основании судебного решения».⁴⁵

Задержанный доставляется прокурором в суд для рассмотрения законности задержания не позднее чем через 72 часа после ареста. Прокурор или следователь с согласия прокурора представляют ходатайство и необходимые материалы в суд не

⁴⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Сергеем Майоровым. Ташкент, 30 ноября 2010 г.

⁴⁵ Закон РУз № ЗРУ-100 от 11 июля 2007 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с передачей судам права выдачи санкции на заключение под стражу».

позднее чем через 60 часов после задержания.⁴⁶ После этого у суда остается 12 часов, чтобы рассмотреть материалы до слушания habeas corpus.

Уголовно-процессуальный кодекс предписывает применять досудебное заключение под стражу только «в исключительных случаях»⁴⁷ в отношении подозреваемых или обвиняемых в совершении умышленных преступлений, за которые предусмотрено лишение свободы на срок свыше трех лет, или преступлений по неосторожности, за которые предусмотрено лишение свободы на срок свыше пяти лет.⁴⁸ Однако, опять же «в исключительных случаях», допускается применение заключения под стражу и по менее тяжким преступлениям, что фактически открывает возможности для его неизбирательного использования.⁴⁹

Ключевое Международное Право Человека

Концепция habeas corpus имеет давнюю историю в общем праве. В традициях гражданского права такие меры как *amparos de libertad* (гарантии личной свободы) включают идею habeas corpus и других смежных прав. Вне зависимости от формального названия процедуры, в соответствии с которой задержанное лицо должно быть представлено перед судебным чиновником для установления законности задержания, она обеспечивает гарантии личной свободы и является инструментом предупреждения ее произвольного лишения.

Важность habeas corpus как основополагающей гарантии может пониматься двояко. В самом буквальном смысле речь идет о защите физической неприкосновенности лица через обязательное доставление его в суд. Обязанность физического доставления задержанного в суд призвана не допустить со стороны осуществляющих задержание властей таких действий, как пытки или тайное содержание под стражей.⁵⁰ Более важным, однако, является исторически сложившийся в habeas corpus акцент на действия должностного лица, осуществляющего задержание, а не только самого задержанного. Habeas corpus дает суду возможность установить, что «осуществляющее

⁴⁶ Статья 243 УПК.

⁴⁷ Статья 226 УПК.

⁴⁸ Статья 242 УПК.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Brian Farrell, "Access to Habeas Corpus: a Human Rights Analysis of U.S. Practices in the War on Terrorism" // *Transnational Law and Contemporary Problems*, vol. 20, no. 3 (2011), p. 6.

задержание должностное лицо действует при этом в рамках своих законных полномочий», и обеспечивает «судебный контроль за исполнительной властью ..., [который] обеспечивает соблюдение законности».⁵¹

Право на habeas corpus закреплено в статье 9(4) Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.:

Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно.⁵²

Такое разбирательство должно быть независимым, эффективным, а не просто формальным, и должно предусматривать реальное выяснение необходимости задержания и включать возможность вынесения судом, осуществляющим разбирательство, постановления об освобождении в случае признания задержания незаконным.⁵³

⁵¹ *Ib.*

⁵² Ратифицирован Узбекистаном 28 сентября 1995 г. См. также статью 5(3) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.: «Каждое арестованное или задержанное в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 данной статьи лицо незамедлительно доставляется к судье или к другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может ставиться в зависимость от предоставления гарантии явки в суд». Важность habeas corpus подчеркивает и Комитет по правам человека, разъясняя, что в интересах обеспечения реализации прав, не допускающих права отступления, государства – участники Международного пакта о гражданских и политических правах не вправе отступать от habeas corpus даже в периоды чрезвычайного положения. Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 29 (2001) – Статья 4 (отступления от обязательств в связи с чрезвычайным положением), пп. 15-16. // Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека. 27 мая 2008 г., HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I).

⁵³ Human Rights Committee, *A v. Australia*, No. 560/1993, CCPR/C/59/D/560/1993, April 30, 1997, para. 9.5: «Решающее значение для целей статьи 9, п. 4 имеет то, чтобы такое разбирательство по своим последствиям было реальным, а не просто формальным». См. также: Human Rights Committee, *Torres v. Finland*, No. 291/1988, CCPR/C/38/D/291/1988, April 5, 1990: Статья 9, п. 4 «предусматривает, что законность задержания должна определяться судом в интересах обеспечения более высокой степени объективности и независимости». Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 ГА ООН от 9 декабря 1988 г.), определяет «судебный или иной орган» как «судебный или иной орган в соответствии с законом, статус и положение которого обеспечивают максимально прочные гарантии компетентности, беспристрастности и независимости». Требование принципа 11 является дополнением к требованию принципа 32(1) о том, «задержанное лицо или его адвокат имеют право в любое время возбудить в соответствии с внутренним законодательством разбирательство перед судебным или иным органом для оспаривания законности задержания этого лица с целью достижения немедленного его освобождения, если такое задержание является незаконным». Рабочая группа по произвольным задержаниям определяет «судебный или иной орган» как «наделенный законом соответствующими полномочиями и имеющий статус

«Законность» определяется двумя аспектами. Во-первых, задержание должно быть процессуально корректным в том смысле, что оно должно соответствовать внутреннему законодательству данного государства.⁵⁴ Во-вторых, оно не должно быть произвольным в том смысле, что оно должно быть разумным и необходимым в данных обстоятельствах.⁵⁵ Комитет по правам человека разъясняет, что произвольность понимается в широком смысле и включает «ненадлежащие действия, несправедливость, отсутствие предсказуемости и несоблюдение установленных процессуальных норм».⁵⁶ В определенной степени разрешение вопроса о законности задержания в первую очередь зависит от установления наличия «разумного подозрения» для производства первоначального ареста.

Важным, хотя и не обязывающим юридически для Узбекистана источником, является прецедентное право Европейского суда по правам человека. В 1997 г. ЕСПЧ установил, что «разумность подозрения, на котором должен основываться арест, составляет неотъемлемую часть гарантии от произвольного ареста и задержания».⁵⁷ Суд указал на важность этого, исходя из того, что «наличие «разумного подозрения» предполагает существование фактов или информации, которые могли бы в достаточной степени убедить независимого наблюдателя в том, что соответствующее лицо могло совершить данное правонарушение».⁵⁸

Узость Законодательной Нормы в Узбекистане

Habeas corpus в Узбекистане в значительной степени не соответствует упомянутым международным стандартам. Адвокаты, правоведы, бывшие задержанные и заключенные и международные наблюдатели отмечают, что хотя суды в Узбекистане, возможно, во многих случаях соблюдают формальную сторону законодательства о

и продолжительность мандата, которые обеспечивали бы достаточные гарантии компетентности, беспристрастности или независимости». Совет по правам человека. Доклад Рабочей группы по произвольным задержаниям. 10 января 2008 г., A/HRC/7/4.

⁵⁴ Human Rights Committee, *A v. Australia*, No. 560/1993, CCPR/C/59/D/560/1993, April 30, 1997.

⁵⁵ Статья 9(1) Международного пакта о гражданских и политических правах; Human Rights Committee, *Van Alphen v. The Netherlands*, No. 305/1988, CCPR/C/39/D/305/1988, July 23, 1990.

⁵⁶ Human Rights Committee, *Womah Mukong v. Cameroon*, No. 458/1991, CCPR/C/51/D/458/1991, August 10, 1994.

⁵⁷ K.-F. v. Germany, European Court of Human Rights, no. 144/1996/765/9626, Judgment of November 27, 1997, paras. 56-57.

⁵⁸ *Ib.* Позднее ЕСПЧ в другом деле подтвердил, что «устойчивое наличие разумного подозрения в совершении арестованным лицом преступления является непременным условием законности дальнейшего задержания». *Labita v. Italy* {GC}, European Court of Human Rights, no. 26772/95, Judgment of April 6, 2000, para. 153.

habeas corpus, сам по себе этот механизм не обеспечивает реализации его главной цели – обеспечить *законность* задержания.

Узкие рамки судебного рассмотрения в сочетании со слишком широкой категорией преступлений, по которым допускается задержание, позволяет судам удовлетворять ходатайства прокуроров и следователей практически в каждом случае. Эксперт-правовед, в составе официальной рабочей группы принимавший участие в разработке поправок о введении habeas corpus, так оценивает новое законодательство:

Суть habeas corpus заключается в том, что суд рассматривает законность задержания лица. Но здесь судьи не требуют от прокуроров представлять обоснование для задержания и не исследуют подлежащие обстоятельства. Они не исследуют представленные доказательства и не оценивают реальную необходимость задержания в сопоставлении с другими мерами пресечения. Решение является данностью, и суды просто подмахивают ходатайства, вносимые прокурорами.⁵⁹

В Узбекистане habeas corpus не содержит критериев, которые позволяли бы не допустить произвольного характера дальнейшего задержания лица. Хотя в законодательстве говорится, что в суде «исследуются представленные материалы», от судьи не требуется устанавливать наличие «разумного подозрения» путем исследования допустимых доказательств действительного совершения лицом вменяемого ему преступления.⁶⁰ Закон также не определяет требований к доказательствам, которые прокурор должен представить в обоснование необходимости и разумности задержания до такой степени, чтобы это преобладало над правом на свободу. От судьи также не требуется исследовать наличие «разумного подозрения», которое могло бы оправдать первоначальный арест.

⁵⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 24 ноября 2010 г.

⁶⁰ Статья 243 УПК.

В результате habeas corpus в Узбекистане является чисто номинальным, вместо того чтобы обеспечивать защиту от произвольного задержания. Пренебрегая своим долгом охранять права задержанных, суды послушно штампуют прокурорские ходатайства. Адвокат, неоднократно участвовавший в слушаниях habeas corpus, называет их поверхностными, а порой – фарсом в «судебном театре»:

Слушания хабеас – это 10, максимум 20 минут. Прокурор заходит, механически зачитывает, в совершении какого преступления человек подозревается или обвиняется. Ничего не исследуется. Судья не исследует ни доказательства, ни доводы прокурора. Потом судья выходит и буквально через пять минут возвращается с готовым определением. Иногда можно видеть, как прокурор передает судье флешку с ходатайством. Потом, когда читаешь определение, видно, что запятые стоят в тех же точно местах, как в ходатайстве, и даже опечатки те же самые!⁶¹

Об этом же нам говорили еще несколько известных ташкентских адвокатов с многолетним опытом. Один из них, защищавший целый ряд правозащитников по уголовным делам, рассказывал:

За десятки слушаний после реформ с habeas corpus я не видел судью, который бы не удовлетворил ходатайство о заключении под стражу. На Западе habeas corpus означает, что на самом деле проверяется законность задержания и действия полиции, а здешний habeas corpus не имеет к этому никакого отношения. При нормальной процедуре адвокат мог бы указать на процессуальные ошибки прокуроров и следователей, но на практике этого не происходит. Судьям просто-напросто наплевать.⁶²

Ему вторил уважаемый адвокат, специализирующийся на «экстремистских» делах по всему Узбекистану: «Мы заявляем суду, что наши подзащитные не имеют никакого

⁶¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 13 ноября 2010 г.

⁶² Интервью Хьюман Райтс Вотч с Рухиддином Комиловым. Ташкент, 14 ноября 2010 г.

отношения к предъявляемым обвинениям, что недостаточно доказательств для привлечения к уголовной ответственности. Нас не слушают».⁶³

Сотрудник международной организации, занимавшийся вопросами habeas corpus в Узбекистане, считает, что нужно менять закон:

При существующей в Узбекистане традиции понимать закон буквально отсутствие прямого указания на то, что судья обязан установить законность задержания, означает, что это просто никто не будет делать, хотя, теоретически, могли бы в рамках дискреционных полномочий по [уголовно-процессуальному] кодексу. Такое требование нужно прописать прямо, потому что не задается главный вопрос: «Есть ли у вас достаточные или разумные основания, чтобы задерживать этого человека?»⁶⁴

Еще одна центральная проблема – это непонимание многими должностными лицами в Узбекистане, в том числе судьями, необходимости реальной состязательности на слушаниях habeas corpus, которая позволила бы оспаривать прокурорскую версию. Так, Хьюман Райтс Вотч было взято интервью у специалиста-правоведа, принимавшего участие в организованной правительством в 2007 г. конференции о habeas corpus незадолго до принятия соответствующего закона. Член Верховного суда задал тогда нашему собеседнику вопрос: «Почему Вас так беспокоит, чтобы суд исследовал законность задержания? Если прокурор вносит ходатайство – значит оно [ходатайство] по определению обосновано!»⁶⁵

Другая серьезная проблема связана с тем, что закон позволяет суду санкционировать задержание почти в любой ситуации. Как уже отмечалось, habeas corpus в Узбекистане допускает задержание не только по умышленным преступлениям со сроком наказания свыше трех лет и по преступлениям по неосторожности со сроком наказания свыше пяти лет, но и в «исключительных случаях», в том числе когда:

⁶³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 5 ноября 2010 г.

⁶⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

⁶⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

1. Обвиняемый, подсудимый скрылся от следствия и суда;
2. Личность задержанного подозреваемого не установлена;
3. Обвиняемым, подсудимым нарушена ранее примененная мера пресечения;
4. Задержанный подозреваемый или обвиняемый, подсудимый не имеет постоянного места жительства в Республике Узбекистан;
5. Преступление совершено в период отбывания наказания в виде ареста либо лишения свободы.⁶⁶

Как заметил один из узбекских экспертов-правоведов: «Потенциально, любого человека по обвинению в совершении умышленного преступления или преступления по неосторожности вне зависимости от срока наказания можно ‘в порядке исключения’ заключить под стражу».⁶⁷

Адвокаты и эксперты-правоведы отмечают, что прокуроры, даже в отсутствие доказательств, чаще всего предъявляют подозреваемым обвинение в совершении преступления, за которое предусмотрено свыше трех или пяти лет лишения свободы, чтобы обеспечить на слушаниях habeas corpus получение санкции на содержание под стражей. Прокуроры имеют стимул к использованию такого метода, поскольку судьи не исследуют доказательства. Один из экспертов с связи с этим отмечал:

На слушаниях habeas corpus не обсуждаются вопросы, вроде «Почему вы его задержали?» или «Было ли это законным?» Вместо этого суд рассматривает ходатайство и говорит: «Хорошо, держите его под стражей». И суд, и прокуроры понимают, что время содержания под стражей будет использовано, чтобы задним числом придать легитимность решению habeas corpus.⁶⁸

Безальтернативность Задержания

Одним из крупных недостатков habeas corpus в Узбекистане является то, что у судей нет полномочий рассматривать альтернативы задержанию.

⁶⁶ Статья 242 УПК.

⁶⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 17 декабря 2010 г.

⁶⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 17 декабря 2010 г.

В соответствии со статьей 243 УПК суд выносит только одно из следующих решений: удовлетворить или не удовлетворить ходатайство о досудебном содержании под стражей или продлить срок последнего. Суд не вправе применять более мягкие альтернативы задержанию, такие как залог, домашний арест, подписка о невыезде, которые остаются исключительной дискреционной прерогативой прокуратуры.⁶⁹

Статья 9(3) Международного пакта о гражданских и политических правах гласит:

Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора.⁷⁰

И Комитет по правам человека, и Европейский суд по правам человека указывают на важность рассмотрения возможности более мягких альтернатив в рамках слушаний *habeas corpus*.⁷¹ Так, ЕСПЧ неоднократно устанавливал нарушение статьи 5(3) Конвенции (права на *habeas corpus*) со стороны Российской Федерации, где национальные суды санкционировали задержание лица, основываясь на тяжести

⁶⁹ Статьи 237 и 240 УПК.

⁷⁰ См. также Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 ГА ООН от 9 декабря 1988 г.) Принцип 36(2): «Арест или задержание такого лица на период проведения следствия и судебного разбирательства осуществляется только в целях отправления правосудия на основаниях и в соответствии с условиями и процедурами, установленными законом. Запрещается введение ограничений в отношении такого лица, в которых нет непосредственной необходимости с точки зрения целей задержания или устранения помех для хода расследования или отправления правосудия, или поддержания безопасности и порядка в месте задержания». Принцип 39: «За исключением особых случаев, предусмотренных законом, и если судебный или иной орган не примет иного решения в интересах отправления правосудия, лицу, задержанному по уголовному обвинению, предоставляется возможность получить освобождение на период проведения суда на условиях, которые могут устанавливаться в соответствии с законом. Такой орган держит вопрос о необходимости задержания в поле зрения». См. также: пп. 2.3 и 6.1 Минимальных стандартных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правил). Приняты резолюцией ГА ООН 45/110 от 14 декабря 1990 г.

⁷¹ Комитет по правам человека: *Hill v. Spain*, Human Rights Committee Communication No. 526/1993, June 23, 1997, CCPR/C/59/D/526/1993; Европейский суд по правам человека: *Panchenko v. Russia*, no. 45100/98, Judgment of 8 February 2005, para. 102 («при решении вопроса об освобождении лица или заключении его под стражу власти обязаны по статье 5 п. 3 рассмотреть возможность применения альтернативных мер обеспечения явки данного лица в суд»); *Sulaoja v. Estonia*, no. 55939/00, Judgment of February 15, 2005, para. 64; *Jabłoński v. Poland*, no. 33492/96, Judgment of December 21, 2000, para. 83.

обвинений, не исследуя конкретные факты или не рассматривая возможность применения альтернативных мер пресечения.⁷²

Законодательство Узбекистана о habeas corpus также противоречит основному принципу о том, что задержание не должно рассматриваться как единственная мера пресечения. Узбекские суды применяют в этом вопросе подход «все или ничего» и санкционируют задержание на том основании, что лицо может скрыться, даже если имеются веские доказательства обратного. Рассказывает адвокат, специализирующийся на коммерческих спорах и экономических преступлениях:

В ходатайствах [о заключении под стражу] никогда конкретно не объясняется, почему человек может скрыться. Базовые вопросы, такие как: «Пытался ли он когда-либо скрыться? Есть ли у него дом, бизнес, или члены семьи здесь живут? Пытался ли он уничтожить доказательства?» ... Даже когда я пытаюсь доказать, что мой клиент не скроется: у него семья, друзья, финансовые ресурсы, прописан здесь или недвижимость ему в этом районе принадлежит, суд меня игнорирует.⁷³

Другой адвокат в интервью Хьюман Райтс Вотч также говорил о том, что задержание является свершившимся фактом: «Стоит прокурору только намекнуть, что человек может скрыться – его задержат».⁷⁴

Сотрудник международной организации, занимавшийся вопросами habeas corpus, заявил Хьюман Райтс Вотч:

У узбекских судей нет права рассматривать залог, домашний арест или какие-то другие альтернативы задержанию, так что им остается только простой выбор: мне их освободить или оставить под замком? А если у

⁷² *Belevitskiy v. Russia*, no. 72967/01, Judgment of March 1, 2007, para. 99; *Khudobin v. Russia*, no. 59696/00, ECHR 2006-XII, para. 103; *Khudoyorov v. Russia*, no. 6847/02, Judgment of November 8, 2005, para. 172; *Mamedova v. Russia*, no. 7064/05, Judgment of June 1, 2006, para. 72; *Dolgova v. Russia*, no. 11886/05, Judgment of March 2, 2006, para. 38; *Rokhlina v. Russia*, no. 54071/00, Judgment of April 7, 2005, para 63; *Smirnova v. Russia*, nos. 46133/99, 48183/99, Judgment of October 24, 2003, para. 56.

⁷³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 24 ноября 2010 г.

⁷⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

меня будут проблемы из-за того, что я его отпущу? Лучше перестраховаться, потому что я в должности только на пять лет.⁷⁵

Досудебное Задержание: Скорее Правило, чем Исключение

В соответствии с международным правом задержание должно применяться только в крайнем случае и лишь при наличии оснований считать, что только лишение обвиняемых свободы может обеспечить беспрепятственное отправление правосудия.⁷⁶ Лицам, подлежащим уголовному преследованию, должно быть позволено представить гарантии надлежащего поведения, которые позволили бы им сохранить свободу в течение всего процесса.⁷⁷

Такой позиции придерживается и Комитет по правам человека. По жалобе *Хилл против Испании* он подтвердил свои прежние решения о том, что «досудебное содержание под стражей должно быть исключением и что следует применять залог, кроме ситуаций, когда существует вероятность, что обвиняемый может скрыться или уничтожить доказательства, оказать давление на свидетелей или бежать за пределы юрисдикции Государства-участника».⁷⁸

Однако, по мнению адвокатов и наблюдателей за системой уголовного судопроизводства в Узбекистане, после введения habeas corpus досудебное задержание получило еще большее распространение в ситуации, когда прокуроры лишились права единолично решать вопрос о задержании. Несколько адвокатов говорили нам, что прокуроры проявляли большую готовность рассматривать по

⁷⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 27 ноября 2010 г. В Узбекистане судьи назначаются исполнительной властью на пятилетние сроки.

⁷⁶ Статья 9(3) Международного пакта о гражданских и политических правах: «Содержание под стражей лиц, ожидающих судебного разбирательства, не должно быть общим правилом, но освобождение может ставиться в зависимость от представления гарантий явки на суд, явки на судебное разбирательство в любой другой его стадии и, в случае необходимости, явки для исполнения приговора».

⁷⁷ Комитет министров Совета Европы также рекомендует, чтобы «заключение под стражу лиц, подозреваемых в преступлении, должно быть скорее исключением, чем нормой», и определяет необходимые условия для досудебного заключения под стражу, в том числе: разумное подозрение в совершении данным лицом преступления; веские причины предполагать, что в случае освобождения человек скроется от правосудия, совершит серьезное преступление, вмешается в отправление правосудия или будет представлять угрозу общественному порядку; при этом нет возможности применить альтернативные меры. Council of Europe, Recommendation Rec. (2006) 13 of the Committee of Ministers to member states on the use of remand in custody, the conditions in which it takes place, and the provision of safeguards against abuse, September 27, 2006, <https://wcd.coe.int/wcd/ViewDoc.jsp?id=1041281&Site=CM>.

⁷⁸ *Hill v. Spain*, Human Rights Committee Communication No. 526/1993, June 23, 1997, CCPR/C/59/D/526/1993, para 12.3 (курсив - Хьюман Райтс Вотч).

существо доводы защиты против задержания, чем судьи. По словам наших собеседников, судьи, которые не обладают независимостью и до сих пор имеют меньше власти, чем прокуроры, не могут или не хотят идти на это.

Рассказывает адвокат и правозащитник Шухрат Ганиев:

При Советском Союзе возникла монополия, когда прокурор отвечал за предварительное заключение, следствие и суд. Суды не были независимыми структурами. Хабеас корпус должен быть добавителен легитимности автономии судов, но вместо этого привел к более бюрократической системе, в которой последнее слово по-прежнему за прокурором.⁷⁹

Говорит адвокат, защищавший сотни мусульман по религиозным делам: «По крайней мере, прокуроры соглашались говорить с нами [до введения habeas corpus] и слушать наши доводы. Но я не видел ни одного судью, который бы не утвердил ходатайство о заключении под стражу».⁸⁰ Ему вторит адвокат Рухиддин Комилов:

Хабеас корпус реально нам ничего не дал. По моему опыту, хороший адвокат мог помочь двум, может быть, трем своим клиентам из десяти избежать заключения под стражу, или хотя бы вытащить их на время под залог. А теперь избежать заключения под стражу почти нереально. Судьи просто не заинтересованы в других вариантах.⁸¹

Удовлетворение Большинства Ходатайств о Заключении под Стражу

Поскольку правительство Узбекистана отказывается обнародовать статистику по прежнему периоду, когда прокуроры самостоятельно принимали решение о заключении под стражу, динамику применения этой меры пресечения после введения habeas corpus достоверно определить невозможно. Однако данные, опубликованные после введения habeas corpus, показывают, что ходатайства прокуроров

⁷⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 12 декабря 2010 г.

⁸⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 5 ноября 2010 г.

⁸¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 14 ноября 2010 г.

удовлетворяются в подавляющем большинстве случаев.⁸² По информации Генеральной прокуратуры, в 2008 г. в суды поступило 16 610 ходатайств о заключении под стражу. Из них 16 338 были удовлетворены и только 248 - отклонены.⁸³

Выступая в парламенте в ноябре 2010 г., президент Ислам Каримов сообщил, что после введения хабеас корпус судами было отклонено в общей сложности 700 ходатайств о заключении под стражу. Общее число внесенных ходатайств он не назвал, однако данные за 2008 г. позволяют приблизительно оценить общий процент удовлетворения ходатайств о заключении под стражу.⁸⁴ Если принять, что число таких ходатайств в 2009 и 2010 гг. было примерно таким же, как и в 2008 г., то это означает, что суд отказывает прокурорам менее чем в 2% случаев.

Эти оценки примерно совпадают с официальной статистикой правительства Узбекистана, с которой Хьюман Райтс Вотч смогла ознакомиться через западных дипломатов. Из нее следует, что удовлетворяется примерно 98% ходатайств о заключении под стражу.⁸⁵ При этом апелляции на такие судебные определения не удовлетворяются почти никогда.⁸⁶ Говорит один из представителей ташкентского дипкорпуса:

Правительство говорит, что причина такого исключительно высокого процента удовлетворения ходатайств заключается в высоком уровне профессионализма судов, но в реальности все как раз наоборот. У судов полностью отсутствует независимость, и поэтому у них нет стимула отклонять [ходатайства].⁸⁷

⁸² В 2008-2009 гг. 7% лиц, доставленных в суд для рассмотрения ходатайств о заключении под стражу, составляли подозреваемые, 93% - обвиняемые.

⁸³ «Защита прав и свобод граждан – главная цель судебно-правовых реформ». Информация на сайте МИД РУз от 6 марта 2009 г., http://mfa.uz/rus/pressa_i_media_servis/obozogr_5.mgr.

⁸⁴ За 2008-2010 гг.: $16\ 338 \times 3 = 49\ 014$ // $49\ 014 : 700 \times 100 = 1,4\%$.

⁸⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

⁸⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч с адвокатом Сухробджоном Исмоиловым (Экспертная рабочая группа). Ташкент, 9 ноября 2010 г.

⁸⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

Срок Задержания

Неотъемлемым элементом habeas corpus в международном праве является требование о том, что задержанный должен быть доставлен в судебный орган «безотлагательно» или «незамедлительно».⁸⁸ Свод принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, также гласит, что «лицо, задержанное по уголовному обвинению, имеет право на судебное разбирательство в разумные сроки или на освобождение до суда».⁸⁹ Habeas corpus дает задержанному и его адвокату первую возможность ходатайствовать об освобождении и заявить о недозволённом обращении и пытках, которые зачастую имеют место в первые часы или дни после ареста.

Хотя период между арестом и доставлением в суд может быть различным, Комитет по правам человека разъясняет, что он не должен превышать нескольких суток.⁹⁰ При этом Комитет неизменно с настороженностью относится к законодательным нормам, предусматривающим задержание на срок до 48 часов без доставления в суд.⁹¹

Законодательство Узбекистана позволяет задерживать человека на срок до 72 часов до доставления к судье для установления законности задержания. Прокурор может ходатайствовать о продлении этого срока еще на 48 часов для представления дополнительных материалов обоснованности применения меры пресечения в виде

⁸⁸ Статья 9(4) Международного пакта о гражданских и политических правах: «Каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог *безотлагательно* (курсив – HRW) вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно». См. также статью 5(3) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: «Каждое арестованное или задержанное в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 данной статьи лицо *незамедлительно* (курсив – HRW) доставляется к судье или к другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда».

⁸⁹ Принцип 38.

⁹⁰ Комитет по правам человека. Замечание общего порядка № 8 (1982) - Статья 9 (право на свободу и личную неприкосновенность), п. 2 // Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека. 27 мая 2008 г., HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I). См. также: Human Rights Committee, “Consideration of Reports Submitted by States Parties under Article 40 of the Covenant. Concluding Observations. Zimbabwe.” CCPR/C/79/Add.89, April 6, 1998, para. 17. Комитет указал, что срок задержания без судебного ордера не должен превышать 48 часов.

⁹¹ См., в частности, заключительные замечания Комитета: CCPR/CO/69/KWT (2000), para. 21; CCPR/CO/72/CZE (2001), para. 17; CCPR/CO/79/LKA (2003), para. 13; CCPR/CO/82/MAR (2004), para. 15; CCPR/C/UKR/CO/6 (2006), para. 8; CCPR/C/MDA/CO/2 (2009), para. 19; CCPR/C/HUN/CO/5 (2010), para. 13; CCPR/C/SLV/CO/6 (2010), para. 14.

заклучения под стражу. В итоге человек может быть задержан на срок до 120 часов до слушаний habeas corpus.⁹²

В рамках рассмотрения в 2010 г. очередного периодического доклада Узбекистана о соблюдении Международного пакта о гражданских и политических правах⁹³ Комитет по правам человека вновь выразил озабоченность по поводу того, что продолжительность задержания подозреваемых или обвиняемых в течение 72 часов до доставления к судье «является чрезмерной».⁹⁴ Комитет рекомендовал правительству «внести поправки в законодательство в целях обеспечения того, чтобы сроки содержания под стражей полностью соответствовали положениям статьи 9 Пакта».⁹⁵

Адвокаты утверждают, что задержание на 72 часа с возможностью продления еще на 48 часов дает милиции и прокурорам дополнительное время, чтобы с помощью запугивания и давления принудить задержанного к даче признательных показаний. Один из адвокатов рассказывал:

Закон не разъясняет оснований такого продления [на 48 часов]. Мы остаемся в неведении, какие доводы приводить против этого. В реальности это лишние два дня, когда клиент полностью остается вне нашей досягаемости, а у властей есть время обработать его.⁹⁶

Милиция и следователи также нарушают право задержанного быть доставленным к судье даже в течение 72 часов. УПК обязывает милицию составлять протокол задержания немедленно после доставления задержанного.⁹⁷ В протоколе указываются преступление, в котором подозревается задержанный, а также дата и время задержания.⁹⁸ На практике милиция и следователи зачастую сознательно не

⁹² Статья 243 УПК.

⁹³ См. также принцип 15 Свода принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме (принят резолюцией 43/173 ГА ООН от 9 декабря 1988 г.): «Несмотря на исключения ..., задержанному или находящемуся в заключении лицу может быть отказано в связи с внешним миром, и в частности с его семьей или адвокатом, в течение периода, не превышающего нескольких дней».

⁹⁴ Комитет по правам человека. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта. Заключительные замечания. Узбекистан. 7 апреля 2010 г., CCPR/C/UZB/CO/3, п. 14.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 26 ноября 2010 г.

⁹⁷ Статья 225.

⁹⁸ Там же.

оформляют задержание в течение нескольких часов или даже дней. Несвоевременное оформление задержания дает милиции дополнительное время для принуждения задержанного к признанию, пока тот находится в изоляции – практика, грубо нарушающая право на быстрое рассмотрение задержания судом. Рассказывает адвокат:

У меня были случаи, когда подзащитный говорит мне, что его арестовали утром, а в протоколе указано – 22:00. По моему опыту, судьи на слушаниях просто не обращают на это внимание. Как адвокат, я понимаю, что если меня задерживают, что на 73-й час должны отпустить, если к этому моменту не доставят в суд. Но мои клиенты этого не знают.⁹⁹

Другой адвокат добавляет: «У меня было не одно дело, когда следователь подделывал не только время, но даже день задержания».¹⁰⁰

Милиция также систематически практикует вызов человека в отделение в качестве свидетеля, не регистрируя задержание, чтобы сначала получить признательные показания. Поскольку в таком случае человек приходит сам, законодательство Узбекистана не ограничивает время его пребывания в милиции и не обязывает оформлять его явку. В других случаях милиция арестовывает человека как свидетеля, не оформляя его в качестве подозреваемого до тех пор, пока тот сутки или больше не просидит в изоляторе. Рассказывает адвокат:

Моего клиента забрали дома и под конвоем доставили в отделение в наручниках. Почти два дня его допрашивали как свидетеля и только потом оформили. Но его должны были считать задержанным с того момента, когда он был лишен возможности свободно уйти.¹⁰¹

Статья 217 УПК обязывает милицию, прокуроров или суд не позднее чем через 24 часа уведомить о задержании родственников задержанного или иных указанных им лиц, однако это требование нередко игнорируется. Семья может в течение нескольких дней

⁹⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 24 ноября 2010 г.

¹⁰⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 26 ноября 2010 г.

¹⁰¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 29 ноября 2010 г.

предпринимать поиски и только после этого получить подтверждение задержания. В некоторых случаях в милиции, чтобы ввести членов семьи в заблуждение, могут не признавать, что задержанный находится у них.

Использование Административных Дел для Обхода Слушаний Habeas Corpus

Адвокаты и правозащитники утверждают, что власти, чтобы уклониться от судебного рассмотрения задержания также используют административные дела.¹⁰² Известно, что милиция задерживает подозреваемых в административном порядке, скажем – за «мелкое хулиганство», или предъявляя административное обвинение лицам, которых перед этим «пригласили на беседу» в отделение. В то время как задержанным подозреваемым в Узбекистане гарантируется немедленный доступ к адвокату, в отношении права на свидание с адвокатом для задержанных в административном порядке закон не столь категоричен. Например, не является обязательным присутствие адвоката на административных слушаниях.

Опытный ташкентский адвокат по уголовным делам Рухиддин Комилов считает, что власти нередко используют административные дела, чтобы обойти habeas corpus:

Власти предъявляют человеку обвинение в совершении административного правонарушения, такого как хулиганство или сопротивление аресту. Под этим предлогом они могут продержать его 15 суток и за это время набрать любые нужные доказательства. Как только нужные признания получены, можно официально предъявлять уголовное обвинение и только потом запускать процедуру хабеас корпус.¹⁰³

¹⁰² Кодекс РУз об административной ответственности призван рассматривать проявления противоправного поведения, которые в других правовых системах относятся к «мисдиминор» - наименее опасным правонарушениям (либо к «нарушениям» в гражданском праве) в отличие от уголовно-наказуемых преступлений. Несмотря на такое разделение, для целей международных норм о правах человека административные правонарушения приравниваются к преступлениям в том смысле, что на лиц, задерживаемых по подозрению в их совершении, распространяются в полном объеме все процессуальные права. См. позицию Европейского суда по правам человека: *Lauko v. Slovakia*, no. 4/1998/907/1119, Judgment of September 2, 1998, para. 58; *Ziliberg v. Moldova*, no. 61821/00, Judgment of February 1, 2005, para. 33; *Sergey Zolotukhin v. Russia*, no. 14939/03, Judgment of February 10, 2009, paras. 52-57. Соответственно, практика, в рамках которой лицо может быть подвергнуто задержанию на длительный срок (свыше 48 часов) без обеспечения процессуальных гарантий является несовместимой с правом на свободу и личную неприкосновенность.

¹⁰³ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 24 ноября 2010 г.

Об этом же нам говорил руководитель Инициативной группы независимых правозащитников Узбекистана Сурат Икрамов:

Хулиганство или обвинение в сопротивлении аресту часто используются, чтобы в административном порядке посадить человека в СИЗО на 10 – 15 суток. Это делается, чтобы держать человека под замком. С первого же момента ареста могут начаться фабрикация дела и пытки. Близких родственников о местонахождении задержанного не информируют. Следователи используют эти 15 суток, чтобы незаконно набрать доказательства против человека или заставить его пойти на самооговор.¹⁰⁴

Любое задержанное лицо, как по уголовно-процессуальным, так и по административным основаниям, должно быть доставлено к судье не позднее чем через 48 часов с момента фактического лишения свободы и должно вместе с адвокатом по выбору или назначенным защитником участвовать в слушаниях о рассмотрении законности задержания.¹⁰⁵

Нарушение Права на Беспристрастный Суд

Дополнительной проблемой является то, что habeas corpus в Узбекистане не запрещает судье, проводящему слушания habeas corpus, рассматривать впоследствии соответствующее уголовное дело по существу.¹⁰⁶ Международный пакт о гражданских и политических правах признает за каждым человеком «право ... на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона.¹⁰⁷ ... Каждый обвиняемый в уголовном преступлении имеет право считаться невиновным, если виновность его не будет доказана согласно закону».¹⁰⁸

Однако в Узбекистане тот же самый судья, который рассматривает законность задержания, впоследствии – и, теоретически, уже составив предварительное мнение

¹⁰⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 24 ноября 2010 г.

¹⁰⁵ См., в частности: Human Rights Committee. Consideration of reports submitted by States parties under article 40 of the Covenant. Concluding observations. Tajikistan. CCPR/CO/84/TJK, July 18, 2005, para 13.

¹⁰⁶ Статья 243 УПК.

¹⁰⁷ Статья 14. См. также: *Hauschildt v. Denmark*, European Court of Human Rights, Judgment of May 24, 1989, paras. 52-53.

¹⁰⁸ Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

об убедительности доказательств, представленных в обоснование задержания, - может также председательствовать на самом процессе по этому делу и выносить приговор.

Отсутствие разделения между судьями функций по habeas corpus и по рассмотрению впоследствии того же дела в первой инстанции серьезно ущемляет право задержанного на разбирательство его дела независимым и беспристрастным судом и на презумпцию невиновности.¹⁰⁹

«Очень важно, чтобы дело на более поздней стадии не возвращалось к тому же судье, который рассматривал законность досудебного содержания под стражей, - отмечает бывший член Верховного суда Узбекистана Анвар Мамедов, теперь занимающийся частной адвокатской практикой. – Иначе как можно ожидать от него беспристрастности?»¹¹⁰

Опрошенные нами адвокаты говорили, что действующий порядок подрывает справедливость процедуры habeas corpus и ставит защиту в заведомо проигрышное положение. Свою точку зрения излагает Рухиддин Комилов:

Это абсурд, когда тот же судья председательствует на хабеас корпус и на самом процессе. Если судья санкционировал заключение под стражу, то с чего бы ему потом фактически отменять собственное решение и признавать подсудимого невиновным? Все дороги ведут в одно место. Если судья признает его невиновным, то это будет противоречить его же прежнему определению!¹¹¹

По словам возглавляющего неправительственную Экспертную рабочую группу адвоката Сухробджона Исмоилова, нынешний закон о habeas corpus противоречит положениям УПК об отводе судьи. Более того, он повышает вероятность того, что человек будет задержан и впоследствии осужден:

¹⁰⁹ См.: Manfred Nowak, "UN Covenant on Civil and Political Rights: CCPR Commentary," (2nd ed., 2005), p. 330: «... судья должен проводить слушания по уголовному делу без того, чтобы у него до этого сформировалось мнение относительно виновности или невиновности обвиняемого». Даже если у судьи заранее не сформировалось такое субъективное мнение, то впечатление в пользу того, что он может быть заранее настроен против подсудимого, приводит к подрыву принципа беспристрастности.

¹¹⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 11 ноября 2010 г.

¹¹¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 14 ноября 2010 г.

Отсутствие специализированной категории судей для habeas corpus не позволяет реализовать его в полном объеме и обеспечить соблюдение Международного пакта о гражданских и политических правах. Судьи не хотят выносить решения против самих себя – соответственно, это повышает вероятность, что раз уж человека заключили под стражу, то рано или поздно он будет осужден.¹¹²

Отсутствие специализации между судьями, рассматривающими habeas corpus и уголовные дела в первой инстанции, усугубляется отсутствием независимости судебной системы.¹¹³ Говорит сотрудник одного из западных посольств в Ташкенте, регулярно посещающий судебные процессы: «Судьи попросту не хотят отклонять прокурорские ходатайства о заключении под стражу из-за отсутствия независимости, ограниченности срока полномочий и слабости положения по сравнению с прокуратурой».¹¹⁴ На это же указывал и адвокат Рустам Туляганов, в прошлом работавший в прокуратуре:

Есть habeas или нет habeas – доминирующее положение органов уголовного преследования [МВД, СНБ и Генеральная прокуратура] остается бесспорным. Судья как-то после слушаний пригласил меня и сказал, что знает, что моего клиента не нужно брать под стражу. «Но, - говорит, - если я его не отправлю в СИЗО и не приговорю – они заберут меня мой дом».¹¹⁵

¹¹² Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 8 ноября 2010 г.

¹¹³ Среди 10 пунктов, по которым Комитет против пыток в 2002 г. выражал озабоченность в отношении Узбекистана, были «недостаточная независимость судебной власти» и «фактический отказ судей принимать в расчет представления обвиняемым доказательства пыток и жесткого обращения, вследствие чего не предпринимается ни расследований, ни преследований». Комитет против пыток. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 19 Конвенции. Узбекистан. 6 июня 2002 г., CAT/C/CR/28/7, п. 5. В 2003 г. спецдокладчик по пыткам призывал правительство Узбекистана «принять необходимые меры для установления и обеспечения независимости судебной системы при выполнении ее обязанностей в соответствии с международными стандартами, в частности Основными принципами независимости судебных органов Организации Объединенных Наций». Комиссия ООН по правам человека. Доклад специального докладчика по вопросу о пытках Тео ван Бовена, представленный в соответствии с резолюцией 2002/38 Комиссии. Добавление. Миссия в Узбекистан. 3 февраля 2003 г., E/CN.4/2003/68/Add.2, п. 70.

¹¹⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 24 ноября 2010 г.

¹¹⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 8 ноября 2010 г.

Проведение Слушаний в Закрытом Режиме

Важным аспектом законодательства Узбекистана о habeas corpus является закрытость слушаний, которая подрывает общую справедливость разбирательства.¹¹⁶

В соответствии с УПК РУз рассмотрение уголовных дел проводится открыто, за исключением дел, связанных с государственной тайной, преступлениями полового характера или с преступлениями, совершенными несовершеннолетними.¹¹⁷ В статье 14 Международного пакта о гражданских и политических правах прямо говорится, что «каждый имеет право ... на справедливое и публичное разбирательство». Комитет по правам человека разъясняет содержание данной нормы:

Как внутреннее законодательство, так и судебная практика должны обеспечивать возможность присутствия публики, если ее представители того пожелают... Суды должны делать информацию о времени и месте устных слушаний доступной для публики и должны, в разумных пределах, обеспечивать достаточные условия для присутствия ее заинтересованных представителей...¹¹⁸

Закрытый характер слушаний habeas corpus в Узбекистане снижает давление на судей, чтобы они тщательно рассматривали законность задержания или реагировали на заявления о процессуальных нарушениях. Это также уменьшает вероятность исследования судом заявлений о пытках или незаконном обращении.

Хотя открытые слушания с присутствием родственников и наблюдателей не гарантируют того, что задержанный будет чувствовать себя достаточно защищенным, чтобы, в частности, заявлять о пытках, при закрытом разбирательстве родственники или независимые группы в принципе лишаются возможности узнать, заявлял ли обвиняемый о незаконном обращении.

Хьюман Райтс Вотч известны случаи, когда в доступе на слушания habeas corpus отказывалось даже дипломатам и представителям международных организаций, таких

¹¹⁶ Статья 243 УПК.

¹¹⁷ Статья 19.

¹¹⁸ Human Rights Committee, *G. A. van Meurs v. The Netherlands*, No. 215/1986, CCPR/C/39/D/215/1986, July, 23, 1990, paras. 6.1–6.2.

как ООН, которые такой доступ запрашивали.¹¹⁹ По словам директора ташкентской НПО, которая публикует аналитические материалы по правовым вопросам, даже академический анализ habeas corpus чреват ликвидацией НПО или лишением ее регистрации: «Нам приходится быть очень осторожными с анализом хабеас корпус. Если мы пишем об этом законе – или о любом аспекте судопроизводства, - мы вынуждены ходить кругами, с края, избегая правды. Иначе власти нас тут же закроют».¹²⁰

Участие Адвоката

Законодательство Узбекистана о habeas corpus гласит, что в слушаниях habeas corpus может участвовать защитник, «если последний участвует в деле».¹²¹ Однако такая формулировка намекает на то, что присутствие адвоката на слушаниях не является обязательным, и противоречит внутреннему законодательству и международным обязательствам Узбекистана в части права задержанного на доступ к адвокату.

Право на адвоката является неотъемлемой частью процессуальных гарантий. Хотя Комитет по правам человека прямо не затрагивал вопрос о праве на адвоката в процедуре habeas corpus, он подразумевает, что такое существует.¹²² Международный пакт о гражданских и политических правах гласит, что «каждый имеет право при рассмотрении любого предъявленного ему уголовного обвинения ... иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником».¹²³ Право задержанного лица пользоваться услугами адвоката признается и Сводом принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме.¹²⁴ Европейский суд по правам человека исходит из того, что право на адвоката возникает с момента фактического задержания.¹²⁵

¹¹⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

¹²⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 8 ноября 2010 г.

¹²¹ Статья 243 УПК.

¹²² Так, Комитет признал нарушение статьи 9(4) Пакта по одной из индивидуальных жалоб, поскольку заявителю не была предоставлена возможность получить решение о законности его задержания, в частности, из-за отсутствия у него доступа к адвокату. Human Rights Committee, *Berry v. Jamaica*, No. 330/1988, CCPR/C/50/D/330/1988, April 26, 1994, para. 11.1.

¹²³ Статья 14(3).

¹²⁴ Принцип 17. Необязательное участие адвоката на слушаниях habeas corpus также противоречит нормам внутреннего законодательства Узбекистана, в соответствии с которыми участие защитника является обязательным в любых процедурах, где участвует государственный обвинитель (статья 51 УПК).

¹²⁵ Так, Европейский суд указал, что право на справедливый суд «при нормальных обстоятельствах требует, чтобы обвиняемый имел возможность пользоваться услугами адвоката уже на начальных этапах полицейского допроса». *John Murray v. the United Kingdom*, no. 18731/91, Judgment of February 8, 1996, para. 63.

В интервью Хьюман Райтс Вотч адвокаты, задержанные и их родственники отмечали, что слушания habeas corpus нередко проводятся без адвоката вообще или без адвоката по выбору. Задержанным часто не позволяют реализовать право на адвоката по выбору или оказывают на них давление, чтобы они вообще отказались от услуг адвоката.¹²⁶ Как говорил местный эксперт-правовед, из формулировок законодательства о habeas corpus следует, что если задержанный «отказывается» от услуг адвоката перед первым допросом или во время него, то в таком случае слушания habeas corpus проводятся без адвоката. Все опрошенные нами адвокаты утверждали, что такой «отказ» с высокой степенью вероятности делается под давлением.¹²⁷

Когда у задержанного все же есть адвокат, то он нередко является назначенным государством и не хочет или не может обеспечивать эффективную защиту. Назначенные адвокаты многими в Узбекистане воспринимаются как зависимые от прокуроров в финансовом и идеологическом плане, поскольку эти структуры выступают их работодателями. Хьюман Райтс Вотч было установлено, что в большинстве случаев на задержанных оказывалось давление, чтобы они согласились на назначенного защитника. Говорит адвокат:

По моему опыту, независимые адвокаты – которых задержанный мог бы сам себе выбрать, не участвуют в этих слушаниях. Власти создают задержанному и адвокату так много препятствий, чтобы они не встретились за эти 72 часа или больше, что участие независимого защитника практически невозможно. Так что слушания проходят или вообще без адвоката, или с назначенным защитником.¹²⁸

«Я участвовал где-то в пяти слушаниях хабеас корпус, - говорит другой адвокат. – Но большинство задержанных просто не имеют возможности нанять своего адвоката на эти слушания, потому что до этого момента их держат фактически в полной изоляции, и они не могут реализовать свое право на первый звонок. Единственное, что им остается, - это вообще без адвоката или с назначенным защитником, причем второй вариант часто еще хуже, чем первый».¹²⁹

¹²⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 9 декабря 2010 г.

¹²⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

¹²⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 29 ноября 2010 г.

¹²⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 26 ноября 2010 г.

Задержанные и их родственники не склонны доверять назначенным адвокатам, которые, по их словам, не заинтересованы в деле и нередко игнорируют серьезные процессуальные нарушения, включая пытки и недозволенное обращение. Назначенные государством адвокаты редко являются подготовленными, а в некоторых документированных нами случаях действовали в интересах следствия, уговаривая клиентов, например, «попросить прощения» и «сознаться».¹³⁰

Один из задержанных рассказывал нам о поведении назначенного адвоката на допросе: «Пока меня допрашивали, она просто играла в игры на своем компьютере. Она была просто карманным адвокатом и фактически выполняла указания следователя в мой адрес, сильно вредила моим интересам».¹³¹

Как Адвокату не Дали Возможность Представлять Интересы Клиента

Иногда власти не допускают независимых адвокатов к участию в слушаниях habeas corpus в тех случаях, где задержанный подвергался пыткам или недозволенному обращению. Один из документированных Хьюман Райтс Вотч случаев иллюстрирует меры, на которые власти готовы пойти, чтобы не допустить участия в таких слушаниях независимого защитника. Рассказывает адвокат, которая специализируется на делах о коррупции и экстремизме по всему Узбекистану:

В марте 2010-го меня наняли по делу в тот же день, когда мой клиент был арестован. Это был большой милицейский начальник в Паркентском районе [близ Ташкента], арестовали его по обвинению во взяточничестве и коррупции. Задержали, сразу отвезли в областную прокуратуру на допрос. Потом он мне рассказывал, что всю дорогу его били, оба ребра сломали, даже голову разбили.

В тот день я пришла в Генеральную прокуратуру, но меня не пропустили, сказали, что нужно официальное разрешение от прокурора по делу, а его не было. Около 10-ти утра на следующий день я вернулась с письменным протестом в руках, в котором я извещала прокурора и суд, что никакое слушание хабеас корпус не должно проходить без меня.

¹³⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 7 декабря 2010 г.

¹³¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Фарходхоном Мухтаровым. Ташкент, 6 декабря 2010 г.

Я узнала, что его отвезли в больницу, в полдень отправилась туда. Как только я туда приехала, его через запасный выход вывели и – обратно в Генеральную прокуратуру. На следующее утро я пошла в Паркентский райсуд, чтобы попытаться попасть на слушание habeas corpus. Там я с изумлением узнала, что оно состоялось накануне вечером в 10 часов – и даже не в том суде, к которому относится это дело!¹³²

Эта история не уникальна, особенно когда речь идет о политически чувствительных делах, связанных с терроризмом, коррупцией или политической деятельностью. Например, адвокат Рухиддин Комилов рассказывал, как его в 2009 г. не пропускали в суд во время слушаний habeas corpus в отношении его клиента – правозащитника и независимого журналиста Дильмурода Саидова.¹³³

Когда адвокаты все же получают доступ на слушания habeas corpus, они нередко сталкиваются с препятствиями в подготовке надлежащей защиты, такими как невозможность проведения конфиденциальных встреч с клиентом или ознакомления с материалами, представленными вместе с ходатайством о заключении под стражу. Один из серьезных пробелов в механизме habeas corpus заключается в том, что последний не содержит никакого требования, которое обязывало бы прокурора или суд предоставлять адвокату для ознакомления само ходатайство о заключении под стражу и представленные вместе с ним материалы. Верховный суд Узбекистана подтвердил, что прокурор должен предоставлять защите доступ к таким материалам, однако бремя их истребования возложено на адвоката, что оставляет поле для нарушений.¹³⁴

¹³² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 18 ноября 2010 г.

¹³³ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 14 ноября 2010 г.

¹³⁴ «Судам следует иметь в виду, что законом не предусмотрен вопрос об ознакомлении участников судебного заседания с ходатайством о применении меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении срока содержания под стражей, а также с приложенными к нему материалами. Однако, исходя из конституционного принципа права на защиту, прокурор должен ознакомить подозреваемого, обвиняемого, его защитника и законного представителя с ходатайством и приложенными к нему материалами до начала судебного заседания, если они обратились с просьбой об этом». Постановление Пленума Верховного суда Республики Узбекистан № 16 от 14 ноября 2007 г. «О применении судами меры пресечения в виде заключения под стражу на стадии досудебного производства», п. 15.

Сергей Майоров – уважаемый ташкентский адвокат, руководитель адвокатской фирмы «Симай ком», присутствовал на нескольких слушаниях habeas corpus. Хотя последнее буквально означает «ты должен иметь тело», Майоров приводил случай, когда суд санкционировал заключение под стражу человека, который даже не присутствовал в зале. Фото: © 2010, Стив Свердлов / Хьюман Райтс Вотч.

Хабеас без Корпуса

Хьюман Райтс Вотч также документировала несколько случаев, когда власти инициировали и проводили слушания habeas corpus в отсутствие лица, в отношении которого вносится ходатайство о заключении под стражу,

полностью выхолащивая тем самым смысл процедуры. Иногда это происходит, когда подозреваемый задержан, но суд неправомочно проводит слушание, несмотря на то, что сторона обвинения его не доставляет. Законодательство Узбекистана также предусматривает возможность так называемого заочного слушания habeas corpus, если судом будет установлено, что подозреваемый или обвиняемый скрывается.¹³⁵

Международное право не запрещает выдавать ордер на арест заочно, если местонахождение подозреваемого не установлено. Однако право на habeas corpus гарантирует, что в случае задержания лица оно должно иметь право на доставление в суд для определения законности задержания.¹³⁶ В Узбекистане этого не происходит. Если суд санкционирует заключение под стражу лица, которое еще не задержано, как это обычно и происходит, то это лицо может быть впоследствии арестовано и может содержаться без права на новое слушание, на котором в очном порядке оно могло бы обжаловать задержание. Отсюда распространенный среди части узбекских адвокатов каламбур «хабеас без корпуса».

¹³⁵ Статьи 243, 365 УПК.

¹³⁶ Статья 9(4) Международного пакта о гражданских и политических правах.

Фарход Мухтаров – правозащитник, неправосудно осужденный в 2009 г. и впоследствии освобожденный. Он показывает, позу, которую охранники заставляли его принимать, когда били его и других заключенных ногами по голове при поступлении в колонию. Фото: © 2010, Стив Свездлов / Хьюман Райтс Вотч.

Сергей Майоров, уважаемый ташкентский адвокат, возглавляющий адвокатскую фирму «Симай ком», присутствовал на нескольких слушаниях habeas corpus. Он рассказывает об одном из случаев, когда суд заочно санкционировал содержание под стражей:

Прокурор думал, что мой клиент, который до того сотрудничал со следствием, что-то от него скрывает, и решил ходатайствовать, чтобы его заключили под стражу. Судья удовлетворил и распорядился заключить его под стражу, даже не уведомив его об этом. Хабеас корпус означает «ты должен иметь тело» и должен быть в состоянии представить его суду. Но тела-то не было, а суд все равно санкционировал заключение под стражу.¹³⁷

¹³⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 1 декабря 2010 г.

История правозащитника Фарходхона Мухтарова из Правозащитного альянса Узбекистана свидетельствует о том, что вышеописанный случай был далеко не единичным. До ареста в июле 2009 г. Мухтаров оказывал правовую помощь и консультировал людей, пострадавших от нарушений социальных и экономических прав. Он также неоднократно выступал общественным защитником и активно участвовал в протестных акциях Правозащитного альянса. Власти возбудили против Мухтарова надуманное дело о мошенничестве и взяточничестве – якобы в связи с присвоением денег под ложными предлогами.

14 июля Юнусабадский районный суд под председательством судьи Турובה провел заочное слушание habeas corpus и выдал ордер на арест и заключение Мухтарова под стражу:

Суд посчитал, что я скрываюсь и поэтому меня нужно задержать, хотя я несколько недель добровольно являлся в милицию на каждый допрос! Прокуроры даже не попытались взять с меня подписку о невыезде. В время слушаний habeas corpus я сидел дома! Они могли бы вызвать меня, чтобы обсудить необходимость ареста, но не вызвали.¹³⁸

Уже находясь под стражей, Мухтаров не имел права на новое слушание, о котором ему могли бы сообщить и на котором он мог бы присутствовать, поскольку формально его слушание habeas corpus уже состоялось.

Право на Обжалование

Законодательство Узбекистана отводит на обжалование определения о заключении под стражу только три дня.¹³⁹ Если такое определение было вынесено заочно, это нередко приводит к ситуации, когда к моменту задержания срок обжалования уже упущен. Объясняет адвокат, неоднократно присутствовавший на слушаниях habeas corpus:

У меня был не один случай, когда судья заочно выносил определение о заключении под стражу. Но мой клиент был дома и даже не пытался

¹³⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 6 декабря 2010 г.

¹³⁹ Статья 241 УПК.

скрываться! Его задержали через три недели после того как судья удовлетворил прокурорское ходатайство, так что он пропустил свой срок обжалования. Я попытался подать ходатайство на апелляционный пересмотр, но его отклонили за истечением срока.¹⁴⁰

¹⁴⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 24 ноября 2010 г.

III. Продолжающаяся Практика Пыток

Пытки и недозволенное обращение происходят в Узбекистане сплошь и рядом. Даже после реформ пытки происходят повсеместно и пронизывают все аспекты уголовного судопроизводства.

- Сурат Икрамов, руководитель Инициативной группы независимых правозащитников Узбекистана. Ташкент, 14 ноября 2010 г.

Первый раз я увидела его через девять месяцев на суде. Его трудно было узнать. При том же росте 183 см остальное изменилось до неузнаваемости. Когда он сел напротив света, я увидела все эти шрамы у него на теле.

- Жена Абдуманноба А., которого избивали в ташкентском СИЗО по подозрению в шпионаже в 2008 – 2009 гг. Ташкент, 21 ноября 2010 г.

В последние годы официальные лица Узбекистана, включая президента Ислама Каримова, неизменно называют введение habeas corpus и другие реформы свидетельством продолжающейся «либерализации» системы уголовного судопроизводства.¹⁴¹

Гарантии соблюдения прав лиц, задерживаемых до суда, и их адвокатов, включая право на адвоката по выбору, имеют решающее значение для обуздания эпидемии пыток в Узбекистане. Это связано с тем, что недозволенное обращение нередко имеет место в первые часы или дни после задержания, во время допроса и до доставления лица в суд.¹⁴² Право на адвоката по выбору гарантируется Международным пактом о гражданских и политических правах. Право не подвергаться пыткам относится к безоговорочным нормам международного права и закреплено во Всеобщей

¹⁴¹ «Концепция дальнейшего углубления демократических реформ и формирования гражданского общества в стране». Доклад президента И.Каримова на совместном заседании Законодательной палаты и Сената Олий Мажлиса Республики Узбекистан 12 ноября 2010 г.,

http://www.press-service.uz/#ru/news/show/dokladi/konceptsiya_dalneyeshego_uglubleniya_demo/. См. также Третий периодический доклад Узбекистана о выполнении Международного пакта о гражданских и политических правах, 4 июня 2008 г., ССРР/С/УЗБ/3.

¹⁴² Human Rights Society of Uzbekistan, "Torture Occurs Within the First 72 Hours," May 6, 2010, <http://en.hrsu.org/2010/04/17/torture-occurs-during-the-first-72-hours/>.

декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Конвенции против пыток.¹⁴³

В январе 2009 г. правительство Узбекистана приняло законодательство, которое гарантировало задержанному право на телефонный звонок адвокату или близкому родственнику сразу после ареста;¹⁴⁴ разъяснило, что клиент имеет право на свидание с адвокатом с момента фактического задержания;¹⁴⁵ и упразднило существовавшее ранее требование о необходимости получения адвокатом письменного разрешения прокурора на свидание с задержанным.¹⁴⁶

Впервые в Узбекистане было также введено так называемое «правило Миранды», в соответствии с которым лицо до начала допроса уведомляется о праве хранить молчание, о том, что данные им показания могут использоваться против него в суде, а также о том, что оно имеет право на адвоката или на защитника, назначенного государством.¹⁴⁷

Как и в случае с habeas corpus, несмотря на внешне прогрессивный характер этих реформ, на практике правительство Узбекистана не предпринимает шагов по обузданию эпидемии пыток. Напротив, признаков улучшения ситуации не просматривается, поскольку преднамеренная практика пыток с целью принуждения к признанию или запугивания задержанных остается обыденной и широко распространенной в Узбекистане. Среди ее жертв оказываются как подозреваемые по «обычным» уголовным делам, так и обвиняемые в участии в запрещенных политических или религиозных организациях, а также те, кто занимается правозащитной деятельностью или независимой журналистикой. Нередко пытки продолжаются и после суда – в местах отбывания наказания.

По меньшей мере в семи делах, по которым выносились решения с начала 2008 г., Европейский суд по правам человека устанавливал, что в силу распространенности

¹⁴³ Статья 5 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., статья 7 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г. (Узбекистан присоединился к этой конвенции 28 сентября 1995 г.)

¹⁴⁴ Статьи 46 и 48 УПК.

¹⁴⁵ Статья 49 УПК.

¹⁴⁶ Статья 53 УПК.

¹⁴⁷ Статья 48 УПК.

пытках в Узбекистане отправка задержанного в эту страну была бы нарушением запрета пыток. Суд исходил из того, что в прошлом Узбекистан имел негативную репутацию относительно недозволенного обращения, и не представлено никакой информации, которая могла бы указывать на какое-либо изменение ситуации в лучшую сторону.¹⁴⁸

Полная оценка масштаба пыток осложняется растущей закрытостью Узбекистана из-за отказа правительства разрешать в стране деятельность местных и международных НПО. Однако известный адвокат, представлявший сотни обвиняемых, как и другие опрошенные нами адвокаты, отмечал:

Судя по клиентам, с которыми я встречаюсь в предварительном заключении, я считаю, что пыток за последние несколько лет стало больше. Но дело в том, что просто некому засвидетельствовать то, что происходит, и сообщить об этом миру.¹⁴⁹

Пострадавшие, их родственники, адвокаты, правозащитники и другие наблюдатели также сообщают, что после введения habeas corpus и других сопутствующих реформ милиция и госбезопасность продолжают использовать пытки для принуждения задержанных к даче изобличающих показаний на себя или других лиц, а полученные под пыткой признания до сих пор служат единственной основой для обвинительного приговора. Несмотря на поправки января 2009 г., задержанным по-прежнему отказывают в доступе к адвокату и в праве на выбор защитника на допросе, слушаниях habeas corpus и даже на суде. Судьи, как и раньше, не расследуют заявления о пытках, не исключают из дела доказательств, полученных под пыткой или в отсутствие адвоката, и не привлекают виновных к ответственности.

Физические и Психологические Пытки в Период Досудебного Задержания

Хьюман Райтс Вотч установлено, что в Узбекистане сотрудники правоохранительных органов применяют к задержанным как физические, так и психологические пытки.

¹⁴⁸ *Sultanov v. Russia*, no. 15303/09, Judgment of November 4, 2010, para. 71; *Karimov v. Russia*, no. 54219/08, Judgment of July 29, 2010, para. 99; *Abdulazhon Isakov v. Russia*, no. 14049/08, Judgment of July 8, 2010, para. 109; *Yuldashev v. Russia*, no. 1248/09, Judgment of July 8, 2010, para. 84; *Garayev v. Azerbaijan*, no. 53688/08, Judgment of June 10, 2010, para. 72; *Muminov v. Russia*, no. 42502/06, Judgment of December 11, 2008, para. 94; *Ismoilov and Others v. Russia*, no. 2947/06, Judgment of April 24, 2008, para. 122; *Yakubov v. Russia*, no. 7265/10, Judgment of November 8, 2011.

¹⁴⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 2 ноября 2010 г.

Наиболее распространенные методы включают избиение резиновыми дубинками или пластиковыми бутылками с водой, электрошок, подвешивание за запястья и лодыжки, изнасилование и сексуальное унижение, причинение удушья пластиковым пакетом или противогазом, угрозы причинения физического вреда родственникам, лишение пищи или воды.

В ходе наших исследований при подготовке этого доклада были документированы многочисленные случаи физических и психологических пыток на этапе досудебного задержания, относящиеся уже к периоду после введения habeas corpus и других сопутствующих процессуальных реформ. Анализ ситуации в местах отбывания наказания выходит за рамки доклада, однако можно отметить, что нами также документированы многочисленные случаи применения пыток к заключенным.¹⁵⁰

Избиение

Продолжительное избиение является одной из наиболее распространенных форм пыток в Узбекистане. Побои могут начинаться в момент ареста и нередко используются для подавления у человека воли к сопротивлению. Пострадавшие говорят, что сотрудники милиции предпочитают наносить задержанным удары кулаками и ногами сзади по почкам, что позволяет избежать видимых следов на лице и руках, но чревато причинением стойкого расстройства здоровью.

Характерный случай приводит адвокат, защищавший несколько десятков человек, в феврале 2010 г. обвиненных в экстремизме:

Подзащитные были задержаны сотрудниками Гулистанского ГОВД и сразу избиты до слушания habeas. Родственники моих клиентов, которым удалось попасть в отдел, предупредили меня еще до того, как я приехал, что слышали через двери, как они кричали в кабинетах для допроса.

¹⁵⁰ Часто пыткам в местах заключения подвергаются осужденные по делам о так называемом «религиозном экстремизме» или по столь же широкому составу, как «посягательство на конституционный строй», под который можно подвести любую политическую деятельность, которую власти сочтут угрожающей. Пытки нередко осуществляются руками других заключенных с подачи администрации места заключения. В ноябре 2010 г. родственники осужденных за религию мусульман, отбывавших срок в самой злобещей в Узбекистане джаслыкской колонии, сообщили Хьюман Райтс Вотч, что после голодовки администрация подвергла пыткам несколько заключенных, которых, в частности, раздевали догола перед строем, избивали и подвергали сексуальным унижениям. Интервью Хьюман Райтс Вотч (имена не разглашаются). Ташкент, 13 декабря 2010 г.

Я раздел одного клиента и обнаружил, что его били по тем местам, где следов не будет видно. Другого клиента трясло, он не мог говорить. Их били по голове резиновыми дубинками, и еще по ногам и по почкам. Таскали за волосы. Палками били и пластиковыми бутылками с водой.¹⁵¹

Тот же адвокат рассказывал о жестоком избиении еще одного его клиента в апреле 2010 г.:

Его доставили в ташкентскую прокуратуру, в коридоре избили. Сломали ему оба ребра и били по голове, пока он не потерял сознание и весь был в крови и в ссадинах.¹⁵²

Пытки, как представляется, преследуют цель сломить волю задержанного, чтобы тот подписал заготовленное признание или не настаивал на своих правах.¹⁵³ Хьюман Райтс Вотч рассказывали о нескольких случаях, когда задержанным причиняли удушье или электрошок, чтобы заставить их сознаться в таком преступлении, как кража, или дать изобличающие показания на других лиц.¹⁵⁴ Адвокат, специализирующийся на уголовных делах, рассказывает, как один из его клиентов был вынужден из-за пыток и недозволенного обращения отказаться от услуг независимого защитника:

Когда я зашел на свидание с клиентом, вижу – он не может ходить. Он закатал рукав рубашки и показал ссадины на плече. Я с ним виделся за десять дней до этого, он был в полном порядке. Он мне потихоньку сказал, что у него все ребра сломаны.

Я сказал клиенту, что будут ставить этот вопрос где только возможно. А он попросил, чтобы я ничего не делал и не говорил, потому что он за

¹⁵¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 18 ноября 2010 г.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ Использование пыток для принуждения к самооговору широко документировано Хьюман Райтс Вотч в предыдущих публикациях, в частности: Human Rights Watch, “Deaths in Custody in Uzbekistan,” April 4, 2003, <http://www.hrw.org/reports/2003/04/04/deaths-custody-uzbekistan>; *Хьюман Райтс Вотч*. Заметая следы. Ташкент переписывает историю андижанских событий. Сентябрь 2005 г., <http://www.hrw.org/ru/reports/2010/05/11-0>; *Хьюман Райтс Вотч*. Беззащитность перед системой. Пытки и недозволенное обращение в Узбекистане. Ноябрь 2007 г., <http://www.hrw.org/ru/reports/2007/11/05>.

¹⁵⁴ См. ниже.

свою семью боится. Сказал, что каждый день к нему оперативники приходят и бьют.¹⁵⁵ К тому моменту он уже на одно ухо оглох.

В конце разговора он сказал, что ему придется отказаться, чтобы я его представлял. Было ясно, что его заставили.¹⁵⁶

Для избияния задержанных в милиции используют тупые твердые предметы, такие как резиновые дубинки и палки, либо приклад. Один из недавних случаев такого рода имел место в Самаркандской области осенью 2010 г., когда Хуснитдин Х. был задержан милицией по подозрению в убийстве. По его словам, больше десятка сотрудников милиции били его резиновыми дубинками, требуя подписать признательные показания. В результате Хуснитдин получил множественные ссадины и рассечение, которое пришлось зашивать. Через несколько дней милиция нашла человека, который на самом деле совершил это преступление, и Хуснитдина отпустили.¹⁵⁷ После прохождения освидетельствования и фотофиксации травм он обратился к местным властям с жалобой на побои. Вместо проведения расследования те же самые сотрудники милиции, которые избивали Хуснитдина, стали угрожать ему местью и даже грозились посадить, если он не заберет свое заявление.¹⁵⁸

В некоторых случаях милиционеры пользуются любыми подручными средствами. Рассказывает один из наших собеседников:

Из всех [трех моих сестер] в милиции избивали. Хосият [одна из пострадавших] заявила в РОВД, когда ее задержали, что не будет разговаривать без адвоката, тогда ее ударили по голове уголовным кодексом. Она упала в обморок.¹⁵⁹

Еще один случай связан с делом о государственной измене, побоях и мошенничестве, по которому был арестован и осужден Нодир Н. Его мать Райхон Р. рассказывает о встрече сына с адвокатом, когда защитника первый раз допустили к задержанному:

¹⁵⁵ Оперативники – оперативные сотрудники милиции.

¹⁵⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 29 ноября 2010 г.

¹⁵⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч (по телефону) с Хуснитдином Х., Суратом Икрамовым, Баходиром Намазовым и Маматкулом Мухтаровым 9 ноября 2011 г.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Абдусаматом Соатовым. Ташкент, 21 ноября 2010 г.

Нодиру Н. дали назначенного защитника, но несколько раз допрашивали, когда ее не было. К тому времени, когда адвокат появилась, его уже сильно побили. Адвокат сказала, что когда первый раз увидела его, у него руки были сильно порезаны и все в ссадинах. С трудом мог держать ручку и писать.¹⁶⁰

Пытки Абдуманноба А.

Во время побоев, в которых иногда участвуют несколько сотрудников, задержанного могут заковать в наручники или иным образом зафиксировать в позе, которая позволяет воздействовать на чувствительные участки тела. В некоторых случаях милиционеры подвешивают человека, приковывая запястья наручниками к потолку или решетке так, что ноги едва достают до пола. Так, жена Абдуманноба А., подозревавшегося в шпионаже, рассказывала нам о побоях, которым ее муж подвергался в ташкентском СИЗО в конце 2008 г. и на протяжении значительной части 2009 г.:

Он рассказывал мне, как его привязывали к стулу на допросах. Обливали голого холодной водой, потом ставили с двух сторон по сильному вентилятору, чтобы он замерз. Так оставляли на два – три часа. Они хотели таким образом заставить его подписать то, что им было нужно. А он не подписывал.

Подвешивали его за запястья к потолку, потом восемь или девять человек по очереди били. Когда я увидела его, явно было, что его за запястья подвешивали. Я следы видела.

Он говорил мне, что несколько раз на допросы приводили охранников и других задержанных – им давали иголки, чтобы ему под ногти загонять. Как-то в камере охранники приковали его наручниками и стали жечь ему член горячей газетой – он ожог второй степени получил. Довели Абдуманноба до того, что он пытался зубами вены перегрызть. Я до сих пор боюсь за его жизнь.¹⁶¹

¹⁶⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 22 ноября 2010 г.

¹⁶¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 21 ноября 2010 г.

Причинение Удушья

Причинение удушья по-прежнему используется в отношении задержанных. Сотрудники милиции надевают подозреваемому противогаз и перекрывают доступ воздуха.¹⁶² По словам родственников некоторых пострадавших, милиционеры, перед тем как надеть на человека противогаз, могут обернуть ему голову пластиковым пакетом.¹⁶³ Пытаемый доводится до грани потери сознания или до полной потери сознания. Некоторые свидетели утверждают, что в шланг противогаза добавляются различные вещества, такие как хлорка в порошке, чтобы усилить болевое воздействие и ускорить удушье.¹⁶⁴

Нодира Н. рассказывала, что в милиции противогазом пытали ее сына-подростка, задержанного в ноябре 2010 г., чтобы заставить подписать признание:

25 ноября я увиделась с сыном в милиции. Принесла ему поесть и одежду, мне дали десять минут побыть с ним, где-то в 6 или 7 вечера. У него на шее были длинный след от противогаза. Он сказал, что несколько милиционеров заставляли его сознаться в краже. Они заматывали ему голову целлофаном, а потом одевали противогаз. Он не мог дышать и в конце концов подписал признание. «Они меня били, говорили, что это я украл, пришлось сознаться», - сказал он мне.¹⁶⁵

Мы встречались с матерью 18-летнего подростка, которого задержали как «свидетеля» за якобы участие в уличной драке. Женщина со слов сына рассказала, как в милиции ему надевали противогаз и заставили подписать показания о том, что на месте драки присутствовал еще один подросток - 17-летний.

В момент драки там не было несовершеннолетних, однако таким образом милиция получала возможность добавить обвинение в вовлечении несовершеннолетнего в преступную деятельность и требовать больший срок наказания.¹⁶⁶

¹⁶² Интервью Хьюман Райтс Вотч с Зухрой З. Ташкент, 21 ноября 2010 г.

¹⁶³ Интервью Хьюман Райтс Вотч с адвокатом (имя не разглашается) и Жанной З. Ташкент, 13 ноября 2010 г.

¹⁶⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имена не разглашаются). Ташкент, 18 и 19 ноября 2010 г.

¹⁶⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 10 декабря 2010 г.

¹⁶⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Гульнозой Г. Ташкент, 10 декабря 2010 г.

Электрошок

В милиции и изоляторах Узбекистана также давно практикуется пытка электрошоком. Хьюман Райтс Вотч документировано использование электрошока при самых различных уголовных делах: от общеуголовных преступлений, таких как кража, до политических и религиозных дел, таких как шпионаж.

Даже в тех случаях, когда у милиции и следователей есть доказательства совершения подозреваемым преступления, пытки нередко применяются для принуждения к признанию в совершении дополнительных преступлений, предусматривающих больший срок наказания. Адвокат и правозащитник Шухрат Ганиев объясняет ситуацию:

Даже после habeas corpus советская палочная отчетность никуда не делась. В этой системе продвижение по службе – или выволочка от начальства – зависит у милиционера или следователя от того, сколько человек из тех, кого он арестовал, реально осуждены и отбывают срок. Пытки – это самый простой способ сделать себе карьеру и обеспечить хорошие показатели.¹⁶⁷

К такого рода случаям относится история Юрия И., изначально арестованного в октябре 2009 г. за участие в уличной драке. Его мать рассказывала:

Сын потом говорил нашему адвокату, что его допрашивали без защитника каждый день в течение десяти дней в ГОВД. Он сказал, что его заставляли взять на себя еще несколько преступлений: кражу паспортов и денег и взлом и проникновение.

Каждый день на допросе, говорил он, ему к разным местам подводили ток... Он и правда в ту драку ввязался, но никогда ничего такого не совершал, в чем его еще обвиняли.¹⁶⁸

Камила К. рассказывала о следах от электрошока, которые она заметила у сына на суде в марте 2010 г. Сын был арестован в декабре 2009 г. по делу о краже со взломом:

¹⁶⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 12 декабря 2010 г.

¹⁶⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 21 ноября 2010 г.

Он говорил мне и нашему адвокату, что [в милиции] его стали бить, чтобы он сознался еще в двух таких кражах. А когда он отказался, ему к ушам провода подключили и стали ток пускать. Когда я увидела его на суде в марте 2010-го, у него черные дырки на ушах были.¹⁶⁹

Аналогичную историю нам рассказала жена задержанного Абдуманноба А.: «Ему электрошок к ‘этому месту’ делали и в рот тоже. Сажали голым на стул и цепляли электроды каждый день на допросах».¹⁷⁰

Изнасилование и Другое Сексуальное Насилие

Пострадавшие и адвокаты утверждают, что милицейские следователи и вербуемые ими арестанты продолжают подвергать мужчин и женщин в период досудебного задержания сексуальному насилию, включая изнасилование. Милиция использует сексуальное насилие для причинения не только физического вреда, но и унижения.

Чтобы принудить Абдуманноба А. к признанию в шпионаже, сотрудники госбезопасности «жгли ему член горячей газетой».¹⁷¹ Его жена рассказывала нам: «Мужа пугали, что если он не сознается, к нему в камеру поделят спидозного, чтобы тот его изнасиловал. После этого, хотя он никогда никаким шпионажем не занимался, он сломался и подписал [признание]».¹⁷²

В августе 2009 г. Малику М. несколько дней продержали по административному делу в ГУВД Ташкента, допрашивая относительно деятельности ее мужа и деверя, которые обвинялись в посягательстве на конституционный строй и «религиозном экстремизме». Она рассказывает об обращении с ней и угрозах изнасилования:

Они не представились, сразу допрашивать стали. Спрашивали про мужа, как мы познакомились, кто нас познакомил. Первый сказал, что когда я посижу какое-то время – поумнею, начну по детям скучать, тогда еще поговорим. Угрожал мне: «У тебя двое детей, не забывай об этом». На

¹⁶⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 20 декабря 2010 г.

¹⁷⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 21 ноября 2010 г.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² Там же.

следующее утро меня подняли часов в пять или шесть, и сразу пять человек начали меня допрашивать. Адвоката не разрешили. Они стали кричать, злиться, говорили, что я увиливаю. Изнасиловать грозились, потом у меня приступ случился.¹⁷³

¹⁷³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 28 ноября 2010 г.

Изнасилование сестер Соатовых

Свидетельством сохранения в Узбекистане, несмотря на реформы, устойчивой безнаказанности пыток служит вопиющий случай группового изнасилования трех сестер в период досудебного задержания в 2009 г. и отсутствие последовательного реагирования на него со стороны властей.

Сестры Райхон, Наргиза и Хосият Соатовы были задержаны 9 мая 2009 г. после перебранки с любовницей мужа Наргизы, которая сопровождалась рукоприкладством. Рассказывает их брат Абдусамат Соатов:

9 мая мы, как всегда, собрались у нас в квартире отметить всей семьей праздник. Тут приходит милиция, забирают Наргизу, а через час еще милиция пришла – забрали и двух младших сестер. Я пошел в милицию, но меня к сестрам не пропустили, сказали «закрывают на праздники». Часов в восемь вечера постовой меня все же пропустил, и я смог минут на десять увидеться со старшей – Наргизой. Она плакала, говорили, что ее побили. Я спросил, видела ли она младших сестер, говорит – нет. В милиции все пьяные были.¹⁷⁴

Райхон и Хосият изначально были задержаны в качестве свидетелей. Впоследствии всех трех сестер обвинили в участии в бытовом конфликте, им были предъявлены обвинения в грабеже, умышленном повреждении имущества и в незаконном присвоении документов. Всех трех до вечера 10 мая продержали в Мирзо-Улугбекском РОВД, допрашивали по отдельности. По словам Абдусамата, когда Хосият потребовала на допросе адвоката, ее ударили по голове уголовным кодексом. На следующий день семье удалось договориться, чтобы сестер на время отпустили:

В тот вечер сестер отпустили, в восемь часов. Наргиза кричала, что в милиции ее изнасиловали и избili. Сначала я ей не поверил, но она показала мне ссадины на руках и на ногах. Все мои сестры рыдали в истерике.¹⁷⁵

По словам членов семьи, Наргиз и Райхон в ночь с 9 на 10 мая подверглись в милиции изнасилованию. Райхон рассказала родственникам, как двое сотрудников вывели ее наверх из подвальной камере, где она ожидала нового допроса. Райхон помнит, что в кабинет зашел высокий мужчина и назвал ее проституткой. Он и еще двое сотрудников стали насиловать ее, пока она не потеряла сознание. Со слов родственников, Райхон также говорила, что милиционеры грозились изнасиловать Хосият, а потом изнасиловать ее, если она в точности не напишет то, что ей продиктуют.

Через пять дней трех сестер снова задержали, после чего доставили в суд на слушание habeas corpus. Суд не выяснял вопрос, подвергались ли они пыткам в период досудебного задержания. Дело было передано из Мирзо-Улугбекского РОВД в ГУВД Ташкента.

¹⁷⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 21 ноября 2010 г.

¹⁷⁵ Там же.

Абдусамат Соатов утверждал, что все три сестры в ГУВД также подвергались избиениям и пыткам и что им был предоставлен назначенный защитник, который открыто помогал следствию:

Райхон изнасиловали ... в камере ГУВД 24 июня 2009-го года... Умархонов предложил нам нанять адвоката, и я пошел к нему поговорить. Адвокат сказал, что я должен дать им [милиции] много денег. Если не дам, говорит, сестрам моим придется тяжело. Следовательно с адвокатом заодно были.¹⁷⁶

22 сентября 2009 г. Наргиза, Райхон и Хосият Соатовы были осуждены на сроки от шести до восьми лет за хулиганство и грабеж. Хосият была в итоге освобождена, но оказалась настолько сильно избитой, что перед освобождением под залог ей пришлось два месяца провести в больнице.

В октябре того же года администрация колонии, где отбывала наказание Райхон Соатова, подтвердила у нее срок беременности в 20-21 неделю, предположительное время зачатия – середина мая 2009 г., что совпадает с ее заявлениями об изнасиловании. Она родила 17 декабря 2009 г. – примерно на два месяца раньше срока.

После обращений со стороны семьи Соатовых и правозащитной организации «Эзгулик» власти в январе 2010 г. возбудили уголовное дело в отношении 12 сотрудников милиции.¹⁷⁷ В это же время доступ в страну – в очередной раз за семь лет безуспешных усилий – запросил спецдокладчик ООН по пыткам.

Однако через четыре месяца правительство Узбекистана закрыло расследование, заявив что Райхон не смогла с уверенностью указать на сотрудников милиции и что анализ ДНК не подтвердил родство ребенка с кем-либо из подозреваемых.¹⁷⁸ Предоставлять спецдокладчику ООН по пыткам доступ в страны власти Узбекистана по-прежнему отказываются.¹⁷⁹

Однако «Эзгулик» и семья Соатовых считают, что дело было закрыто с целью скрыть пытки в стране. Абдусамат и остальные родственники до сих пор ищут ответы: «Конечно, Райхон было трудно опознать этих людей. Она была травмирована, все происходило в темной комнате. Мы писали президенту, генеральному прокурору, в Сенат. Ничего не сделано».¹⁸⁰

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ “UN wants investigation of Uzbekistan police rape claims,” *BBC Uzbek Service*, January 22, 2010, <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8472316.stm>.

¹⁷⁸ “Charges Dropped Against Uzbek Police in Alleged Gang Rape,” *Radio Free Europe/Radio Liberty*, April 22, 2010, http://www.rferl.org/content/Charges_Dropped_Against_Uzbek_Police_In_Alleged_Gang_Rape/2021771.html.

¹⁷⁹ Правительство Узбекистана продолжает отказывать в доступе всем десяти тематическим механизмам ООН, запрашивающим приглашение на посещение страны: спецдокладчикам по пыткам, по правозащитникам, по свободе религии, по проблеме насилия в отношении женщин, по вопросу о независимости судей и адвокатов, по внесудебным, произвольным и суммарным казням, по современным формам рабства, по свободе ассоциации и собраний, а также Рабочим группам по произвольным задержаниям и по насильственным исчезновениям. Последний раз доступ ооновскому механизму в Узбекистан предоставлялся в 2002 г.

¹⁸⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Абдусаматом Соатовым. Ташкент, 21 ноября 2010 г.

Доступ к Адвокату и Право на Выбор Защитника

Правительство любит использовать слово «либерализация» применительно к реформам уголовного судопроизводства. Но ничего либерального в них нет. Права задержанных и адвокатов нарушаются на каждом этапе...

- Адвокат Сухробджон Исмоилов, Экспертная рабочая группа. Ташкент, 8 ноября 2010 г.

Отсутствие в Узбекистане доступа к адвокату и к защитнику по выбору способствует возникновению ситуации, которая может квалифицироваться как изолированное задержание. Эти права в совокупности с habeas corpus являются важнейшими гарантиями защиты от пыток на этапе досудебного задержания. Не случайно Международный пакт о гражданских и политических правах подтверждает право на адвоката в юридических процедурах, равно как и право «иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься с выбранным им самим защитником».¹⁸¹ Об этом же говорится в Основных принципах, касающихся роли юристов, которые разъясняют, что правовая помощь должна оказываться немедленно (последнее определяется как в течение первых 48 часов ареста), конфиденциально и без вмешательства извне.¹⁸²

В этом смысле поправки в Уголовно-процессуальный кодекс в январе 2009 г. о гарантиях этих прав были столь же важными для борьбы с пытками, как и habeas corpus. По оценке одного из местных адвокатов, на бумаге эти реформы выглядели поистине «революционными».¹⁸³ Однако, как и в случае с habeas corpus, на практике они оказались иллюзорными и постоянно игнорируются милицией, следователями, прокурорами и судьями.

¹⁸¹ Статья 14(3).

¹⁸² Принципы 1, 5, 6, 7, 8. Приняты Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г. Принцип 7: «Кроме того, правительства обеспечивают, чтобы все арестованные или задержанные лица, независимо от того, предъявлено ли им обвинение в совершении уголовного преступления или нет, получали немедленный доступ к юристу и в любом случае не позднее, чем через сорок восемь часов с момента ареста или задержания». Принцип 8: «Всем арестованным, задержанным или заключенным в тюрьму лицам предоставляются надлежащие возможности, время и условия для посещения юристом, сношения и консультации с ним без задержки, вмешательства или цензуры и соблюдением полной конфиденциальности. Такие консультации могут проводиться в присутствии должностных лиц по поддержанию правопорядка, но без возможности быть услышанными ими».

¹⁸³ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Сухробджоном Исмоиловым, Экспертная рабочая группа. Ташкент, 8 ноября 2010 г.

«Разрешение» на Свидание с Подзащитным

Пожалуй, самым значительным, хотя до сих пор и не реализованным, изменением в УПК за последние несколько лет стала отмена нормы о получении адвокатом письменного разрешения прокурора или следователя для свидания с подзащитным.¹⁸⁴

В соответствии со статьей 49 УПК адвокат теперь получил право на немедленный допуск к подзащитному на любой стадии уголовного судопроизводства, в том числе с момента фактического задержания. Вместо письменного допуска адвокат, чтобы его пропустили в изолятор, должен предъявить только подтверждение полномочий на ведение дела (ордер), например, договор с семьей.¹⁸⁵

Если бы это право обеспечивалось на практике, это могло бы значительно сократить время, в течение которого задержанный находится в изоляции, когда его нередко допрашивают без адвоката или только с назначенным адвокатом. Однако едва ли не во всех случаях пыток или недозволенного обращения в период досудебного задержания, документированных Хьюман Райтс Вотч при работе над этим докладом, пострадавшему либо отказывали в доступе к адвокату на решающих этапах производства, либо предоставляли ему назначенного защитника, который не обеспечивал эффективного представления его интересов.

Адвокат, защищавшая пятерых человек, осужденных в марте 2010 г. по делу об экстремизме, описывает типичную ситуацию, в которой оказывается защитник, когда пытается получить свидание с клиентом:

Большая группа [точное число не разглашается] людей была задержана за якобы создание несанкционированной религиозной организации. Одного обвинили в терроризме за якобы присутствие на ужине в Рамадан. После их ареста на меня вышли их семьи и наняли меня защищать нескольких человек. Первое свидание с подзащитными мне дали только через три дня после ареста.

¹⁸⁴ Статья 53 УПК.

¹⁸⁵ Статья 53 УПК.

Первый раз, когда я пришла в милицию на свидание с подзащитными, я прождала пять часов, предъявила ордер, но охрана меня все равно не пропускала. Я просто продолжала приходить и отказывалась уходить, пока меня не пропустят. В конце концов через три дня прошла – уже после слушания хабеас корпус, которое санкционировало заключение под стражу на пять месяцев.¹⁸⁶

На свидании с подзащитными выяснилось, что их били по почкам, по голове и по ногам резиновыми дубинками и пластиковыми дубинками с водой.¹⁸⁷

Аналогичную ситуацию, имевшую место в апреле 2010 г. нам описывал еще один адвокат:

Я каждый день приходил, чтобы встретиться с клиентом, и каждый раз мне говорили, что нужен допуск. Этот процесс занимает много времени, так что мне удалось попасть к клиенту только через десять дней после задержания, хотя от его семьи у меня был ордер. Спрашиваю у одного следователя, зачем эти специальные разрешения требуют. Он сказал, что нужно ограничить контакты задержанного с посторонними: «Допустим, кого-то арестуют, а потом к нему толпы адвокатов начнут все время ходить, тогда получится, что задержанный большую часть дня будет просиживать в кабинете, а не в камере – почти как на воле».¹⁸⁸

После первого свидания с подзащитным адвоката упорно не хотели пропускать к нему в течение полутора месяцев, пока задержанного не заставили отказаться от его услуг: «Я полтора месяца был его адвокатом и абсолютно ничем не мог ему помочь. Мне так и не дали встретиться с ним».¹⁸⁹

Вопреки однозначным законодательным нормам власти в Узбекистане могут неопределенно долго оттягивать свидание адвоката с подзащитным или неделями или даже месяцами препятствовать защитнику в получении такого свидания. Адвокаты

¹⁸⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 18 ноября 2010 г.

¹⁸⁷ Там же.

¹⁸⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 1 декабря 2010 г.

¹⁸⁹ Там же.

говорят, что следователи и прокуроры не реагируют на их усилия получить доступ к подзащитному и нередко сознательно уклоняются от контактов с ними. Один из адвокатов рассказывал: «После слушания хабеас корпус я попытался получить свидание с клиентом в Таштюрьме, но меня не пропускали без допуска. Попытался связаться со следователем, чтобы решить вопрос, а он от меня неделю бегал».¹⁹⁰

Адвокаты, которые пытаются осуществить рутинную, казалось бы, процедуру получения свидания с подзащитным, сталкиваются с притеснениями и многочисленными бюрократическими препятствиями. Рассказывает руководитель Экспертной рабочей группы Сухробджон Исмоилов:

Нужно пройти через охрану изолятора. Они спрашивают, кто такой. Говоришь им, что ты адвокат, показываешь удостоверение и ордер. Тогда тебе говорят, что вход с разрешения следователя.

Скажешь, что хочешь поговорить с начальством и пожаловаться – просто откажут. Если повезет, у тебя может оказаться номер следователя, которому можно позвонить и попросить сказать охране, что ты – адвокат, участвуешь в деле. Если у него хорошее настроение – есть некоторый шанс увидеться с подзащитным. На успех может рассчитывать только адвокат, который может часами ждать.¹⁹¹

К тому моменту, когда адвокату удастся пробиться к подзащитному, непоправимый вред в условиях изолированного содержания под стражей нередко уже причинен. Рассказывает адвокат:

Моего подзащитного десять дней держали без предъявления обвинения. Он сказал мне, что к нему в камеру приходил следователь с назначенным адвокатом – хотя они уже знали, что я его адвокат – требовали подписать признание. Его водили по длинному коридору на

¹⁹⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 18 ноября 2010 г.

¹⁹¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 8 ноября 2010 г.

допрос, там у него на глазах сотрудники били другого подозреваемого, кулаком в живот. Он сразу признание подписал.¹⁹²

Изолированное Содержание

С января 2009 г. Уголовно-процессуальный кодекс предоставляет подозреваемому и обвиняемому право на звонок близкому родственнику немедленно после ареста.¹⁹³ Однако на практике милиция не всегда обеспечивает это право, равно как и иным образом не информирует семью о факте задержания. Иногда в милиции отрицают факт задержания даже тогда, когда кто-то из родственников пытается навести справки. Отказ признать задержание или сообщить о местонахождении лица, лишённого свободы, квалифицируется в международном праве как насильственное исчезновение, или серьезное нарушение прав человека, подлежащее уголовному преследованию.¹⁹⁴

Умида У. рассказывала Хьюман Райтс Вотч, как пять дней разыскивала сыновей, когда тех задержали в Карши в октябре 2010 г.:

Я сама искала их... Сначала - в больнице, и в морге тоже... Мы везде искали. Потом пошли в милицию... «Их здесь нет. Ваших сыновей у нас нет», - говорят. Я пошла в СНБ, там говорят, что сыновей нет. Потом, через пять дней я в там [в СНБ] расплакалась, ругаться с ними стала, тогда они сказали мне, что сыновья в горотделе милиции.¹⁹⁵

Юрий И. после ареста три дня содержался в изоляции в РОВД, после чего еще десять - в неустановленном месте после слушаний habeas corpus. Все это время, как утверждает его мать, власти не сообщали о его местонахождении ни адвокату, ни семье, не говоря

¹⁹² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 26 ноября 2010 г.

¹⁹³ Статьи 46 и 48 УПК.

¹⁹⁴ Международная конвенция для защиты всех лиц от насильственных исчезновений (принята резолюцией 61/177 ГА ООН от 20 декабря 2006 г.) в статье 2 определяет насильственное исчезновение как «арест, задержание, похищение или лишение свободы в любой другой форме представителями государства или же лицами или группами лиц, действующими с разрешения, при поддержке или с согласия государства, при последующем отказе признать факт лишения свободы или сокрытии данных о судьбе или местонахождении исчезнувшего лица, вследствие чего это лицо оставлено без защиты закона». Римский статут Международного уголовного суда (принят 17 июля 1998 г., A/CONF.183/9) в статье 7(2)(i) определяет насильственное исчезновение как «арест, задержание или похищение людей государством или политической организацией или с их разрешения, при их поддержке или с их согласия, при последующем отказе признать такое лишение свободы или сообщить о судьбе или местонахождении этих людей с целью лишения их защиты со стороны закона в течение длительного периода времени».

¹⁹⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 23 ноября 2010 г.

уже о свиданиях: «Я пошла в тюрьму увидеться с сыном, но его там не было. Где он был все эти дни и что с ним делали – я так никогда точно и не узнаю».¹⁹⁶

Малика М., история которой приводилась выше, искала мужа и деверя больше двух лет.¹⁹⁷ Оба официально объявлены в розыск по делу о религиозном экстремизме. Соседи по месту работы обоих говорят, что в августе 2009 г. их увезли с работы сотрудники СНБ, замотав головы мешками.¹⁹⁸ Малика заявила о них как о пропавших без вести, однако в милиции отказались зарегистрировать заявление, хотя по закону именно милиция в первую очередь обязана вести поиски. Впоследствии Малика и сама была задержана, допрошена без адвоката относительно местонахождения лиц, которых она сама же и просила найти. Ей пригрозили изнасилованием и тюремным сроком, если она будет задавать слишком много вопросов об их исчезновении.¹⁹⁹

«Правило Миранды»

Правило, или права, Миранды – это заблаговременное предупреждение о конституционных правах, которое полиция в США обязана делать задержанным подозреваемым по уголовным делам либо при допросе в полиции.²⁰⁰ Официальные лица Узбекистана любят ссылаться на введение аналогичной процедуры в начале 2009 г. как на еще одно свидетельство «либерализации» уголовного судопроизводства, однако не наблюдается никаких или почти никаких доказательств того, что задержанным действительно сообщается об их правах или обеспечивается возможность их реализации.²⁰¹

Право хранить молчание вытекает из Международного пакта о гражданских и политических правах, который гарантирует право «не быть принуждаемым к даче

¹⁹⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 21 ноября 2010 г.

¹⁹⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 28 ноября 2010 г.

¹⁹⁸ Там же.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ В деле *Миранда против Аризоны* (384 U.S. 436 (1966)) Верховный суд США установил, что полученные у подозреваемого изобличающие показания на него самого не могут считаться допустимыми, если только подозреваемый не был информирован о праве отказаться свидетельствовать против себя и о праве на защитника и информированно, осознанно и добровольно не отказался от этих прав.

²⁰¹ “Uzbekistan, Presenting Third Periodic Report, Highlights 2008 Death Penalty Ban, Says Wants to Work Closely with Human Rights Committee on all Areas of Concern,” United Nations, HR/CT/718, March 11, 2010, <http://www.un.org/News/Press/docs/2010/hrct718.doc.htm>.

показаний на самого себя или к признанию себя виновным».²⁰² Спецдокладчик ООН по пыткам считает это право одной из «основополагающих процессуальных гарантий, необходимых для обеспечения действенности запрета» пыток и указывает на то, что его отсутствие является одним из факторов, способствующих практике пыток.²⁰³

Рассказывает Сухробджон Исмоилов из Экспертной рабочей группы, которая опрашивала адвокатов относительно их мнения о реформах:

Люди знают о правиле Миранды только по голливудским фильмам, но никогда не получают этих прав, когда их арестовывают в Узбекистане. К сожалению, они узнают о том, что были соответствующим образом предупреждены, только тогда, когда читают признание, которое им велят подписать.²⁰⁴

Ему вторит представитель международной организации в Ташкенте, который занимается вопросами уголовного судопроизводства:

Это просто неправда, что милиция после ареста спрашивает подозреваемого, хочет ли он увидеться со своим адвокатом или воспользоваться правом на звонок. Такого не бывает. Следовательно сначала обеспечивает получение от задержанного того, что ему нужно. Если надо, человека будут держать под замком вплоть до слушания хабеас корпус. За это время подозреваемого нередко отвезут на место преступления и все такое, будут держать его в изоляции от внешнего мира, пока он не даст на себя показаний.²⁰⁵

²⁰² Статья 14(3)(g).

²⁰³ Commission on Human Rights, Report of the Special Rapporteur on torture and other cruel, inhuman or degrading treatment or punishment, Manfred Nowak, Visit to China, E/CN.4/2006/6/Add.6., March 10, 2006, paras. 54, 73.

²⁰⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 8 ноября 2010 г.

²⁰⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 4 декабря 2010 г.

Верховный суд Узбекистана неоднократно подтверждал недопустимость доказательств, полученных с помощью пыток и без обеспечения подозреваемому доступа к адвокату. Несмотря на это, суды продолжают признавать допустимыми полученные под пыткой признания и отмахиваться от заявлений о пытках и незаконном обращении. Фото: © 2010, Владимир Хусаинов.

Отсутствие Реагирования Суда на Пытки

Международное право и внутреннее законодательство Узбекистана требуют расследовать заявления о пытках, признавать недопустимыми полученные под давлением показания и привлекать виновных к уголовной ответственности.²⁰⁶

²⁰⁶ Статья 15 Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (1984 г.) гласит: «Каждое Государство-участник обеспечивает, чтобы любое заявление, которое, как установлено, было сделано под пыткой, не использовалось в качестве доказательства в ходе любого судебного разбирательства, за исключением случаев, когда оно используется против лица, обвиняемого в совершении пыток, как доказательство того, что это заявление было сделано». В соответствии со статьей 321 УПК «дознатель, следователь, прокурор и суд обязаны возбудить уголовное дело о преступлении во всех случаях, когда к тому имеются поводы и достаточные основания». Для расследования заявлений о пытках суд может назначить экспертизу в порядке статьи 180 УПК: «Дознатель, следователь выносит постановление, а суд определение о назначении экспертизы, в котором должны быть указаны: мотивы, послужившие основанием для назначения экспертизы; вещественные доказательства или другие объекты, направляемые на экспертизу, с указанием, где, когда и при каких обстоятельствах они обнаружены и изъяты, а при проведении экспертизы по материалам дела - сведения, на которых должны основываться выводы эксперта; вопросы, поставленные перед экспертом; наименование экспертного учреждения или фамилия лица, которому поручена экспертиза. В необходимых случаях экспертиза может быть назначена и до возбуждения уголовного дела. Постановление или определение о назначении экспертизы обязательно для лиц, которых оно касается». В соответствии со статьей 173 УПК «Назначение и производство экспертизы обязательно, если по делу необходимо установить: 1) причину смерти, характер и степень тяжести телесных повреждений».

Еще в 2003 и 2004 гг. Пленум Верховного суда Узбекистана издал два постановления о недопустимости доказательств, полученных с помощью пыток или без обеспечения подозреваемому доступа к адвокату.

Однако суды продолжают игнорировать заявления о пытках и недозволенном обращении. Несмотря на введение habeas corpus, судьи по-прежнему уклоняются от выполнения функций по сдерживанию прокурорской власти и обеспечению процессуальных гарантий. Суды не признают недопустимыми полученные под пыткой доказательства, не привлекают виновных к ответственности и даже не дают пострадавшим рассказать о том, что им пришлось перенести в период досудебного задержания. Если адвокатам удастся в судебном заседании поставить вопрос о пытках, судьи предпочитают отмахнуться от них или проигнорировать, вынося приговор на основании полученного под давлением признания задержанного.

Адвокат, не один десяток лет занимающийся уголовными делами, описывает атмосферу безнаказанности:

Безнадежность насчет пыток, с которой я сегодня сталкиваюсь у своих подзащитных, просто подавляет. Я часто встречаюсь с задержанными в милиции, которые явно подверглись недозволенному обращению, с подозрительными следами на теле. Но когда мы встречаемся с ними в кабинете для допроса, они так боятся новых пыток и так уверены, что суд им не поможет, что просят меня даже не заикаться об этом. Они понимают, что я могу пожаловаться суду от их имени, но в итоге именно им оставаться в тюрьме наедине с милиционерами, а не адвокату и не судье.²⁰⁷

В ходе исследований при подготовке этого доклада такое безразличное отношение к пыткам со стороны суда было документировано нами как на слушаниях habeas corpus, так и при разбирательстве дела в первой инстанции.

²⁰⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 2 ноября 2010 г.

Пустые Слушания Habeas Corpus

Как уже отмечалось в предыдущем разделе, законодательство Узбекистана о habeas corpus не содержит нормы об оценке законности задержания. Закон также не обязывает судью оценивать условия содержания в местах досудебного задержания, включая заявления о пытках. Суд не обязан и рассматривать такие заявления по собственной инициативе, когда на теле задержанного имеются видимые следы недозволенного обращения. Наконец, судьи не используют слушания habeas corpus, чтобы убедиться в том, у задержанного был доступ к адвокату или что перед допросом ему сообщались его процессуальные права.

Отсутствие какого-либо прямого требования о том, что суд должен рассматривать заявления о пытках, - это еще один серьезный пробел в законе, который подрывает основополагающую цель, которую Комитет против пыток, спецдокладчик ООН по пыткам и целый ряд других органов имели в виду, когда призывали к введению habeas corpus. Как отмечал местный эксперт-правовед:

Хабеас корпус в Узбекистане сводится к вопросу: посадить или выпустить – больше ничего. Если мы всерьез боремся с пытками, то у судей хабеас корпус должен быть список вопросов, которые они должны задать задержанному, типа: «Как с Вами обращались? Вам зачитывали Ваши права? Подвергались ли Вы каким-либо видам физического или психологического давления?»²⁰⁸

Это мнение разделяет правозащитник и политический активист Дилором Исакова. Она считает, что вместо обеспечения процессуальных гарантий «судьи игнорируют пытки. Людей доставляют на слушания хабеас корпус обработанными, то есть уже после пыток – готовыми даже к тому, чтобы признать вину и быть осужденными».²⁰⁹

Суд

Хотя слушания habeas corpus проводятся в закрытом режиме, уменьшающееся число судебных процессов еще проходит открыто, что позволяет адвокатам, родственникам, вызванным свидетелям и, в редких случаях, другим наблюдателям документировать

²⁰⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 24 ноября 2010 г.

²⁰⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 5 ноября 2010 г.

безразличное отношение суда к пыткам. Вопреки постановлениям Пленума Верховного суда Узбекистана о недопустимости доказательств, полученных через показания, данные под давлением, и в отсутствие адвоката, сделанные под давлением признания по-прежнему используются как основание для обвинительного приговора.

Владимир В. был задержан в мае 2010 г. по делу о грабеже и впоследствии осужден. Рассказывает его адвокат Турсуна Пулатова:

Владимир провел в задержании месяц между арестом и судом. На суде он встал и поднял рубашку. На допросе в РОВД у него вырвали один сосок. Я просила судью назначить независимое медицинское освидетельствование. Он отказался удовлетворить мое ходатайство.²¹⁰

Клиент адвоката Турсуны Пулатовой был задержан в мае 2010 г. по делу о грабеже и впоследствии осужден. На суде он поднял рубашку, чтобы показать судье, что в милиции на допросе у него вырвали сосок, однако судья проигнорировал это доказательство пыток и отказался удовлетворить ходатайство Пулатовой о назначении независимого медицинского освидетельствования. После многолетней практики с такими делами Пулатова была лишена адвокатской лицензии. Фото: © 2010, Елена Урлаева.

С аналогичной ситуацией столкнулась на суде мать Юрия И., когда в феврале 2010 г. слушалось дело ее сына:

Даже два главных свидетеля обвинения – которых мой сын якобы избил – показали, что их заставили писать показания под диктовку. Моему сыну пришлось подписать признание после побоев. Но судью это не интересовало, и он приговорил моего сына к 11 годам колонии.²¹¹

²¹⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 13 ноября 2010 г.

²¹¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 21 ноября 2010 г.

Бахтиер Б., также пострадавший от пыток, был осужден, несмотря на показания свидетеля о том, что его явно избивали в период досудебного содержания под стражей. Его мать рассказывала Хьюман Райтс Вотч:

Сын сказал судье, что его пытали. Судья только улыбнулся и спросил [имя не разглашается], похоже ли было, что сына избили после того, как она последний раз его видела [до ареста]. Она ответила, что да, никаких сомнений. Но судья просто проигнорировал ее показания.²¹²

Суды не привлекают к ответственности виновных даже в тех случаях, когда пострадавшие или их адвокаты идут на серьезный риск и прямо называют тех, кто пытал. Как заметил эксперт-правовед, даже если судья опрашивает следователей или милиционеров, те, «естественно, отрицают пытки, и на этом вопрос закрывается».²¹³

Пытки Обитходжи О.

Характерным примером безразличного отношения судей к пыткам служит история подростка Обитходжи О. Он был арестован в январе 2009 г. по подозрению в краже и доставлен в РОВД. Его мать рассказывала Хьюман Райтс Вотч:

В тот день я пошла в милицию, хотела увидеться с сыном, а меня не пропустили. За два дня мы нашли адвоката. Он пошел в милицию, но его тоже не пустили.

Она увиделась с сыном через три дня:

Меня пустили к нему всего на пять минут. Он был у следователя в кабинете, там еще с ним трое подозреваемых было, подписал признание, что участвовал в грабеже. Я его с трудом узнала. Лицо все разбито. Его били резиновыми дубинками. На руках – ссадины от наручников. Сын не особенно мог что-то рассказать: там же следователь сидел.

²¹² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 20 декабря 2010 г.

²¹³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 24 ноября 2010 г.

Только позднее, уже после приговора, мать узнала, насколько жестоко пытали ее сына. Перед слушанием habeas corpus, которое состоялось только через шесть дней после ареста, следователи несколько раз душили его противогазом. Двое милиционеров сковывали Обитходже руки и ноги наручниками, после чего подкидывали и роняли на пол. Его также сажали на стул со связанными руками и ногами, потом били ногами по голове, пока он не «сознался» в участии в серии грабежей, хотя сам он настаивал, что не имеет к этому никакого отношения.

Назначенный защитник на допросах Обитходжи не присутствовал. Нанятый семьей адвокат заявил о пытках на слушаниях habeas corpus, однако судья отмахнулся от этого и санкционировал заключение под стражу:

На суде адвокат снова заявил о пытках. Даже прокурор признал, что пытки были, сказал, что милиционеров, которые моего сына пытали, накажут. А судья все равно приговорил моего сына к девяти годам колонии за преступления, которые он не совершал, и ничего не сделал, чтобы того милиционера наказать.

IV. Демонтаж Независимой Адвокатуры в Узбекистане

Правительству не нужны адвокаты, которые поднимают шум насчет прав человека. Нужны те, которые готовы закрывать глаза на дутые обвинения или процессуальные нарушения.

- Экс-адвокат Рухиддин Комилов. Ташкент, 14 ноября 2010 г.

В результате «реформ» адвокатуры мы потеряли самую демократическую сторону адвокатской профессии – право на саморегулирование. Понятно, зачем это сделано: адвокатами, которые лишились права на самоуправление, гораздо легче манипулировать.

- Эксперт-правовед (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

По злой иронии ровно через год после введения habeas corpus и на фоне бравурных заявлений правительства о расширении прав задержанных власти предприняли шаги по установлению контроля над независимой адвокатурой.

1 января 2009 г. вступил в силу закон о реформировании адвокатуры, который упразднил ранее существовавшие независимые адвокатские объединения и подчинил созданную на смену им Палату адвокатов правительству.²¹⁴ Всем адвокатам пришлось заново получать лицензию, и теперь они обязаны раз в три года пересдавать квалификационный экзамен.

Как нам сообщали адвокаты, новый закон, обернувшийся для многих независимых адвокатов исключением из коллегии или лишением лицензии, фактически подчинил адвокатуру исполнительной власти, что противоречит как международным стандартам, так и законодательству Узбекистана.

За три года новое законодательство серьезно ослабило защиту в уголовном судопроизводстве, нейтрализовав активных адвокатов, бравшихся за политически чувствительные дела и не боявшихся заявлять о пытках в суде. Более того, эти

²¹⁴ Закон РУз № ЗРУ-198 от 31 декабря 2008 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием института адвокатуры».

реформы негативно сказались на всей адвокатской практике. Все это ставит под вопрос убедительность заявлений правительства Узбекистана о том, что оно всерьез намерено бороться с пытками.

Вопросы Независимости Адвокатов в Международном Праве и Внутреннем Законодательстве Узбекистана

Наравне с судьями и прокурорами адвокаты играют важную роль в обеспечении законности и защите прав человека.

Международный пакт о гражданских и политических правах гарантирует каждому право на справедливый суд и на адвоката по выбору, и независимая адвокатура необходима для обеспечения этих прав.²¹⁵ Принятые ООН в 1990 г. Основные принципы, касающиеся роли юристов, определяют эту связь следующим образом: «Для обеспечения надлежащей защиты прав и свобод человека, пользоваться которыми должны все люди, независимо от того, являются ли эти права экономическими, социальными и культурными или гражданскими и политическими, необходимо, чтобы все люди действительно имели доступ к юридическим услугам, предоставляемым независимыми профессиональными юристами».²¹⁶ Не будучи юридически обязывающими, эти основные принципы отражают сложившийся в международном сообществе консенсус относительно независимости адвокатуры.²¹⁷

Для существования независимой адвокатуры необходимо, чтобы адвокатам при осуществлении их деятельности не требовалось санкции или одобрения со стороны

²¹⁵ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., статья 14. На необходимость независимости адвокатуры указывает и Комитет ООН по правам человека: «Адвокаты должны иметь возможность консультировать и представлять своих клиентов в соответствии с установленными профессиональными нормами и выносить суждения без каких-либо ограничений, влияния и давления или какого-либо неправомерного вмешательства». Замечание общего порядка № 13 (1984), п. 9. // Подборка замечаний общего порядка и общих рекомендаций, принятых договорными органами по правам человека. 27 мая 2008 г., HRI/GEN/1/Rev.9 (Vol. I).

²¹⁶ Приняты Восьмым конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гаваана, Куба, 27 августа – 7 сентября 1990 г. См. преамбулу.

²¹⁷ Совет ООН по правам человека: «Будучи убежден в том, что независимая и беспристрастная судебная власть, независимость юристов, объективные и беспристрастные органы, осуществляющие судебное преследование, способные соответствующим образом осуществлять свои функции, и целостность судебной системы являются основными предпосылками обеспечения защиты прав человека и реализации господства права, а также обеспечения справедливого судебного разбирательства и отсутствия дискриминации при отправлении правосудия». Резолюция 15/3 от 29 сентября 2010 г. «Независимость и беспристрастность судебной власти, присяжных заседателей и ассессоров и независимость адвокатов», A/HRC/RES/15/3. См. также: International Bar Association, “Standards for the Independence of the Legal Profession,” 1990; International Bar Association, “IBA General Principles for the Legal Profession,” September 20, 2006.

государства. Основные принципы, касающиеся роли юристов, говорят об этом следующее:

Юристы имеют право создавать и являться членами самостоятельных профессиональных ассоциаций, представляющих их интересы, способствующих их непрерывному образованию и подготовке и защищающих их интересы. Исполнительный орган профессиональных ассоциаций избирается ее членами и выполняет свои функции без вмешательства извне.²¹⁸

Профессиональные ассоциации юристов сотрудничают с правительствами с целью обеспечить, чтобы все лица имели реальный и равный доступ к юридическому обслуживанию и чтобы юристы имели возможность без неправомерного вмешательства консультировать и оказывать помощь клиентам в соответствии с законом и признанными профессиональными стандартами и этическими нормами.²¹⁹

В соответствии со статьей 58 Конституции Узбекистана «государство обеспечивает соблюдение прав и законных интересов общественных объединений, создает им равные правовые возможности для участия в общественной жизни. Вмешательство государственных органов и должностных лиц в деятельность общественных объединений, равно как и вмешательство общественных объединений в деятельность государственных органов и должностных лиц не допускается». Независимость общественных объединений и негосударственных некоммерческих организаций гарантируется также отдельными соответствующими законами.²²⁰

От Ассоциации Адвокатов к «Министерству Адвокатуры»

В соответствии с новой редакцией закона об адвокатуре была создана Палата адвокатов Узбекистана, членство в которой стало обязательным для всех адвокатов по уголовным и гражданским делам.²²¹ На палату возложены функции по

²¹⁸ Принцип 24.

²¹⁹ Принцип 25.

²²⁰ Закон РУз «Об общественных объединениях» № 223-XII от 15 февраля 1991 г., статья 5; Закон РУз «О негосударственных некоммерческих организациях» № 763-I от 14 апреля 1999 г., статья 4.

²²¹ Новое законодательство об адвокатуре, предусматривающее создание Палаты адвокатов и обязательное прохождение всеми адвокатами переаттестации для сохранения лицензии, на практике относится только к

централизованной координации деятельности всех адвокатов Узбекистана, ведущих уголовные дела.

Председатель Палаты адвокатов Узбекистана назначается и отстраняется от должности по представлению Министерства юстиции,²²² руководители территориальных управлений назначаются председателем Палаты непосредственно.²²³

В мае 2009 г. обеспокоенность в связи с характером реформирования адвокатуры в Узбекистане выражал спецдокладчик ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов, отдельно отметивший «компетенцию Министерства юстиции по внесению кандидатуры председателя» Палаты адвокатов на фоне полномочий последнего по назначению руководителей территориальных управлений.²²⁴ Спецдокладчик подчеркнул, что «центральная роль в формировании и деятельности адвокатуры должна по-прежнему оставаться за адвокатами». Совокупный эффект поправок о реформировании адвокатуры «указывает на придание исполнительной власти общего контроля за формированием и деятельностью адвокатуры, что противоречит ... Основным принципам, касающимся роли юристов».²²⁵

Действительно, новое законодательство в значительной степени подчиняет всех практикующих адвокатов Министерству юстиции. Как отмечал один известный ташкентский адвокат, прежняя ассоциация из независимой организации, создаваемой и управляемой самими адвокатами, превратилась в «квази-министерство»: ²²⁶ «Наше руководство [в Ассоциации адвокатов Узбекистана] признавало важность централизованной ассоциации с обязательным членством, которая могла бы обеспечить профессиональные стандарты. Но мы исходили из того, что останемся

частнопрактикующим адвокатам по уголовным и гражданским делам, поскольку судьи и прокуроры назначаются в Узбекистане исполнительной властью.

²²² Закон РУз № ЗРУ-198 от 31 декабря 2008 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с совершенствованием института адвокатуры», статья 12.

²²³ Там же.

²²⁴ UN Human Rights Council, "Report of the Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers, Leandro Despouy," A/HRC/11/41/Add.1., May 19, 2009, para. 356.

²²⁵ Ibid.

²²⁶ «Анализ законодательства, регулирующего деятельность адвокатуры в Узбекистане», стр. 16. Неопубликованный документ, в досье Хьюман Райтс Вотч.

самоуправляемым органом».²²⁷ Другой адвокат охарактеризовал реформу как «фронтальное наступление на независимость адвокатуры».²²⁸

Сергей Майоров из адвокатской фирмы «Симай ком» назвал существование адвокатского объединения под контролем Минюста «смешным»:

«Ассоциация адвокатов, по идее, должна быть независимой, как и везде в мире, а теперь председателя выбирают по рекомендации Министерства юстиции, так что организацию возглавляет чиновник из правительства. Это неправильно».²²⁹

Итоговую оценку результатам реформы адвокатуры подвел адвокат Рухиддин Комилов, лишившийся в итоге лицензии (подробнее см. ниже): «Нужно защищать интересы и права адвокатов, а они превратили нашу профессию в госаппарат. Фактически, из нас сделали прокуроров».²³⁰ Такое мнение разделяли и многие другие адвокаты, которых мы интервьюировали при подготовке этого доклада.

Официальная Монополия Палаты Адвокатов

Новая редакция законодательства об адвокатуре не допускает существования профессиональных адвокатских объединений с аналогичными функциями и полномочиями. Соответственно, были ликвидированы существовавшие ранее Ассоциация адвокатов Узбекистана и Коллегия адвокатов. В каждом регионе существовала собственная адвокатская коллегия, выполнявшая роль профессиональной гильдии, через которую адвокаты могли получать работу и представлять свои интересы. Крупнейшей была Ташкентская городская коллегия, в которую входили 600 адвокатов.

Членство в Ассоциации адвокатов Узбекистана было добровольным, она насчитывала свыше 1,5 человек, в том числе тех, кто сдал квалификационный экзамен, но не занимался адвокатской практикой.²³¹ Ассоциация была создана в 1997 г. и

²²⁷ Там же, стр. 9.

²²⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 26 ноября 2010 г.

²²⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 30 ноября 2010 г.

²³⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 14 ноября 2010 г.

²³¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с экспертом-правоведом (имя не разглашается). Ташкент, 22 декабря 2010 г.

обеспечивала повышение квалификации адвокатов. Большинство членов коллегии были также членами ассоциации. Однако в отличие от Палаты адвокатов, руководство которой назначается Министерством юстиции, оба адвокатских объединения были самоуправляемыми с внутренней выборностью и собственными дисциплинарными механизмами.

Запрет на создание других адвокатских объединений противоречит статье 22 Международного пакта о гражданских и политических правах, которая гарантирует право на свободу ассоциации, а также Основным принципам, касающимся роли юристов, в соответствии с которыми «юристы, как и другие граждане, имеют право на свободу выражения мнения, свободу убеждений, ассоциации и собраний». Как уже отмечалось, они также имеют право «создавать и являться членами самостоятельных профессиональных ассоциаций».²³²

При оценке аналогичных ситуаций в других странах Комитет ООН по правам человека обращает внимание на проблемы подконтрольности адвокатов исполнительной власти.²³³ Так, в 1997 г. Комитет выражал обеспокоенность принятием в Беларуси президентского указа, который обязывал всех адвокатов вступить в централизованную коллегия, подконтрольную Министерству юстиции, причем оно же осуществляло лицензирование адвокатов.²³⁴ Комитет напомнил, что «принцип независимости судебных органов и работников юридической профессии имеет важнейшее значение для справедливого отправления правосудия, а также для упрочения демократии и верховенства закона». Правительству Беларуси было рекомендовано «принять все надлежащие меры, включая пересмотр положений Конституции и законодательства, для обеспечения независимости судей и адвокатов от любого политического или иного внешнего давления».²³⁵

²³² Принципы 23-24.

²³³ Так, в связи с аналогичной реформой в Азербайджане Комитет подчеркивал, что «она может нанести ущерб свободному и независимому осуществлению адвокатами их функций», и рекомендовал правительству «обеспечить, чтобы критерии допуска в адвокатуру и условия членства в ней не ущемляли независимости адвокатов». Human Rights Committee, “Consideration of Reports Submitted by States Parties under Article 40 of the Covenant. Concluding observations. Azerbaijan.” CCPR/CO/73/AZE, November 12, 2001, para. 14.

²³⁴ Комитет по правам человека. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта. Заключительные замечания. Беларусь. 19 ноября 1997 г., CCPR/C/79/Add.86, п. 14.

²³⁵ Там же; См. также заключительные замечания и рекомендации Комитета ООН против попыток по итогам рассмотрения третьего периодического доклада Беларуси о выполнении соответствующей конвенции 1984 г., в которых Комитет выразил обеспокоенность в отношении «того факта, что президентский указ № 12, который ограничивает независимость адвокатов, подчиняя их контролю со стороны министерства юстиции посредством установления

По Ливии Комитет выражал «серьезные сомнения ... относительно независимости судебной системы и свободы адвокатов исполнять профессиональные обязанности беспрепятственно, не будучи на государственной службе».²³⁶ Комитет рекомендовал «принять меры по обеспечению полного соблюдения статьи 14 Пакта, Основных принципов независимости судебных органов и Основных принципов, касающихся роли юристов».²³⁷

Как и в Беларуси и Ливии, проведенная правительством Узбекистана реформа адвокатуры серьезно подрывает независимость адвокатов и ущемляет право на справедливый суд.²³⁸ Как заметил один из адвокатов: «Если Ассоциация адвокатов в определенной степени имела полунезависимый статус, то новая Палата находится под полным контролем Министерства юстиции».²³⁹

Оценивая в 2010 г. соблюдение Узбекистаном Международного пакта о гражданских и политических правах, Комитет по правам человека выразил обеспокоенность в связи с тем, что «в соответствии с изменениями, недавно внесенными в правила, регулирующие деятельность адвокатов, была расширена роль Министерства юстиции в вопросах, касающихся профессии адвоката, включая применение мер дисциплинарного воздействия в отношении адвокатов».²⁴⁰ У Комитета также вызывает озабоченность практика, в соответствии с которой срок действия лицензии адвоката составляет только три года и продлевается квалификационной комиссией в составе представителей Министерства юстиции и Коллегии адвокатов».²⁴¹

Как показано ниже, реформа адвокатуры в Узбекистане используется властями для подчинения адвокатов и избавления от тех, кто отваживается братья за дела о

обязательного членства в контролируемой государством коллегии адвокатов, прямо противоречит Основным принципам Организации Объединенных Наций, касающимся роли юристов». Доклад Комитета против пыток, 2001, A/56/44, п. 45.

²³⁶ Human Rights Committee, “Consideration of Reports Submitted by States Parties under Article 40 of the Covenant. Concluding observations. Libyan Arab Jamahiriya.” CCPR/C/79/Add.101, November 6, 1998, para. 14.

²³⁷ *Ib.*

²³⁸ Статья 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

²³⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч с адвокатом Нозимой Камаловой (по телефону) 11 августа 2011 г.

²⁴⁰ Комитет по правам человека. Рассмотрение докладов, представленных государствами-участниками в соответствии со статьей 40 Пакта. Заключительные замечания. Узбекистан. 7 апреля 2010 г., CCPR/C/UZB/CO/3, п. 17.

²⁴¹ Там же.

нарушениях прав человека. Те адвокаты, которые сохранили лицензию, теперь также будут менее склонны поднимать в суде вопросы о пытках.

Черные Списки для Адвокатов

9 марта 2009 г. правительство Узбекистана приняло постановление, в соответствии с которым всех адвокатов обязали заново сдать квалификационный экзамен и получить лицензию.

По заключению известного ташкентского эксперта-правоведа, требование о получении новой лицензии было неконституционным.²⁴² Изменения в законодательстве не предусматривают получения новой лицензии, а все ранее выданные лицензии были бессрочными. Таким образом, по мнению автора, постановление правительства противоречит как закону, так и Конституции, поскольку оно нарушает право уже практикующих адвокатов работать в выбранной ими профессии.²⁴³ Этот юрист был в числе 600 – 700 адвокатов, в середине 2008 г. обращавшихся по этому вопросу в Конституционный суд, Верховный суд и обе палаты парламента.

Те адвокаты, которые вели политически чувствительные дела или публично протестовали против реформы, не прошли переаттестацию, несмотря на многолетний опыт работы. Несколько адвокатов в интервью Хьюман Райтс Вотч утверждали, что власти заранее определяли, кто не сможет сдать квалификационный экзамен. Один из них рассказывал: «У них был черный список адвокатов, которых нужно было завалить на экзамене».²⁴⁴

Среди прочих в ходе реформы адвокатуры лишились лицензии такие известные адвокаты, как Рухиддин Комилов и Рустам Туляганов. Они занимались уголовными делами и правами человека и нередко занимали «неудобную» для властей позицию.

²⁴² «Анализ законодательства, регулирующего деятельность адвокатуры в Узбекистане» (2010), стр. 16. Неопубликованный документ, в досье Хьюман Райтс Вотч.

²⁴³ Там же.

²⁴⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

Лишение адвокатского статуса Рухиддина Комилова²⁴⁵

Рухиддин Комилов был уважаемым в Ташкенте адвокатом и оказался в числе тех, кто был выброшен из профессии в ходе принудительной переаттестации в 2009 г. Как правило, квалификационный экзамен не удавалось сдать адвокатам, которые защищали политзаключенных и правозащитников или брались за политически чувствительные дела. Фото: © 2010, Стив Свердлов / Хьюман Райтс Вотч

За свою 18-летнюю адвокатскую карьеру не было, пожалуй, такого правозащитника, журналиста и оппозиционера, которого не защищал бы Рухиддин Комилов, и такого правозащитного вопроса, за который бы он побоялся взяться.

«Прирожденный адвокат», как он сам себя называет, Комилов широко известен своим бесстрашием. Много лет он работал в Ташгорколлегии, затем – в адвокатской фирме «Адолат Рахмон».

Среди многочисленных клиентов Комилова были правозащитники Елена Урлаева, Мутабар Таджибаева, Саиджахон Зайнабитдинов и поэт-диссидент Юсуф Джума. Он также защищал членов запрещенной оппозиционной партии «Бирлик», а в 2004 г. пытался обжаловать отказ властей зарегистрировать ее. В том же году Комилов занимался делами нескольких человек, обвинявшихся в организации терактов в Ташкенте. После андижанских событий мая 2005 г. его подзащитными были несколько фигурантов дела об организации «Акрамия», которую власти обвиняли в попытке насильственного свержения конституционного строя с целью установления халифата.

Комилов знал, что защита им таких людей сделает его объектом повышенно внимания со стороны власти, но твердо верил в то, что каждый имеет право на защиту. «Я не судил их, - говорил он в интервью Хьюман Райтс Вотч. – Я просто выполнял свой долг защищать любого, кто нуждается в этом. Когда кто-то приходит к тебе и просит помочь – как можно отказать?»²⁴⁶

В 2008 – 2009 гг. Комилов вел одно из своих последних резонансных дел, в котором он представлял интересы семьи правозащитника Музафара Туйчиева, умершего в милиции в Ангрене. Комилов упорно пытался доказать факт пыток, которым Туйчиев, по словам родственников, подвергнулся в милиции, и благодаря его усилиям несколько сотрудников были в итоге уволены – случай для Узбекистана почти уникальный.

²⁴⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Р.Комиловым. Ташкент, 14 ноября 2010 г.

²⁴⁶ Там же.

На момент вступления в силу законодательства о реформировании адвокатуры Комилов был адвокатом осужденного правозащитника и журналиста Дильмурода Саидова, известного своими журналистскими расследованиями коррупции во власти. Саидов до сих пор остается за решеткой.

В ноябре 2008 г., когда реформа адвокатуры уже казалась неизбежной, Комилов принял участие в организации коллективного обращения 600 – 700 адвокатов в парламент, Верховный суд и Конституционный суд. «Мы считали, что этот закон неконституционный и что он приведет к подчинению нашей профессии Минюсту», - рассказывал он в интервью.

Правозащитники с матерью Музафара Туйчиева, умершего в милиции в Ангрене в 2008 г. при подозрительных обстоятельствах, пикетируют суд. Фото: © 2008, Uznews

6 мая 2009 г. Комилов с группой из 50 – 60 коллег заново сдавал квалификационный экзамен, чтобы получить новую лицензию:

Там были люди, которые даже на вопросы не отвечали, но они прошли. Они просто молчали, когда их спрашивали... Я заметил к себе особое внимание со стороны экзаменаторов. Мне задавали больше вопросов, чем кому-то еще... Все ответы я знал с ходу. Ответил на все устные вопросы комиссии из 15 человек...

Как только я закончил, представитель Палаты заявил мне, что я не сдал экзамен. Все, кто моложе меня, - сдали, даже мои ученики.²⁴⁷

После экзамена у Комилова сразу же аннулировали лицензию. В июле 2009 г. он пытался обжаловать результаты, но безуспешно. На вопрос о возможных причинах лишения лицензии он заявил Хьюман Райтс Вотч: «Такие адвокаты, как я, им не нужны. Когда я берусь за дело, то обязательно стою до конца. Никогда не отступаю».

Комилов формально продолжает считаться юристом, но не может иметь собственных клиентов или осуществлять защиту в суде. Постоянную работу по специальности ему до сих пор найти не удалось: «Ни в одну фирму меня не берут. Сначала справки наводят». Он считает, что его судьба служит иллюстрацией того, чем может обернуться реформа адвокатуры для любого из его коллег: «Посмотрите на мой пример: с помощью этого нового закона они могут отобрать лицензию у любого адвоката, который им не понравится».

²⁴⁷ Там же.

Лишение адвокатского статуса Рустама Туляганова²⁴⁸

Рустам Туляганов был известным ташкентским адвокатом, защищавшим многих правозащитников, в том числе Акзама Тургунова – общественного защитника и активиста, который был в 2008 г. осужден на 10 лет по делу о вымогательстве. Лишился лицензии в ходе переаттестации в 2009 г. Фото: © 2010, Стив Свездлов / Хьюман Райтс Вотч

Пожалуй, немногие прокуроры, будь у них выбор, согласились бы поддерживать гособвинение на процессе, где сторону защиты представлял бы Рустам Туляганов. Один из самых опытных в Узбекистане специалистов по уголовным делам и правам человека, он, как и многие его коллеги, начинал свою профессиональную карьеру еще в советской прокуратуре в 1975 г. За 11 лет работы Туляганов приобрел репутацию бескомпромиссного и безупречно честного сотрудника, что далеко не всегда вписывалось в пропитанную коррупцией систему.

Руководство не всегда было мной довольны, потому что я отказывался от дел, где не было достаточной доказательной базы. Однажды я возобновил дело человека, которого ни за что посадили на 10 лет без доказательств. Добился его оправдания, этот человек до сих пор жив, работает здесь, в Ташкенте.

В 1986 г. Туляганова уволили из прокуратуры, после того как по обвинению в коррупции был уволен его дальний родственник – высокопоставленный прокурорский работник. Он пытался обжаловать увольнение, заявляя о своей непричастности, однако обращение было оставлено без ответа.

После распада СССР в 1991 г. Туляганов стал успешным адвокатом по уголовным делам в Ташгорколлегии. Хорошо зная прокурорскую «кухню» изнутри, он защищал многих рядовых граждан и предпринимателей, нередко разоблачая факты взяточничества и коррупции в среде милиции, следователей, прокуроров и даже судей:

Если я защищаю кого-то и считаю, что его необоснованно обвиняют, я прямо говорю прокурорам и судьям, что под суд отдадут невиновного. Напоминаю им, что наша Конституция не позволяет государству осудить человека на основании одних только домыслов, говорю им, что то, что они делают, - это незаконно. А они часто в ответ: «Не лезь». Судьи боятся меня, потому что я знаю, как писать правильно, и пишу правду.

²⁴⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч с Р.Тулягановым. Ташкент, 9 ноября 2010 г.

В конце 1990-х гг., по мере нарастания государственного подавления независимого гражданского общества и репрессий против так называемых религиозных экстремистов, Туляганов оказался в поле зрения властей из-за своего участия в политически чувствительных делах. В 2003 г. известный правозащитник Сурат Икрамов, документировавший религиозные репрессии, был похищен неизвестными, жестоко избит и выброшен в мешке в канаву в пустынном месте. Туляганов взялся за это дело и стал добиваться расследования:

Я хотел представлять его, потому что он пострадал за свое дело. Других желающих не было. После этого дела мне стали предлагать и другие громкие политические дела.

Одно из таких дел оказалось связано не с правозащитниками, а с популярным автором песен Дадаханом Хасановым. После андijanских событий 2005 г. он написал несколько «подпольных» песен, в которых призывал мир не забывать жертв кровавой бойни. Милиционер услышал в автобусе одну из них и доложил руководству. Хасанова обвинили в оскорблении Президента, посягательстве на конституционный строй и распространении информации, представляющей угрозу общественному порядку. На суде ему дали три года условно.

Верный своему кредо, Туляганов брался за дела, которых другие адвокаты предпочитали сторониться. В 2006 г. он представлял бывшего муфтия и богослова Рухиддина Фахрудинова, который обвинялся в участии в запрещенной «Хизб-ут-Тахрир» и впоследствии подвергнулся в колонии пыткам и недозволенному обращению. В 2008 г. Туляганов был адвокатом правозащитника Акзама Тургунова, арестованного по делу о вымогательстве. Когда Тургунов отказался подписать признательные показания, его облили кипятком. Вместе с бывшим своим клиентом Суратом Икрамовым Туляганов также вел работу по документированию и преданию гласности фактов пыток.

Независимый журналист Солиджон Абдурахманов, в настоящее время отбывает тюремный срок. Брат Абдурахманова, как и защищавший его Туляганов, также лишился лицензии в ходе переаттестации.
Фото: © Семья Абдурахмановых

На момент вступления в силу законодательства о реформировании адвокатуры Туляганов был адвокатом правозащитника Акзама Тургунова и независимого журналиста Солидждона Абдурахманова, осужденных по надуманным обвинениям к лишению свободы. Они стали его последними клиентами.

Как и Рухиддин Комилов, Туляганов открыто критиковал реформу адвокатуры. В интервью Хьюман Райтс Вотч

он рассуждает о мотивах, которыми могло руководствоваться правительство:

Слишком много адвокатов по-настоящему выполняли свой долг, защищали людей. Защищали интересы своих клиентов, обвиняемых. Не давали власти безнаказанно сажать людей. Вместо того чтобы попытаться, как положено, разобраться, виновен человек или нет – то есть объективно, они просто решили вообще уничтожить независимую адвокатуру, сделать ее государственным органом.

Туляганова не удивило то, что весной 2009 г. он не сдал квалификационный экзамен:

Он проходил как обычно – берешь билет из кучи, отвечаешь на вопросы. Всего вопросов было больше трех тысяч. У меня принимала комиссия из пяти человек. Еще нужно было на пять вопросов письменно ответить. Я на все ответил. Потом уже мне сказали, что я не сдал, потому что не показал достаточно знаний. Конкретно ничего не сказали, в чем проблема или что именно я недостаточно знаю, и ошибки никакие не назвали.

На момент переаттестации в подчинении в Туляганова работали 12 адвокатов, все – младше него: «Они все - мои подчиненные, все – моложе меня, у них опыта меньше и так далее. Но все они сдали экзамен, а я – нет». С тех пор он так и не получил новую лицензию и не может работать адвокатом в суде.

Лишившиеся Адвокатского Статуса

Официальная статистика результатов адвокатских экзаменов не публикуется. По оценкам, до реформы в Узбекистане было около 3,8 тыс. лицензированных адвокатов, хотя многие из них реально не практиковали.²⁴⁹ Один из экспертов утверждает, что в ходе реформы адвокатуры без лицензии остались несколько сотен адвокатов, причем в их число входит и довольно большая группа тех, которые отказались сдавать заново квалификационный экзамен, после чего их лицензии были автоматически аннулированы.²⁵⁰ В любом случае, считает тот же эксперт, число адвокатов после реформы «значительно уменьшилось».²⁵¹

Рухиддин Комилов и Рустам Туляганов были не единственными адвокатами с активной гражданской позицией, которым не нашлось места в новой адвокатуре. Выше уже

²⁴⁹ «Анализ законодательства, регулирующего деятельность адвокатуры в Узбекистане», стр. 5-6. Неопубликованный документ, в досье Хьюман Райтс Вотч.

²⁵⁰ Там же.

²⁵¹ Там же.

упоминался брат осужденного независимого журналиста Солиджона Абдурахманова – Бахром, который также лишился лицензии. Еще один экс-адвокат, много лет имевший собственную адвокатскую фирму и занимавшийся делами, в которых фигурировали пытки и вопросы религии и политики, рассказывал Хьюман Райтс Вотч:

Адвокатов, которые занимались религиозными или политическими делами, [на экзамене] заваливали, так что я знал, что и меня тоже завалят. Завалили, потому что я открыто критиковал правоохранительные органы, которые ненадлежащим образом работали. Я политикой никогда не занимался и не хочу заниматься.²⁵²

Адвокат, подписавший открытое письмо президенту Исламу Каримову с призывом не подписывать закон о реформе адвокатуры, заявил: «Мы все понимали, что любой, кто подписал это письмо или в открытую выступал против, рисковал не сдать экзамен. Я думаю, меня не взяли на заметку из-за моей относительной неизвестности».²⁵³

Мелихаджи Кобилев – адвокат, в прошлом политзаключенный, вскоре после провозглашения Узбекистаном независимости некоторое время был депутатом парламента от одной из оппозиционных партий. С 2005 г. в качестве адвоката занимался уголовными делами и защитой фермеров от изъятия земли в Джизакской области. Нередко при этом всплывали факты коррупции в правоохранительных органах. В октябре 2009 г. Кобилев был лишен лицензии за то, что якобы представил ложные свидетельские показания. Местные правозащитники считают эти обвинения обоснованными, а лишение лицензии – мстью со стороны властей. Фото: © 2011, Стив Свердлов / Хьюман Райтс Вотч

Некоторые адвокаты, предвидя результаты экзамена, принимали для

²⁵² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 29 ноября 2010 г.

²⁵³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 26 ноября 2010 г.

себя решение вообще не проходить переаттестацию. Для многих бойкот экзамена был формой протеста против подчинения адвокатуры государству:

Я не сдавал экзамен, так что остался без лицензии, потому что не хочу быть адвокатом в такой системе. Это мой протест. Если это такие адвокаты, которых хочет иметь страна, то я таким адвокатом быть не хочу.²⁵⁴

Известный адвокат Сухробджон Исмоилов, в настоящее время возглавляющий ташкентскую Экспертную рабочую группу, столкнулся с угрозами, когда защищал осужденного оппозиционера Санджара Умарова. После попытки получить свидание с клиентом и протестов против попыток властей отказать ему в допуске в 2006 г. он получил «письмо, в котором говорилось, что [его] лицензия должна быть отозвана, а статус адвоката под вопросом».²⁵⁵ После этого он прекратил браться за подобные дела и предпочел не проходить переаттестацию.

Не собирается сдавать квалификационный экзамен и Нозима Камалова – в прошлом работавшая юрисконсульт в Ташкенте и недавно вернувшаяся в Узбекистан после нескольких лет учебы и преподавания юриспруденции в таких престижных американских центрах, как Гарвард и Стэнфорд:

У меня теперь есть стэнфордская степень в области права, но из-за этих реформ я не планирую заниматься юридической практикой в Узбекистане... Буду искать другую работу. Узбекские чиновники пытаются представить дело так, как будто они работают над созданием независимой судебной системы, но цель состоит в том, чтобы сделать всех адвокатов полностью зависимыми от государства... Я не хочу работать адвокатом на государство.²⁵⁶

Предпринятая в Узбекистане переаттестация адвокатов, лишившая самых принципиальных представителей профессии возможности защищать своих клиентов,

²⁵⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч с экс-адвокатом (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

²⁵⁵ Интервью Хьюман Райтс Вотч с С.Исмоиловым. Ташкент, 9 ноября 2010 г.

²⁵⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (по телефону) 11 августа 2011 г.

противоречит международному праву и подрывает убедительность заявлений правительства о том, что оно всерьез настроено на обеспечение прав задержанных и борьбу с пытками. В мае 2009 г. спецдокладчик ООН по вопросу о независимости судей и адвокатов прямо предупреждал Узбекистан о том, что «положения, касающиеся действующего порядка лицензирования Министерством юстиции в сочетании с обязательным членством во вновь созданной Палате адвокатов нуждаются в срочном пересмотре в интересах обеспечения соблюдения международных стандартов».²⁵⁷

Более того, то обстоятельство, что переаттестацию не прошли только особо политически активные адвокаты, указывает на то, что со стороны властей мог иметь место избирательный подход, основанный на характере прошлых дел. Такого рода дискриминация противоречит Основным принципам, касающимся роли юристов, которые устанавливают, что «юристы не отождествляются со своими клиентами или интересами своих клиентов в результате выполнения ими своих функций».²⁵⁸

Основные принципы также устанавливают, что юристы не должны подвергаться «судебному преследованию или судебным, административным, экономическим или другим санкциям за любые действия, совершенные в соответствии с признанными профессиональными обязанностями, нормами и этикой, а также угрозам такого преследования и санкций».²⁵⁹ Отмечая «увеличение числа жалоб, касающихся отождествления правительствами адвокатов с интересами их клиентов», профильный спецдокладчик ООН еще в 1998 г. разъяснял, что такую практику «можно рассматривать как запугивание и преследование соответствующих адвокатов».²⁶⁰

Дисциплинарные Процедуры

В соответствии с новой редакцией закона об адвокатуре Министерство юстиции располагает широкими возможностями не только в части лицензирования адвокатов,

²⁵⁷ UN Human Rights Council, “Report of the Special Rapporteur on the independence of judges and lawyers, Leandro Despouy,” A/HRC/11/41/Add.1., May 19, 2009, para. 357. Спецдокладчик также отметил, что «для обеспечения независимости и самоуправляемости адвокатуры доступ в нее должен регламентироваться независимыми органами, создаваемыми самими адвокатами», и предложил наделить Палату адвокатов «правом создавать независимые органы, регламентирующие доступ в адвокатуру». Там же.

²⁵⁸ Принцип 18.

²⁵⁹ Принцип 16.

²⁶⁰ Комиссия ООН по правам человека. Доклад Специального докладчика по вопросу о независимости судей и адвокатов г-на Парамасвами. 12 февраля 1998 г., E/CN.4/1998/39, п. 179.

но и в том, что касается дисциплинарных вопросов. Дисциплинарные санкции налагаются квалификационными комиссиями, которые состоят наполовину из адвокатов, наполовину – из представителей Минюста. Такая же ситуация имела место и до реформы, однако теперь адвокаты в составе комиссии должны быть членами Палаты, что обеспечивает предварительную «проверку их благонадежности» со стороны Минюста. К тому же в такой ситуации представители Минюста вправе возбуждать в отношении адвокатов дисциплинарное производство и предупреждать о возможности прекращения лицензии.

Рассказывает адвокат, в прошлом участвовавший в дисциплинарном производстве:

Считалось, что дисциплинарное производство должно осуществляться самими адвокатами, без вмешательства чиновников из правительства. Мы все потеряли, и теперь всем этим полностью занимается Палата адвокатов. Если за дисциплинарные процедуры отвечают чиновники и им не понравится како-то конкретный адвокат, то они могут просто вызвать любого в юстицию и принять любые меры по своему усмотрению, например – лишить его лицензии.²⁶¹

Роль государства в лицензировании и дисциплинарной ответственности адвокатов нарушает независимость адвокатуры и противоречит Основным принципам, касающимся роли юристов. Они, в частности, устанавливают, что «дисциплинарные меры в отношении юристов рассматриваются беспристрастным дисциплинарным комитетом, создаваемым юристами, в независимом органе, предусмотренном законом, или в суде и подлежат независимому судебному контролю.²⁶² Все дисциплинарные меры определяются в соответствии с кодексом профессионального поведения и другими признанными стандартами и профессиональной этикой юриста и в свете настоящих принципов».²⁶³ Вышесказанное однозначно указывает на то, что дисциплинарные процедуры, включая переаттестацию, должны осуществляться самим

²⁶¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

²⁶² Принцип 28.

²⁶³ Принцип 29.

юристами и должны быть свободными от какого-либо влияния или вмешательства со стороны исполнительной власти.²⁶⁴

Сдерживающее Воздействие

Вне зависимости от того, сколько именно адвокатов лишились лицензии в ходе переаттестации, реформа уже оказала сдерживающее воздействие на адвокатуру. Самые активные адвокаты лишились голоса вместе с лицензией, и теперь немногие их коллеги способны или готовы браться за политически чувствительные дела. В итоге клиенты не могут в полном объеме воспользоваться правом на справедливый суд, которое гарантировано Международным пактом о гражданских и политических правах.²⁶⁵

Многие адвокаты из числа опрошенных нами отмечали нарастание после реформы удушающей атмосферы в профессии. Ощущение изоляции усиливается и изгнанием из страны целого ряда международных организаций, включая Американскую ассоциацию адвокатов, которые прежде оказывали методическую и другую поддержку узбекским адвокатам.

Говорит адвокат, много лет защищавший обвиняемых по религиозным статьям:

Я привык давать интервью прессе и тесно работал с правозащитниками. А теперь я даже отказываюсь от участия в круглых столах, которые организуются в посольствах, поскольку малейший промах может стоить тебе лицензии.²⁶⁶

Осенью 2010 г. мы встречались в Ташкенте с еще одним адвокатом, которая также много лет занималась религиозными делами. Нарастание удушающей атмосферы в профессии заставило ее к концу года принять решение уехать из страны: «Слишком

²⁶⁴ См. также: Office of the High Commissioner for Human Rights, International Bar Association, “Human Rights in the Administration of Justice: a Manual on Human Rights for Judges, Prosecutors and Lawyers,” Professional Training Series No. 9, 2003, p. 157, <http://www1.umn.edu/humanrts/monitoring/hradmin.html>. («Любые дисциплинарные процедуры в отношении адвокатов, обвиняемых в нарушении признанных профессиональных стандартов или этики, должны быть по-настоящему независимыми от исполнительной власти и обеспечивать соблюдение процессуальных стандартов в ходе этих процедур».)

²⁶⁵ Статья 14.

²⁶⁶ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 2 ноября 2010 г.

сложно стало такие дела брать. Постоянно дают, постоянно боишься, что власть тобой займется».²⁶⁷ Об этом же нам говорил экс-адвокат Рустам Туляганов:

Все просто сидят тихо, ничего не делают, потому что они все боятся работу потерять. Клиенты по-прежнему своим адвокатам платят, но реальной защиты не получают. Адвокатская профессия теряет свою силу.²⁶⁸

«Осталось очень мало адвокатов, которые готовы биться за клиента до конца», - подтвердил еще один адвокат.²⁶⁹

Помимо контроля дисциплинарного производства Министерство юстиции сохранило полномочия по проведению квалификационного экзамена, по итогам которого выдается адвокатская лицензия. Официально такой экзамен должны раз в три года сдавать все практикующие адвокаты, однако некоторые опасаются, что и экзамен, и дисциплинарные процедуры будут использоваться, чтобы избавляться от адвокатов, которые будут брать «не за те» дела или будут слишком хорошо отстаивать интересы подзащитного. Один из адвокатов назвал квалификационный экзамен инструментом в руках Минюста, чтобы «каждые три года проводить чистку в адвокатуре».²⁷⁰ Комментирует Рустам Туляганов:

Адвокаты боятся потерять работу, если по какому-то поводу шум поднимать начнут. Дело в том, что кого посчитают непокорным – их можно каждые три года на переаттестацию отправлять и без лицензии оставить.²⁷¹

Говорит адвокат, успешно сдавший экзамен:

После этих реформ мы все понимаем, что Палата, Министерство и вообще власть могут в любой момент отобрать у нас лицензию. Найдут

²⁶⁷ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 18 ноября 2010 г.

²⁶⁸ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 9 ноября 2010 г.

²⁶⁹ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

²⁷⁰ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 14 ноября 2010 г.

²⁷¹ Интервью Хьюман Райтс Вотч. Ташкент, 9 ноября 2010 г.

способ привлечь тебя к дисциплинарной ответственности ... за одно то даже, что не то дело взял.²⁷²

Адвокат, продолжающая работать в Ташкенте, говорила нам, что она и ее коллеги все больше сторонятся «политических» дел:

Мы теперь не так в себе уверены. Когда тебе предлагают дело, особенно где кого-то могут обвинить в чем-то политическом, ты спрашиваешь себя: «Зачем туда лезть?» Получается такая своего рода самоцензура, которой не было раньше.²⁷³

Ее коллега признавалась в интервью, что после реформы она старается «держаться подальше от любого дела, где фигурирует СНБ. Суды все больше и больше закрываются от нас и от публики».²⁷⁴

²⁷² Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 26 ноября 2010 г.

²⁷³ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 29 ноября 2010 г.

²⁷⁴ Интервью Хьюман Райтс Вотч (имя не разглашается). Ташкент, 26 ноября 2010 г.

Об авторах

Этот доклад подготовлен и написан Стивом Свердловым, научным сотрудником Отделения Хьюман Райтс Вотч по Европе и Центральной Азии и директором ташкентского офиса Хьюман Райтс Вотч до его закрытия властями весной 2011 г.

Анна Долидзе, в 2009 г. – консультант Отделения по Европе и Центральной Азии, проводила подготовительные исследования и несколько интервью. Интерн Отделения по Европе и Центральной Азии Джессика Шоулз исследовала международные стандарты независимости юристов и помогала в работе над несколькими разделами доклада. Интерн того же отделения Боряна Левретова помогала обрабатывать и расшифровывать интервью нескольких жертв пыток. Интерны Сара Кальдероне и Саша Рахмонов оказывали важное содействие в проведении исследований.

Редакция: Хью Уильямсон, директор по Европе и Центральной Азии; Даниэль Хаас, старший редактор Отдела программ. При участии: старший консультант Отделения по Европе и Центральной Азии Аллисон Гилл; научный сотрудник Отделения по Европе и Центральной Азии Мира Риттманн; директор по правозащитному лоббированию Отделения по Европе и Центральной Азии Вероника Сзенте Голдстон (краткое содержание и рекомендации); старший юрисконсульт Хьюман Райтс Вотч Эшлин Рейди.

Подготовка к публикации: сотрудник Отделения по Европе и Центральной Азии Эрика Лэлли, креативный менеджер и фоторедактор Анна Лоприор, директор по публикациям Грейс Чои, а также менеджер почты Фицрой Хепкинс.

Хьюман Райтс Вотч выражает свою глубокую признательность всем тем, кто согласился поделиться с нами рассказами о пытках и недозволенном обращении. Мы также благодарны адвокатам, которые поделились с нами как своими профессиональными знаниями, так и личными историями, связанными с притеснениями со стороны властей при представительстве интересов клиентов. Отдельное спасибо многочисленным правозащитникам в Узбекистане, которые предоставили нам информацию о жалобах на пытки и недозволенное обращение и о реализации habeas corpus.

Доклад посвящается бесстрашным представителям независимого гражданского общества Узбекистана – людям самых различных профессий на свободе и за решеткой, которые работают в интересах прав человека, ответственности и перемен.

Приложение

Перевод с английского

10 ноября 2011 г.

Директору
Национального центра по правам человека
Республики Узбекистан
А.Саидову

Уважаемый господин Саидов!

От лица Хьюман Райтс Вотч свидетельствую Вам свое уважение и имею честь сообщить, что Хьюман Райтс Вотч готовит доклад о пытках и недозволенном обращении в местах досудебного содержания под стражей в Узбекистане, который будет содержать оценку реализации судебного санкционирования содержания под стражей и других уголовно-процессуальных реформ на досудебном этапе, таких как обеспечение права на доступ к адвокату, которые предпринимаются правительством Узбекистана в течение последних четырех лет. В докладе также затрагиваются вопросы проводившихся в тот же период реформ по реструктуризации адвокатуры и обязательному перелицензированию всех адвокатов в Узбекистане.

Мы заинтересованы в том, чтобы в докладе были адекватно отражены взгляды, политика и практика правительства Узбекистана по этим вопросам, а также приветствовали бы возможность обсудить результаты наших исследований лично с Вами и с представителями профильных министерств и ведомств в Ташкенте.

Хьюман Райтс Вотч, руководствуясь целью защиты прав человека во всем мире, проводит сбор информации по этим вопросам и, стремясь к объективности и достоверности, просит Вас представить Ваши взгляды, комментарии и любую другую информацию, которые будут аккуратно отражены в готовящемся докладе.

Хьюман Райтс Вотч много лет занимается проблемами пыток и недозволенного обращения в Узбекистане и отслеживает реализацию на практике судебного санкционирования содержания под стражей и других реформ уголовного судопроизводства с момента принятия четыре года назад соответствующего законодательства. По итогам продолжительных исследований мы пришли к определенным выводам по трем ключевым направлениям: судебное санкционирование содержания под стражей, пытки и независимость адвокатской профессии.

Надеемся, что Вы выскажете свои соображения по приводимым ниже выводам и Ваше мнение относительно прилагаемых детальных рекомендаций.

Основные выводы

Судебное санкционирование содержания под стражей

Хьюман Райтс Вотч установлено, что по прошествии четырех лет после его введения судебное санкционирование содержания под стражей во многом остается только на бумаге и почти ничего не дает для защиты задержанных от пыток и недозволенного обращения. Право на обжалование в суде законности содержания под стражей (*habeas corpus*) является одним из центральных международных прав, призванным не допускать произвольного задержания. Однако даже после его введения в Узбекистане досудебное содержание под стражей, как представляется, остается скорее нормой, чем исключением.

Нами установлено, что суды в подавляющем большинстве случаев (90%) удовлетворяют ходатайство прокуратуры о заключении под стражу и что они нередко дословно утверждают предлагаемые гособвинением формулировки, не проводя независимого рассмотрения. Действующие нормы УПК являются настолько узкими, что входят в противоречие с фундаментальной целью *habeas corpus* – обеспечить рассмотрение судом законности содержания под стражей. Законодательство не оставляет суду права по своему усмотрению применять другие – более мягкие меры пресечения, такие как залог или домашний арест. Это до сих пор остается прерогативой прокуратуры.

Существующий порядок судебного санкционирования содержания под стражей не соответствует предельному сроку задержания по международным нормам о правах

человека, поскольку позволяет милиции и следователям задерживать подозреваемого на срок до 72 часов до доставления в суд. Нами также документировано множество случаев, когда власти, чтобы значительно продлить даже этот срок, прибегают к различным уловкам, включая надуманные административные дела. На решающих этапах следствия не обеспечиваются такие права, как доступ к адвокату и право на выбор адвоката, в том числе во время допроса и на самих слушаниях о заключении под стражу, которые проходят в закрытом режиме.

Практикующие адвокаты говорят, что слушания о санкционировании содержания под стражей носят поверхностный характер и лишены важнейших процессуальных гарантий, таких как отвод судьи при последующем рассмотрении уголовного дела. В то время как буквально habeas corpus означает «ты должен иметь тело», в Узбекистане слушания о заключении под стражу иногда проходят в отсутствие самого задержанного, особенно если речь идет о политически мотивированных делах, что выхолащивает смысл этой процедуры.

Правдоподобные заявления о пытках и недозволенном обращении, отказ в доступе к адвокату

Обеспечение процессуальных прав задержанного и его адвоката, включая право на адвоката по выбору, имеет важнейшее значение, поскольку пытки и недозволенное обращение зачастую имеют место в первые часы или дни после задержания, во время допроса и до того момента, когда задержанный предстанет перед судьей. В январе 2009 г. в Узбекистане вступили в силу поправки в УПК, которые предоставили задержанному право на звонок адвокату или близкому родственнику сразу после ареста; однозначно подтвердили право на свидания с адвокатом с момента фактического задержания; упразднили действовавший ранее порядок, в соответствии с которым свидание с задержанным предоставлялось адвокату по письменному разрешению прокурора. Было также введено обязательное разъяснение задержанному до допроса, что он вправе хранить молчание, что данные им показания могут быть использованы против него в суде и что у него есть право на собственного или назначенного адвоката.

Однако, как и в случае с судебным санкционированием содержания под стражей, несмотря на всю внешнюю прогрессивность этих реформ, нами было установлено, что правительство Узбекистана не смогло или не захотело осуществить их на практике,

равно как и всерьез заняться проблемой пыток и недозволенного обращения. Напротив, наши исследования не дают оснований говорить о том, что пытки идут на убыль. Пыткам и недозволенному обращению по-прежнему подвергаются и подозреваемые по «обычным» уголовным делам, и фигуранты дел о членстве в запрещенных политических или религиозных организациях, и правозащитники и независимые журналисты. После приговора пытки нередко продолжают и в местах отбывания наказания.

Хьюман Райтс Вотч документировано применение таких методов, как избивание резиновой дубинкой, электрошок, подвешивание за запястья или лодыжки и сексуальное унижение – все это за последние четыре года реформ. На этапе досудебного содержания под стражей регулярно имеет место отказ в доступе к адвокату, а полученные под пыткой признания по-прежнему ложатся в основу обвинительного приговора.

Растущая изоляция Узбекистана из-за отказа правительства разрешать деятельность в стране местных и международных НПО, в том числе и Хьюман Райтс Вотч, дополнительно осложняет оценку реальных масштабов пыток.

Задержанным до сих пор отказывают в доступе к адвокату и в выборе защитника на допросе и на слушаниях о заключении под стражу. Судьи, которые рассматривают ходатайства об избрании такой меры пресечения и уголовные дела, как и прежде, игнорируют заявления о пытках и недозволенном обращении, не исключают из материалов дела доказательства, полученные под пыткой или в отсутствие адвоката, и не обеспечивают привлечение виновных к ответственности.

Подконтрольность адвокатского сообщества властям

1 января 2009 г. вступил в силу закон о реформировании адвокатуры, который упразднил ранее существовавшие независимые объединения и подчинил адвокатуру правительству. Всем адвокатам пришлось заново получать лицензию, и теперь они каждые три года обязаны проходить переаттестацию.

Как нам сообщали адвокаты, новый закон, обернувшийся для многих независимых адвокатов исключением из коллегии или лишением лицензии, фактически подчинил

адвокатуру исполнительной власти, что противоречит как международным стандартам независимости адвокатов, так и законодательству Узбекистана.

За три года новое законодательство серьезно ослабило защиту в уголовном судопроизводстве, нейтрализовав активных адвокатов, бравшихся за политически чувствительные дела и не боявшихся заявлять о пытках в суде. Более того, эти реформы негативно сказались на всей адвокатской практике. Как представляется, это дополнительно снижает убедительность заявлений правительства Узбекистана о том, что оно всерьез намерено бороться с пытками.

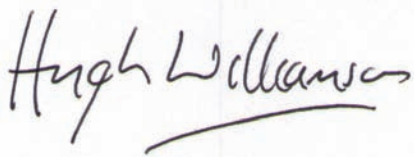
Те адвокаты, которые вели политически чувствительные дела или публично протестовали против реформы, не прошли переаттестацию, несмотря на многолетний опыт работы. Несколько адвокатов в интервью Хьюман Райтс Вотч утверждали, что власти заранее определяли, кто не сможет пройти переаттестацию. Один из них рассказывал: «У них был черный список адвокатов, которых нужно было завалить на экзамене». Среди известных адвокатов, которые оказались выброшенными из профессии в ходе реформ, были, в частности Рухиддин Комилов и Рустам Туляганов, которые занимались и уголовными делами, и правами человека. Полного списка адвокатов, которые лишились лицензии в ходе реформирования адвокатуры, Хьюман Райтс Вотч и другим правозащитным организациям до сих пор получить не удалось.

Нам хотелось бы узнать Ваше мнение не только по вопросам, изложенным выше, но и по прилагаемым детальным рекомендациям. Просим представить Ваши соображения не позднее 28 ноября 2011 г., чтобы мы имели возможность максимально корректно отразить в готовящемся докладе Вашу позицию и любую информацию, которую Вы сочтете необходимым сообщить.

Ответ можно направлять лично мне на узбекском, русском или английском языке по электронной почте или по факсу. Хьюман Райтс Вотч приветствовала бы возможность обсудить эти вопросы непосредственно с Вами и с представителями профильных министерств и ведомств в Ташкенте в дополнение к встрече с послом Узбекистана в Германии в ближайшие недели.

Заранее благодарю Вас за содействие.

Искренне Ваш

Хью Уильямсон,
директор по Европе и Центральной Азии,
Хьюман Райтс Вотч

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рекомендации правительству Узбекистана

Хьюман Райтс Вотч призывает правительство Узбекистана обратиться к проблеме пыток, безотлагательно предприняв шаги по обеспечению соблюдения международно-правовых обязательств в области прав человека. Правительству следует обеспечить соблюдение Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, в полном объеме выполнить рекомендации спецдокладчика ООН по пыткам по итогам его посещения Узбекистана от февраля 2003 г., обеспечить соответствие практики судебного санкционирования содержания под стражей Международному пакту о гражданских и политических правах, а также принять меры по обеспечению независимости адвокатуры. В частности, мы настоятельно призываем правительство принять следующие меры:

В области судебного санкционирования содержания под стражей

- Включить в УПК норму, которая обязывала бы судей убеждаться в наличии разумных оснований для содержания под стражей и исследовать допустимые доказательства с вынесением решения об освобождении в случае, если законность дальнейшего содержания под стражей не будет установлена.
- Включить в УПК норму, которая обязывала бы судей на слушаниях о заключении под стражу исследовать доказательства пыток и недозволенного обращения.

- В соответствии с международными стандартами сократить максимальный срок задержания по уголовному или административному делу до доставления к судье с 72 до, как минимум, 48 часов.
- Открыть слушания о заключении под стражу для третьих лиц, таких как родственники, представители правозащитных организаций, журналисты, сотрудники дипкорпуса и международных организаций.
- Обеспечить каждому задержанному право на адвоката по выбору на слушаниях о заключении под стражу и разрешить адвокату предварительную встречу с подзащитным и ознакомление с доказательствами.
- Не допускать слушание уголовного дела тем же судьей, который рассматривал ходатайство о заключении под стражу. Рассмотрение таких ходатайств можно было бы поручить отдельной группе судей.
- Включить в УПК норму, которая обязывала бы немедленно предоставлять адвокатам обоснование ходатайства о заключении под стражу, избавив их от необходимости самостоятельно получать такие материалы.

В области предупреждения пыток и обеспечения процессуальных прав

- Обеспечить исполнение норм УПК о предоставлении задержанному полного и беспрепятственного доступа к адвокату по выбору на всех этапах следствия и суда.
- Обеспечить информирование всех задержанных об их правах. Это можно было бы сделать в виде печатной информации, которая выдавалась бы каждому задержанному или вызванному для дачи объяснений, а также размещалась бы на видном месте во всех камерах и помещениях для допроса.
- Довести до сведения милиции, органов госбезопасности, следователей, прокуроров, судей и всех должностных лиц, что пытки не будут прощаться и повлекут суровые меры дисциплинарного и уголовного характера.
- Обеспечить, чтобы все лица, задержанные по подозрению или обвинению в совершении административного правонарушения, не позднее чем через 48 часов доставлялись к судье и чтобы административный арест не использовался для содержания под стражей в тех случаях, когда нет достаточных оснований для заключения человека под стражу в качестве подозреваемого по уголовному делу.
- Обеспечить недопустимость полученных под пыткой признаний.

- Обеспечить всем лицам на практике право обращаться с заявлениями о пытках в независимую инстанцию, которая бы их оперативно и тщательно расследовала. Необходимо также исключить возможность запугивания и мести в связи с таким обращением.
Обеспечить расследование по тем сотрудникам правоохранительных органов, в отношении которых имеются заявления о пытках или недозволенном обращении с задержанными, и привлечение их к уголовной ответственности, если такие факты подтвердятся.
- Обеспечить детальное занесение в протокол судебного заседания и в приговор любые заявления о пытках, которые могут делаться в суде.
- Обеспечить правозащитным организациям беспрепятственный доступ в суды и места содержания под стражей, а также направить приглашения на посещение страны спецдокладчику ООН по пыткам и всем тематическим механизмам ООН, которые такое приглашение запрашивали.
- Разрешить регистрацию для местных правозащитных групп и перерегистрацию для иностранных НПО, включая выдачу виз их сотрудникам, и регулярно консультироваться с гражданскими группами по вопросам соблюдения Конвенции ООН против пыток.

В области обеспечения независимости адвокатуры

- Обеспечить полную независимость и самоуправляемость Палаты адвокатов, с тем чтобы адвокаты могли адекватно представлять интересы своих клиентов и адвокатуры.
- Лишить Министерство юстиции права назначать и отстранять председателя Палаты адвокатов и ввести свободные выборы на этот пост.
- Ввести свободные выборы председателей региональных подразделений Палаты адвокатов и оградить их деятельность от вмешательства извне.
- Изъять из закона об адвокатуре норму, не допускающую существование каких-либо иных профессиональных адвокатских объединений с функциями, аналогичными Палате адвокатов.
- Изменить состав дисциплинарных комиссий в структуре Палаты адвокатов, с тем чтобы исключить участие представителей власти в их работе или сохранение государством значительного влияния на их работу.

- Исключить возможность учета каких-либо политических или иных произвольных факторов при лицензировании адвокатов или принятия к ним дисциплинарных мер.
- В случае отказа в выдаче или лишения адвокатской лицензии сообщать детальные основания такого решения и обеспечить возможность его пересмотра независимой апелляционной инстанцией.
- Восстановить лицензии тем адвокатам, которые были лишены их вследствие правозащитной деятельности.